

Prix : 10 Francs

№ 239 — SEPTEMBRE-OCTOBRE 1972
PÉRIODIQUE

ВОЗРОЖДЕНИЕ

«LA RENAISSANCE»

НЕЗАВИСИМЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 239

СЕНТЯБРЬ-ОКТАБРЬ 1972 ГОДА

c/o. S. S. Obolensky
Chemin de la Côte-du-Moulin
78620 — L'Etang-la-Ville

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
НАШ РУССКИЙ ПУТЬ. Редакционная статья.	5
Игорь ЧИННОВ. Гротески. Стихи.	7
Н. РОВСКАЯ. Смерч.	11
Иг. АВТАМОНОВ. Маленькое чудо. Рассказ.	35
Ирина АСТРАУ. Запоздалое счастье.	47
М. КАРАТЕЕВ. Стихи.	53
К.А. КРИВОШЕИН. А.В. Кривошеин и граф Коковцов.	55
В. МАРКАДЭ. « Царь Борис » А.К. Толстого. (Оконч.).	86
Л. ДОМИНИК. Еще раз о марионетках.	105
БЕСЕДЫ С ВЕЛИКОЙ КНЯЖНОЙ МАРИЕЙ ВЛАДИМИРОВНОЙ. Собрал гр. Д. Капнист.	109
Граф Д. КАПНИСТ. Диктатура и Монархия.	112
Лев ЗАКУТИН. От контестации интеллектуальной и политической к контестации экономической.	122
Среди книг и журналов: Н.В. СТАНЮКОВИЧ. « Новый Колокол ».	130
И.И. БИЛИБИН. Права наций.	141
Кн. С. ОБОЛЕНСКИЙ. Быть или не быть.	153

« LA RENAISSANCE »

ВОЗРОЖДЕНИЕ

**НЕЗАВИСИМЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Под редакцией

Кн. С. С. ОБОЛЕНСКОГО и Я. Н. ГОРБОВА

№ 239

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ 1972 ГОДА

c/o. S. S. Obolensky
Chemin de la Côte-du-Moulin
78620 — L'Etang-la-Ville

VOZROJDENIE

« LA RENAISSANCE »

REVUE LITTÉRAIRE ET POLITIQUE

Comité de rédaction :

PRINCE S. OBOLENSKY ET J. GORBOF

Nº 239

SEPTEMBRE — OCTOBRE 1972

c/o. S. S. Obolensky
Chemin de la Côte-du-Moulin
78620 — L'Etang-la-Ville

Всю переписку просят временно направлять по адресу :

Mr. S. Obolensky. Chemin de la Côte-du-Moulin
78620 — L'Etang-la-Ville

Статьи неприятые к напечатанию не возвращаются, и Редакция не вступает в переписку по их поводу.

Наш русский путь

В № 25 «Хроники текущих событий» (вышедшем в свет чуть ли не через полгода после того, как высшие инстанции КПСС дали приказ немедленно раскрыть и разгромить непокорное издание), в обзоре зарубежных откликов на творчество Солженицына, достаточно обстоятельно и совершенно правильно передано содержание статьи, посвященной «Августу Четырнадцатого» в № 236 «Возрождения». Совершенно верно московский обозреватель отметил, что наша оценка больше всего подчеркнула и выдвинула на первый план религиозную и национальную тему, от начала и до конца пронизывающую это произведение нашего знаменитого соотечественника.

Появление этого «отклика на отклик» в «Хронике текущих событий» не только доказывает лишний раз, что нас читают, и притом внимательно, на родине. Оно подтверждает нам также, что ту постановку вопроса, которую мы считаем решающей, отлично понимают и там.

Мы только что написали: «религиозная и национальная тема» в единственном числе. Да, именно. Еще больше, чем когда либо в прошлом, трагическая судьба современной России приводит к тому, что само ее бытие как нации немыслимо в отрыве от религиозной реальности. Показательно в высшей степени, что религиозное обоснование права на существование наций опять-таки Солженицын наметил, как бы мимоходом, но совсем недвусмысленно, в своей «Нобелевской лекции» (полный русский текст которой появился теперь в «Русской Мысли» от 7 сентября).

Здесь — основной водораздел. Нравственное начало, которое верующие люди сознают как служение Правде Божией, составляет и единственный возможный смысл, и основу существования России как нации. По ту сторону водораздела — партийная власть, материалистическая догматика которой не дает никакого места нравственному началу: стараясь изъять из национальной истории России ее духовное содержание, чтобы приспособить ее к своим целям, эта власть тем самым подрывает жизнеспособность нашей нации, что и сказывается в признаках упадка, становящихся всё более грозными и в области народной морали, и в постепенном иссякании даже материального творчества.

Но по ту сторону водораздела и те «оппоненты» этой власти, которые, также отвергая духовную заданность русской истории, отрицают и Россию как нацию. В этом нашем номере нам пришлось, статьей Н.В. Станюковича, высказаться о писаниях тех представителей «внутренней оппозиции» этого рода, которые за последние годы появились за рубежом. К ней и отсылаем здесь наших читателей.

Всё наше упование — на те силы духовного возрождения, которые в России, снова говоря словами Солженицына, работают на восстановление насильственно порванной «исторической памяти» нации и тем самым пробивают путь к еще небывалому будущему. Сомкнуться с ними чтобы принести им всю возможную помощь — наша задача за рубежом. Все те, очень многие, кто в русском рассеянии может и хочет принять участие в разрешении этой задачи, имеют наш журнал в своем распоряжении как свой орган печати, укорененный в русской национальной традиции и целиком направленный к будущему. В противовес советскому застою, самые смелые поиски новых форм творчества во всех областях культуры органически вытекают из непрерывного развития русской соборной души и должны отражаться на страницах «Возрождения». В противовес мертвящему советскому однообразию, наша общая основная направленность может и должна объединять очень широкий диапазон подходов и взглядов.

Но мы снова должны напомнить всем нашим друзьям и сочувствующим, что вести наше дело нам приходится в исключительно трудных условиях. Без широкой общественной поддержки, которая прежде всего должна выразиться в расширении подписки на журнал, невозможно обеспечить его продолжение и развитие. В России многие и многие, рискуя тюрьмой, отдают всё свое свободное время на то, чтобы переписывать и распространять независимую литературу самиздата. Гораздо меньшее усилие требуется, в свободном мире, от тех, кто вместе с нами считает необходимым существование нашего независимого русского органа печати. Но это общее усилие должно быть сделано.

«В»

Гротески

Обожжены, обнажены, обижены
Края души — и вот, о смысле жизни,
О том, что мы искажены, обезображены,
Что жизнь порою хуже казни —
И черт хихикнул : « Это наши козни,

Мон шер, о богословской сей материи
С вопросами соваться к Небу
Смешно : шарады, фокусы и ребусы.
К ним комментарий крематорий.
Всё просто потому, что потому
Оканчивается, окунчивается на у ».

ЗАКОНЫ

И яблоко, по зрелом размышлении,
По ветке чиркнув, быстро стукнулось —
Свидетельство закона тяготения.

И черный кот поймал мышонка белого,
С ним поиграл, а после съел его —
Закон единства противоположностей.

И там, где спорили две точки (зрения),
Прямая (фронтальная) линия
Была, увы, кратчайшим расстоянием.

Потом разрушили до основания
Два города в весенней зелени
(Закон достаточного основания).

И солнце в море опустилось весело,
Теряя в весе столько, сколько весила
Им вытесненная купальщица.

*Consume my heart away; sick with desire
And fastened to a dying animal
It knows not what it is*

W. B. Yeats

Живу, увы, в страдательном залоге
(« Бессмертья, может быть, залог » ?).
Не жизнь — смесь тревоги и — изжоги,
Туманный яд, холодный « смог ».

Да, да, сегодня красная погода,
Да, презеленая, отстань.
Делишки и делишечки, простуда,
Больная, сломанная тень.

Но — русские авоси да небоси,
Всё — ничегошеньки, пройдет.
Сереет небо, холодеет осень.
А скоро — иней, скоро — лед.

...Кто смотрит ? Искупитель ? Искуситель ?
Неясный нимб... Да нет — луна...
И не о чем, и незачем, простите...
« Луна — бледна », « Весна — красна ».

НАДГРОБНОЕ СЛОВО СОБУТЫЛЬНИКУ

Жил на свете таракан,
Таракан от детства,
И потом попал в стакан,
Полный мухоедства.

Капитан Лебядкин

« И срублен ты, как маков цвет, под коре-
» нь, на жизненном пути, в житейском море.
» Метался, как подкошенный, как вко-
» как вкопанный, убит безжалостной руко-

» й, как прошлогодний снег. Бесстрастная луна
» увидела, как во-царилась тишина,
» ти-ши, ши-ши, ши-на... И ты, увы,
» как все,
» в моги-

ле-

ле-

ле-

жишь, как белка в колесе,

» как лист перед травой, как клетка в птичке —
» как птичка в клетке, клетке-невеличке,
» и ниже, ниже, эх, травы, тра-тра, тра-тра,
» травы ».

Мертвый вялый туман,
кокон печали и скуки,
серый огромный кокон,
где стынет личинка рассвета,
куколка полдня.

Что делать, если душа
молчала так долго.
что на губах ее сплел
паук паутину ?

Что делать, если сердце молчит
мертвой трихиной ?

Таракан Тараканий Великий, властелин пауков и лемунов,
Шел войной на лангуста Лагуста, властелина мокриц и
[мандрилов.
Над рядами кротов или крабов сто вампиров топорщились
[хмуро.
Рассветало. Был снег на равнинах. И сердце томилось.

Тараканий, шевеля усами, осуждал теорию квантов.
Лангуст, шевеля усами, поучал, что важней —
квакванты.

О, как трудно дышать! Сколопендры в темнеющем небе.
Густо падает снег. Чье-то сердце лежит на сугробе.

Уже уносило в жерло расширяющейся Вселенной,
В черной пустоте кружило Таракана, Тамерлана, Лангуста,
[Ксеркса.
В конусе небытия Тарантул вращался, пленный.
Два огненных дикобраза вертелись, грызясь из-за сердца.

Только мы отдыхали одни в отвратительном царстве Эринний.
И на сомкнутых веках твоих были пепел, и слезы, и — иней.

Была вечеринка в аду. И с бутылочкой рома
Склонялся Иуда к чертёнку с лицом херувима,
И Каин скучал подле черной дьявольской кухни,
«Святому Георгию» пели драконы Эй ухнем
И демоны выли Те Деум средь гама и дыма.

И серые тени змеились у лодки Харона,
И теням туманным показывал фокусы Хронос,
И чья-то душа, разжиревшая черная такса,
В зеркальной стене отражаясь, прилипла к паркету.

И мы танцевали на темных волнах Флегетона,
И черный оркестр погружался в мерцание Стикса,
Огромные люстры летели в застывшую Лету.
Все, кажется, ждали Христа. Нет, конечно, не ждали.

С М Е Р Ч

Отрывок из 3-ей части *)

Надежда Федоровна расхворалась. Месяц тому назад ударила ногу. Нога распухла, покраснела, образовалась гноящаяся рана. Не может подниматься на пятый этаж. Пришлось ей оставить работу. Она было пристроилась к одной коммунистке — ответственной работнице, приходящей прислужой. В больнице врач сказал, что рана туберкулезного происхождения. Нужно усиленное питание. Легко сказать! Тоня, работая одна на двоих, еле сводит концы с концами!... В аптеке достала лишь марганцевого кали. Каждый вечер промывает им дурно пахнущую рану.

Ляля тоже начинает сдавать. Кашляет. Похудела. К врачу итти не хочет. — Что он поможет? Скажет то, что и твоей маме? А чем питаться? Спички глотать?

— Лялька, ты хочешь, чтобы я тебя силой потащила в больницу?

— А ты не волнуйся, — успокаивает Ляля, — я здоровая, с меня, как с гуся вода. Покашляю, покашляю и перестану, — повторяет она свою любимую фразу. — А если сдохну — туда мне и дорога. Плакать некому.

— Я буду плакать! А ты — дура, жизнь, какая бы ни была, лучше смерти.

— Каждый по-своему думает.

Тоня пробовала устроить подругу курьершей в свое учреждение, но Ляля через день сбежала. « Душно мне в четырех стенах. Бумагами воняет... Нет, не променяю свою свободу на ваш каземат ».

* *
*

Июльский жаркий вечер. Внизу, на площади радостно-привольное цветение лип. Сладкое, истомное дыхание подымается до пятого этажа, летит над крышами города до самых звезд. А звезды медового цвета трепещут ночными бабочками, приколотыми к темному бархату неба... Тоня смотрит с балкона на едва видимую во мраке площадь. Кажется — там неизмеримая океанская глубь, а она стоит на высокой скале между

*) См. « Возрождение » № 237 и № 238.

небом и землей — маленькая, ничтожная точка в непостижимой грандиозности мироздания. Всё земное теряет реальность, теряется ощущение весомости своего тела, даже ощущение своего «я», она будто смотрит на себя со стороны, откуда-то издали... с другой планеты...

— О чем ты думаешь, Тоня? — спрашивает Ляля, куртаясь в платок. Она зябнет даже в такой душный вечер.

Тоня словно падает с высоты. «Что?... Что ты сказала... Ах, да... о чем я думаю? Этого не передать.. В такие ночи бывают такие странные ощущения, мысли».

— А я боюсь думать... Знаешь, лучше спой. Я так люблю, когда ты поешь!

— Люди уже спят. Поздно.

— Наплевать. Старики в могиле выспятся. А молодые... Слышишь... как смеются внизу?

У Тони появляется желание слить свой голос с этой ночью, с цветением лип, со звездным простором, чтобы он звенел там высоко, высоко... Выше набежавшего вуалевого облачка.

«Где же ты, мой желанный!» — взлетает первая томительная фраза из Чародейки. Внизу всё притихло. «Я здесь... поскорей приходи». Сколько страстного нетерпения в мелодии... «Свет души моей, краса радость очей!» — горячий призыв, заклинающая сила любви... Лицо лялино преобразилось, на нем все нюансы мелодии, слов... Она чувствует себя любящей, ждущей, призывающей...

«Нетерпением горю... я тебя увидеть». — Ария закончена, но мелодия еще вибрирует в душе Ляли...

Внизу, как всплеск морского прибоя: «Браво, еще, еще...»

Но на третьем этаже распахивается окно и несется злобное: «Разорались тут, дьяволы. Людям спать не дают. Идите на Лысую гору, там и горланьте, пока глотки не лопнут!»

Ляля не остается в долгу, перегибается через перила. «Заткнись пока цела, труха старорежимная!» — и сильно закашливается.

«Ого-го... Крой ее, не стесняйся», — вздымаются снизу крики одобрения.

Настроение развеяно. Ночь сделалась будничной, обыкновенной ночью.

Уняв свой кашель, Ляля говорит: «Еслиб я пела, как ты... Я была бы самой счастливой в мире...». В комнате застонала Надежда Федоровна. Последние дни она часто бредит...

Тоня равнодушна к Скунскому. Гри-Гри — так она называет его мысленно. Новое название сменило старое — Нарцис Нарцисович. Он человек совершенно не ее типа, ей никогда не нравились самовлюбленные люди. А вот, понра-

вился. Вчера, когда она передавала ему сводку, его пальцы чуть чуть коснулись ее руки. Случайно или нарочно? Если нарочно... значит, и она ему не безразлична? Млостная волна проходит по всему ее телу. Новое чувство. Непохожее на то, что она чувствовала к Леве... Но тогда ей было пятнадцать лет. Что она понимала? Впрочем... что она понимает и сейчас?

Сегодня она пришла на службу раньше всех, даже раньше Пинкуса. Проникла в кабинет Гри-Гри... Кресло на котором он сидит кажется ей таким милым, будто не кресло — живое существо. Оно в заговоре с Тоней. Чернильница тоже смотрит по приятельски своим единым круглым черным глазом... Девушка кладет пунцовую розу на зеленое сукно стола.

— Не говорите от кого, — улыбаясь обращается она к окружающим вещам. Они обещают хранить тайну...

Дня через три после «розы», Гри-Гри задерживает Тоню, собирающуюся домой, после службы. «Мне необходимы к завтрашнему заседанию данные о ходе сплава по районам. Вы сможете приготовить срочно?»

Ей нравится, что он не приказывает, а как будто просит. «Конечно», с готовностью отвечает она.

— Но вам придется поработать сегодня вечером. Заседание назначено на утро. Это не расстраивает ваших планов, не пострадает ли от этого какое либо приятное свидание? — неожиданно шутит Гри-Гри, и тон и улыбка у него совсем не начальнические.

— О... нет! — смущается Тоня.

— Тем лучше. Я не люблю когонибудь делать несчастным.

Прощаясь Гри-Гри крепче обычного пожимает руку. Жаркие искорки вспыхивают в крови, Тоне хочется беспричинно смеяться. Часам к восьми она возвращается на службу. Все окна темны, кроме первого этажа, где помещается бухгалтерия. «Анисимов тоже готовит материал к заседанию». Она поднимается на второй этаж. Поворот штепселя и пятнастые от чернил столы, беременные бумагами шкафы сразу выныривают из мрака. По вечерам в отделе уютнее, интимнее. Не стесняет ничей взгляд. Успокаивающая тишина стоит во всех комнатах и коридорах. Перестаешь быть статистиком такого-то отдела, получающего столько-то жалованья, становишься сама собой, Тоней. И работа не кажется такой скучной, как днем, когда каждые полчаса взглядываешь на часы... Сейчас ей даже приятно работать от сознания, что эта сводка нужна Гри-Гри. Для него она готова просидеть хоть целую ночь. Погружается в цифры... Внизу хлопает входная дверь. «Ушел Анисимов»... Во всем здании она одна... Цифры, цифры, цифры... Плывут

по Днепру плоты. Плывут один за другим. Крепко связаны могучие деревья, превратившиеся в мертвые бревна. На плотках шалашики... Впереди фонарики, бросающие в тихую воду извивающуюся алую ленту. Черная фигура человека привычными жестами управляет плотом. Льется украинская песня: « Над ричкою, берижком, ишов чумак з батижком ». Проходят, проходят плоты, превращаясь в цифры, нужные для Гри-Гри...

Опять внизу хлопает дверь. В этот раз тише. Шаги на лестнице. Она узнает эти шаги и сердце начинает биться рывками. Гри-Гри входит в комнату. Облокачивается двумя руками на спинку ее стула. Тоня ниже склоняется к ведомости.

— Подвигается? — спрашивает он.

— Скоро закончу, — не отрываясь от работы отвечает Тоня.

— Через сколько времени?

— Минут.. через пятнадцать...

Он продолжает стоять в той же позе. Девушка чувствует его взгляд на своем затылке. Напрягает внимание. Не спутать бы, не ошибиться... Отстукивает на костяшках счетов... Вдруг жгущие губы прижимаются сзади, к ее шее. Она делает неловкое движение и счеты с грохотом летят на пол. « Ах »... вскрикивает она. Он поворачивает ее лицо к себе и целует быстрыми, короткими поцелуями. Она не отстраняется. Всё тело ее в огне... В кабинете Гри-Гри остро звонит телефон. Он нехотя отрывается от девушки.

Дверь кабинета остается открытой. Она слышит весь разговор.

— Да... да... Не могу сказать... Много работы. Да, очень срочной. Не беспокойся. Ложись спать... Поцелуй за меня детей... Нет, меня не жди. Вернусь поздно. Что? Нет, я работаю с Анисимовым... Спокойной ночи, милая. Не звони. Ты менярываешь от работы... Целую.

На лице Скунского мальчишески-проказливая усмешка, а Тоне неловко и досадно. Конечно, звонила его жена, Гиппопотам. Маскарадная рожа. Как аттестовала ее Симочка. К тому же страшно ревнивая. Однако, он ее целует. Называет « милая ». А как наврал... « Верь после этого мужчинам ». Телефонный разговор изменил тонино настроение: « Сводка закончена », — говорит она официально-деловым тоном.

— Благодарю... — Скунский мельком просматривает цифры и кладет бумагу в карман. — Вы очень устали? И наверное проголодались?

— Нет, не очень... — Это тоже ложь. Обедала она скудно, а за ужином — только чай и хлеб.

— А я голоден, как зверь ! Мы поужинаем в ресторане ?
Согласны ?

Тоня колеблется. Но ей хочется побыть подольше с Гри-Гри. Узнать получше, что он за человек... Дон-Жуан и лжет жене — уже известно... Да нет, не из-за психологических изучений... просто ее тянет к нему, надо сказать правду самой себе... Она утвердительно кивает головой.

— Ну, вот и отлично.

Они идут по Крещатику. Кое где еще горит свет в окнах. Улица не освещена. (Экономия !). Гри-Гри держит ее под руку. Еще ни с кем она так никогда не шла. Их шаги сразу совпадают. Приятное чувство итти, опираясь на крепкую мужскую руку. Подъезд ресторана ярко освещен. « Нам лучше не входить вместе », — говорит Гри-Гри, оставляет Тоню в неосвещенной полосе и быстро ныряет в подъезд. Тоню охватывает нерешительность. Итти или нет ?... А почему не итти ? Оттого, что у него есть жена ? Ну, так что ж ? Ничего с ней не случится, если Тоня побудет с Гри-Гри один час. С ней он всегда... Да она и не узнает ! Тоня входит. Ее встречает швейцар « довоенного образца » в ливрее, с золотыми пуговицами, с бакенбардами... Мягкий, вишневого цвета ковер, во всю стену зеркала, бронзовые бра... Она замечает в зеркале свою тонкую фигурку. Ей стыдно перед швейцаром, что она так плохо одета. Но он невозмутимо, заученно-профессиональным жестом отдергивает плюшевую портьеру ! « Пожалуйте сюда... »

Гри-Гри подымается ей навстречу и фамильярно, будто он уже давний любовник, берет за талию, подводит к дивану. Девушка смущенно, с любопытством оглядывает комнату. Она немного сердита, что Гри-Гри пригласил ее в отдельный кабинет. Но понимает — иначе нельзя. В общем зале их могут увидеть, донести жене... Алый диван, кресла, крахмальная, ослепительная скатерть... Блеск высоких бокалов, серебро, изящные тарелки... Притушенный, матовый свет из под шелкового абажура. Роскошь подавляет ее. Она давно от нее отвыкла. И как могло всё это сохраниться ? Появляется бесшумный лакей с белой как у пингвина грудью. Гри-Гри протягивает карточку. У нее рябит в глазах : — Бульон консомэ, котлеты де воляй, антрекот, пломбир... А цены, цены... Гри-Гри должен здесь оставить месячное жалование... Она растерянно взглядывает на него : « Мне... мне ничего не хочется ». Он снисходительно улыбается. « Разрешите выбрать для вас по моему вкусу ? » Лакей получает заказ и удаляется. Тоня дичится.

— Что-то моя курочка нахохлилась ? — щурит глаза и мурлычит Гри-Гри. Скользит взглядом по всей девичьей

фигурке от головы до ног. — Еслиб ваши ножки одеть в шелковые чулочки и лакированные лодочки, они стали б еще прелестней... Вам не хотелось бы иметь крепдешиновое платье? Темноглубое? Под цвет ваших глаз?

Тоню как иголкой кольнуло воспоминание о Ляле. Обещанное ей платье. « Паршивая болезнь ».

— Нет, — резко отвечает она. Ей становится не по себе. Зачем она здесь? Она должна сейчас же уйти! Она уже делает движение, чтобы встать с дивана, в эту минуту лакей вносит на серебряном подносе судки и тарелки с закусками. Откупоривает вино. Гри-Гри небрежным жестом закладывает за ворот рубашки тонкую салфетку, наполняет тонину и свою тарелку. С аппетитом начинает есть. Тоня не притрагивается. У нее действительно прошло всякое желание есть. « И пусть не думает, что ее можно поразить всякими дорогими блюдами ».

— Почему вы не едите? — замечает Гри-Гри.

— Я не люблю осетрины с хреном.

— Но есть же другое... — Он тянется, чтобы положить ей жареные грибы.

— И грибов не люблю...

— В судке курица... Хотите?

— Терпеть не могу...

— Тогда закажем чтонибудь другое.

Он собирается позвонить. Тоня останавливает его. « Не надо. Я вам сказала, что мне ничего не хочется. Я дома плотно поужинала ». Гри-Гри пожимает плечами: « Вы капризная... Но пошевелите хоть вилкой в тарелке. Неудобно перед лакеем. И пейте вино... Тоже не любите? ». Тоня отпивает глоток. Вино сладковатое, дамское, ей по вкусу. Она выпивает весь бокал. Голова приятно кружится. Она опьянела. Выпила на пустой желудок. Насытившись, Гри-Гри откидывается на спинку дивана и вынимает зубочистку из серебряного стаканчика.

— Сколько вам лет?

— Девятнадцать.

— Я думал чуть больше...

— Отчего? Разве я старо выгляжу?

— О, нет. Но у вас не по возрасту серьезный вид. Такое выражение бывает у людей уже много переживших.

— Вы не ошиблись, я пережила не мало...

— В том числе и романов?

— Что за вопрос? — девушка недовольно надувает губы, — ответьте сначала, сколько их было у вас?

— Не помню, не считал... — смеется Гри-Гри.

— Даже... после женитьбы?

— Даже после женитьбы.

— Значит, вы не любите вашу жену?

— Люблю и ценю. Она прекрасная мать и хозяйка.

— Так почему же вы ей изменяете?

— Как вам сказать?... Она меня не удовлетворяет эстетически.

— Вот оно что... — насмешливо протягивает Тоня, — зачем же вы женились на ней?

— Женятся не из эстетических соображений. Тут играет роль многое другое. Даже лучше, если жена не слишком красива... Любовница — другое дело! Любовница должна быть такою... как ты!

Гри-Гри порывисто притягивает к себе девушку.

— Ты так хороша... Я бы тебя съел! — Он кусающим поцелуем обжигает ее рот. — Я хочу тебя... Хочу тебя... — бормочет он. Нетерпеливо нащупывает кнопки ее кофточки, резко расстегивает и зарывается лицом в мягкой впадине между двух тугих, ландышево-белых полушарий. Его щеки колются, щекочат... Горячая истома разливается по телу Тони, в голове дурман. Всё в ней размягчено, безвольно, блаженное бездумье... Руки Гри-Гри скользят дальше по ее телу. Движения становятся торопливее, настойчивее, грубее. «О нет, только не это...» Дурман рассеивается, Тоня внезапно трезвеет. — Гадость, отвратительно... Что вы делаете? Что вы делаете?... — противится она.

— Что же ты... Что же ты... — шепчет Гри-Гри. Она видит искаженное страстью лицо — чужое, незнакомое. Вздутые на висках синие вены... Полуоткрытый, по собачьи дышащий рот.

— Оставьте... Я закричу!

— Тише. Могут услышать... Не бойся... я приму меры... никаких последствий...

Воспользовавшись минутой она с силой отталкивает Скунского, вскакивает с дивана. В глазах ее слезы. «Я думала, вы порядочный человек, а вы... вы такой же, как Гусев!» От обиды, разочарования она не находит слов. Скунский приводит в порядок свою одежду, поправляет съехавший на бок галстук.

— Вы... для ЭТОГО привели меня сюда?

— А для чего ж соглашаются итти в отдельный кабинет? — говорит он зло.

— Чтобы... чтобы никого не встретить!

Скунский хохочет деланным смехом. — Однако, вы талантливо разыгрываете роль оскорбленной невинности... — Он залпом выпивает бокал вина. — Можно и впрямь подумать, что вы девушка!

Фраза бьет, как пощечина. Из тоинных глаз сыпятся тысячи голубых искр.

— Да, девушка, — с силой говорит она, — девушка.

— Гусев рассказывал другое... Что он не был первый...

— Ложь! Ложь! — с возмущением топает ногой Тоня.
— Как вы могли поверить этому низкому человеку?

Скунский озадачен: а что если правда она девушка? Хорошо, что во-время остановился. Влип бы в новую историю. С него довольно скандала с Клеопатрой. Дура вздумала топить и чуть не «утопила» его. Он дорожит своим служебным положением. Такие истории могут подмочить его репутацию. Он как раз подал заявление о принятии его в действительные члены партии... Нет, от таких девушек лучше подалее. Еслиб он знал, ни за что бы не начинал авантюру. Он не слушает, что говорит Тоня. «В вас нет ничего возвышенного, чистого, глубокого. Один блуд... похоть... К счастью, я не успела еще полюбить вас... Было б еще больнее. Как я ошиблась... Я презираю вас!» — Она берется за ручку двери. Скунский отрывается от своих мыслей. — Обождите... В таком виде нельзя выходить. Подумают черт знает что... Вытрите ваши слезы. И собственно говоря, чего вы негодуете? Ничего не случилось непоправимого. Если вы находите, что я вас оскорбил... ну... извините... ошибся, поверил разговорам... Вы сами сделали первый шаг. Это же вы положили розу на мое бюро?

Тоня вытирает слезы, машинально поправляет перед зеркалом прическу. Какой пошляк... Вот как понята моя бедная роза... У нее такое ощущение, будто не розу она положила тогда на стол, а свое трепещущее от нежности сердце и оно растоптано, измарано...

Скунский звонит. Расплачивается с лакеем, тщательно проверяя счет. Кошелек его туго набит ассигнациями. Так же тщательно проверяет сдачу... Расстались тут же, при выходе из ресторана. Быстро, сухо. Скунскому хотелось как можно скорее отвязаться от девушки.

**
*

У Симочки то особое выражение, когда она собирается сообщить важную новость.

— Очеретный арестован, — огорашивает она Тоню громким шепотом.

— Не может быть, — бледнеет Тоня.

— Безусловно работа Гусева... Всё из за вас началось... Тов. Очеретный прижал его к стенке, после того, как вы по-

жаловались. Анисимов подтвердил в каком виде вы тогда явились. Гусев получил партийный выговор...

— Откуда вы всё это знаете?

— Чтобы я да не знала...

— В чем же обвиняют тов. Очеретного? Такой чудный человек...

— Тс...Тс... — шикает Симочка. — Какая вы однако наивная... — И сразу меняет тон: — Раз арестовали, значит, есть за что. Ни с того ни с сего не арестуют.

Некоторое время только слышен стук машинки.

— А вот и хорошая новость, — уже громко говорит она, — вернулся из командировки тов. Каган. Вот это личность! Очень порядочный человек. Он не только начальник Сплавного Отдела, но и член Правления и заместитель Очеретного. И заметьте — холостой. Но никаких интрижек. Просто монах! — В голосе Симочки сожаление... Ее прерывает приход Скунского. Он спрашивает Симочку о какой-то бумаге, потом направляется в кабинет.

— Какая муха укусила тов. Скунского? — снова шепотом говорит она. — С вами почти не здороваются, со мной говорит, будто кусок льда во рту. Не узнаю его последнее время.

**
*

Тов. Каган вошел в канцелярию в сопровождении тов. Пинкуса. Симочка заулыбалась, расцвела, как радуга после дождя.

— С приездом, тов. Каган! Как вам ездило?

— Без всяких приключений... А как вы, тов. Ивакина? В порядке? И вы, и машинка? — шутит он. После Симочки подходит поздороваться с Тоней.

— Наша новая сотрудница, — представляет ее Пинкус.

— Тов. Берзнева? — говорит Каган пожимая руку Тони энергичным пожатием. — Вы, кажется, приехали вместе с учреждением из Харькова?

— Да...

— Обжились уже в Киеве?

— Почти.

— Вы приехали сами?

— С матерью.

— Она работает?

— Должна была бросить. У нее открылась рана на ноге.

— Вы обращались к врачу? Что он говорит?

— Врач точно не знает. Не то туберкулез, не то...

— Если не знает — плохой врач. Ее надо показать проф. Ярцеву. Он принимает в клинике, к которой мы имеем отношение. Обратитесь в Местком. Тов. Пинкус вам посодействует.

Тоня тронута участливым отношением нового начальника. К ним приближается Скунский. Каган шутливо похлопывает его по плечу.

— Ну, как, тов. Берзнева? Скунский не слишком вас притесняет? А то скажите мне, я с детства за притесненных против узурпаторов, — смеется он, не зная что попал не в бровь, а в глаз. Скунский натянуто улыбается, а Симочка отзывается издали: — Если бы все были такие начальники, как тов. Каган и тов. Скунский! «Как она умеет льстить, подделываться»...

**
*

Клиника особая, не для простых советских людей. Это не унылая, нищенская больница, где нечем лечить больных... разве только надеждами. Здесь блеск и чистота. Лучшие профессора. Прекрасный уход. Светлое, хотя и не обширное помещение. Проф. Ярцев осматривает ногу Надежды Федоровны.

— Почему так запущено? Почему не обратились раньше?

Что может ответить Тоня? Что обращалась во-время в больницу и там ничем не помогли?

— Больная будет направлена в хирургическое отделение. Необходимо оперировать.

Профессор выходит из комнаты, Тоня идет за ним.

— Операция сложная? У матери слабое сердце... Нельзя ли обойтись без...

Профессор останавливается, смотрит на девушку поверх сползающих очков.

— Гангрена. Ампутация ноги выше колена... немедленно.

Удар обуха по голове. «Мама без ноги... Калека... Никогда, никогда!... Они просто не хотят лечить... если бы за деньги — другое дело...»

— Я не даю согласия на операцию, — говорит она и поворачивается, чтобы бежать назад в комнату, где осталась мать... скорее вырвать ее из рук мясника-профессора, из этой сияющей, страшной клиники... Ему всё равно... Очередная больная. Но это мама... мама...

Слова профессора пригвозждают ее к месту.

— Вы берете на себя непомерную ответственность. Дело идет о жизни или... смерти. Вы знаете, что такое гангрена? Вашей матери угрожает общее заражение крови.

Тоня сражена словами профессора. Как бы ища опоры, она прислоняется к белой, холодной стенке коридора. «За что... за что... за что нам еще такое...»

Профессорский голос смягчается: — Будьте благоразумны. Операцией еще можно спасти больную.

— Я... не могу решиться...

— Поговорите с матерью. Я уверен — она посмотрит иначе.

**
*

Тоня одна. Берзнева еще лежит в клинике. Тоня не может примириться с мыслью, что мать вернется домой без ноги. Ужас. И не с кем разделить этот ужас. Если бы хоть Ляля, но и ее нет. Отец отправил ее в деревню к родственнице на поправку. У нее началось кровохаркание... Со всех сторон только горе, горе... И так жаль тов. Очеретного. Никто не говорит за что он арестован... Если и предполагают — молчат. Боятся, вообще, говорить на эту тему.

**
*

В канцелярии никого нет, хотя машинка Симочки уже открыта. Пусто за столом тов. Пинкуса. Что с ним? Заболел? Он ведь всегда приходит чуть свет.

Тоня вешает жакет, вынимает из ящика ручку, бумагу... Входит Симочка. Но какая странная! Забыла даже поздороваться. — Что случилось, Симочка? — с шутливой интонацией спрашивает Тоня.

— Ах, не приставайте... — отмахивается та и садится за машинку. Симочка молчит? Можно ли поверить? И так грубо ответила! Видно и впрямь что-то случилось, какие-то неприятности по службе... Машинка стучит ток... ток... ток... В звуках тревога. Так токают дрозды, предупреждая об опасности, когда видят поблизости кошку... Звук внезапно смолкает и через всю комнату симочкин свистящий шепот: «Пинкус арестован... этой ночью...»

— То же?... — растягивая слово, таким же испуганным шепотом отвечает Тоня.

— За анкету... Я нашла в корзинке черновик. Читайте, чтобы никто не видел. Потом вернете мне...

Она перебрасывает свернутую комом бумажку на тонин стол. Тоня расправляет ее у себя на коленях, под столом. Украдкой читает.

АНКЕТА

ИМЯ, ОТЧЕСТВО, ФАМИЛИЯ : Арон Исаакович Пинкус

ГОД РОЖДЕНИЯ : 1880.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ : Космополит.

МЕСТО РОЖДЕНИЯ : В родовой лачуге в местечке Жабо-
кричи.

ОБРАЗОВАНИЕ : Самоучка.

ЗАНИМАЕМАЯ ДОЛЖНОСТЬ : Начальник письменного стола.

КТО БЫЛИ ВАШИ РОДИТЕЛИ : Счастливые люди, что не
заполняли идиотских анкет.

ЧЕМ ЗАНИМАЛИСЬ : Отец сапожничал, кроме того оба за-
нимались деторождением.

КТО БЫЛИ ВАШИ ДЕДУШКА И БАБУШКА : За точной
справкой обратитесь непосредственно к ним в лоно
Авраамово.

СОСТОЯЛИ ЛИ ВЫ В ПАРТИИ, В КАКОЙ : Состоял в партии
Соц. Рев. — вышел, в ВКП(б) — выставили.

СКОЛЬКО ЛЕТ ТРУДОВОГО СТАЖА : С пеленок.

ИМЕЛИ ЛИ ДВИЖИМОЕ И НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО :
ИМЕЮ движимое имущество и по сей день — две
руки, две ноги и голова. Недвижимого не приобрел
за ненадобностью.

БОРОЛИСЬ ЛИ АКТИВНО ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ :
Какой дурак вам скажет правду ?

СОСТОЯЛИ ЛИ В КОНТРПАРТИИ, В КАКОЙ : Такой же
глупый вопрос как и предыдущий.

ИМЕЕТЕ ЛИ РОДСТВЕННИКОВ ЗА ГРАНИЦЕЙ : Если ве-
сти родословную от Адама и Евы, имею во всем мире
неисчислимое количество.

ПОДДЕРЖИВАЕТЕ ЛИ С НИМИ СВЯЗЬ : Хотел бы чтобы
присылали посылки, да рискованно.

СОЧУВСТВУЕТЕ ЛИ СОВ. ВЛАСТИ : Попробуй сказать Нет !

БЫЛИ ЛИ АРЕСТОВАНЫ ПРИ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ : При
Николае Палкине сидел и вышел благополучно.

ПРИ СОВЕТСКОЙ : Еще есть время...

— Прочли ? — спрашивает Симочка. — Давайте сюда.

— Зачем он так заполнил анкету ? — не понимает Тоня.

— Пинкус большой шутник. Но в этот раз он перебор-
щил... За такие шуточки его могут кокнуть...

— Что вы ?...

— Я боюсь, чтобы и мы все не пострадали...

Тоня вздрагивает : — За что ?

— За то, что слушали анекдоты и не поставили в известность т. Пирова. О. о... теперь пойдет катавасия...

От одного имени « Пиров » у Тони бегут мурашки по спине. Она его панически боится. Он ведаёт Особым отделом в учреждении. Гепеушник. Не только его должность — самый вид его страшен. Всё в нём непомерно длинно. Руки болтаются ниже колен. А глаза ! бр... Наверное и он, как большинство чекистов, — кокаинист... Когда Тоня иногда встречается его в коридоре, ей кажется, что на неё двигается гильотина. К счастью, он никогда не улыбается. Его улыбки нельзя было бы вынести как падения острого гильотинного ножа.

Общее собрание служащих началось сейчас же после окончания занятий. На повестке дня : 1) Доклад Зам. Пред. Главлеспромторгпрома тов. Кагана о подняттии производительности труда. 2) Текущие дела.

Тоня заранее подавляет зевоту. Собрания отличаются необыкновенной скукой, монотонностью, казенщиной. Всё известно наперед — и что будет сказано, и какая будет вынесена резолюция. Можно вообще не слушать, только стараться не заснуть. Тов. Каган, по своей привычке, делает такое движение, будто освобождает шею из слишком тесного воротника косоворотки.

— Товарищи... Благодаря успешной рационализации труда, введенной на деревообделочных фабриках, проведенной под строгим контролем...

« Как он неуклюж... Какой-то несуразный... почти четырехугольный... короткая шея... талии не видно... »

...результатом явилось снижение себестоимости продукции...

« Неприятный, скрипучий голос... А в то же время он как будто симпатичный ». Тоня упорно смотрит на стрелки круглых стенных часов : только полчаса прошло. А кажется, века... Закрывает глаза, старается думать о чем нибудь другом, может быть скорее пройдет время.

...должна быть внесена четкая система и партийный контроль...

Открывает глаза, оглядывает лица сослуживцев : заведующих отделами, машинисток, счетоводов, все делают вид, что внимательно слушают, а на самом деле борются с нестерпимой скукой. Бухгалтер Анисимов закинул ногу на ногу и покачивает носком, наверное, чтобы не заснуть ! Уборщица тетя Варя — та уже сдалась, забралась в уголок и как видно спит.

...На заведующих отделами лежит ответственность за постановку дела, но и каждый служащий должен проникнуться энтузиазмом...

Слава Богу, еще пятнадцать минут прошло !

...Под руководством коммунистической партии...

Ага, кажется, близится к концу ! Лица оживляются, веселяются... Последние слова докладчика покрыты аплодисментами. Хлопает и Тоня. Из благодарности, что наконец закончил.

— Кто хочет высказаться ? — задает обычный вопрос председатель собрания. К счастью, таковых оказывается немного. Каждый выступающий одобряет речь докладчика по существу... Выражает свою готовность хоть сейчас браться за поднятие продуктивности труда служащих, отставших от рабочих фабрик...

— Переходим к следующему вопросу порядка дня. Слово предоставляется тов. Пирову, — оглашает председатель. Кажется Тоне или действительно ? — лица присутствующих вытягиваются, шеи по гусиному удлиняются. Напряженное внимание в каждом взгляде. Даже апатичная Варя проснулась. Скелетически-худой, узколицый, сутуловато-длинный, из за стола президиума медленно, как мертвец из могилы, выходит тов. Пиров. Так же медленно обводит испытывающим взглядом притихших, затаивших тревогу людей.

— Подлые враги народа, враги пролетарской рабоче-крестьянской власти еще не добыты. Вместе с новой экономической политикой, осуществленной под мудрым руководством вождей коммунистической партии, недобитки их вылезли из своих нор, выставили свои щупальцы, надеясь под шумок продолжать свое каиново дело — подрывать устои диктатуры пролетариата. Они пролезли всюду. На ответственные посты, даже в партию, нацепив поверх волчьей — овечью шкуру. Оказались они и среди нас.

Т. Пиров делает долгую паузу и опять его взгляд, тяжелый, из глубоких впадин, под нависшими надбровьями, впивается в лица присутствующих. Каждый чувствуя на себе его взгляд старается не отвести своего, не моргнуть.

— Благодаря революционной бдительности преданных товарищей в Главлеспромторгпроме удалось во-время обнаружить замаскированное змеиное гнездо предателей. Обнаружить и растоптать... Мы растопчем так же беспощадно каждого, кто посмеет покушаться на нашей кровью добытые завоевания Октября. Я повторяю — пощады не будет никому... Но враг хитер. Как хамелеон он двадцать раз меняет окраску. Надо удвоить бдительность, товарищи. Надо уметь распознать притаившегося врага-бандита, носящего нож за пазухой. Долг каждого честного советского гражданина принять активное участие в разоблачении предателей, провокаторов и их прихвостней. Этого мы ждем от вас. Будьте на чеку. Донosite

соответствующим органам о всех случаях внушающих подозрение. Кто молчит — тот покрывает врага, кто покрывает врага — тот сам является врагом. Общими усилиями мы должны разделаться с остатками контрреволюционной мрази, вырвать капиталистическую гидру с корнем. Да здравствует коммунистическая партия и ее испытанные вожди! Да здравствует...

Этих «здравствует» было не меньше пяти. Собравшиеся неистово хлопали. После Пирова к столу президиума из залы провихлял тов. Гусев. Он повторил всё, что говорил Пиров, только косноязычнее и безграмотнее. Бил себя кулаком в грудь и кричал: — Тая самая рука, что брала Зимний Дворец, возьмет за горло акулу капитализма и ее помочников.

При этих словах Тоне показалось, что Гусев посмотрел в ее сторону и она невольно съежилась, втянула по черепашьи голову в плечи.

В конце собрания ставили на голосование заранее приготовленную партиячейкой резолюцию. 1) Принять экстренные меры к срочному повышению трудовой дисциплины среди персонала Главлеспроторгпрома и поднятию рентабельности умственного труда. 2) Просить соответствующие органы о беспощадной расправе с предателями и провокаторами Очеретным и Пинкусом.

— Проголосуем резолюцию, — сказал председатель собрания, — кто за, прошу поднять руку.

Лес рук стремительно вырос в ответ.

— Единогласно. Воздержавшихся нет. Считаю общее собрание служащих закрытым.

Тоне было стыдно. Спасая свою шкуру, требовала смерти Очеретного и Пинкуса. Очеретного, который столько сделал для нее... Грызла сознание мысль, что наверное Очеретный был арестован по лживому доносу Гусева и нет за ним никакой вины. Но ГПУ не разбирается. Туда попал — крышка. Тоня презирала себя за малодушие, за трусость. Вот не хватило даже смелости спросить в чем же собственно обвиняется Очеретный. Так наверное думали многие покидая зал после собрания. Но все давно научились скрывать свои настоящие чувства и мысли. На лицах служащих застыло стандартно-общее выражение какой-то окаменелости, нечто вроде защитной маски. Некоторые избегали смотреть друг другу в глаза. Другие же, самые трусы и бесчестные подхалимы, чтобы себя обезопасить, наоборот, возмущались «подлостью» Очеретного. И говорили об этом так громко, чтобы всем кругом было слышно.

По дороге ее нагнал тов. Каган. «Нам кажется по пути...

Вы где живете? » Тоня сказала. « Значит, соседи ». Он был ростом немного ниже Тони, шагал очень быстро, решительно. Тоня едва поспевала. Он это заметил.

— Я подвергаю вас пытке марафонского бега. Такая у меня привычка, всегда спешить. — Каган замедлил шаг.

— Бываете вы в театрах? — спросил он через мгновение.

— Давно не была. — Тоне вопрос Кагана показался таким пустым, далеким от только что вынесенной резолюции, о которой она всё время думала.

— Разве вы не любите театра?

— Люблю, но...

— Мне как раз всучили два бесплатных билета на завтра. Идет « Кин или гений и беспутство ». Я мог бы вам их предложить.

— Спасибо. Я охотно пойду. Но мне совершенно достаточно одного билета.

— К сожалению, я не могу составить вам компанию. Завтра вечером у меня заседание в Горкоме.

Они остановились около тониного дома.

— Кстати, как здоровье вашей матери? Ей, я слышал, сделали операцию? ей лучше?

Лицо девушки опечалилось. — Где там лучше! Маме отрезали ногу, а на костылях ей трудно ходить из за сердца... Почти всё время лежит.

Каган помолчал. — По крайней мере у нее удобная кровать?

— Не очень, — призналась Тоня.

— Почему же вы не закажете на нашей фабрике? Там сейчас делают отличные деревянные кровати, двуспальные, с матрасом.

— Наверное, дорого...

— Для наших служащих большая скидка. Подайте заявление, получите ордер...

Тоня замаялась. — Я боюсь, что в настоящий момент...

Каган понял, в чем заминка: — Хорошо, устроим так, что вы получите кровать, как премию за сверхурочную работу.

— Вы очень добры, тов. Каган.

Передавая Тоне обещанный билет, Каган сказал: — Впрочем, если заседание слишком не затянется... Может быть я успею ко второму действию.

На Тоне сатиновое, синее платье, хорошо облегающее фигуру. Настасья Петровна постаралась сшить как можно лучше.

Та же татьянинская прическа. В фойе на нее посматривают не только мужчины. Часто она встречает взгляды и менее хорошеньких женщин. Завистливые, недоброжелательные взгляды. «Если бы пришел Каган... Хоть он и неказистый, всё же лучше, чем быть одной». Но Каган так и не вырвался с заседания. Тоня предпочитает в антрактах не выходить. Всю пьесу просидела в зале.

**
*

Новая кровать привезена. Стоит как трон, занимая полкомнаты. Светлого дерева, с инкрустациями, красивая... Надежда Федоровна с наслаждением вытягивается всем телом. — Как в раю! А я думала, так и умру на своем прокрустовом ложе. Все тело изныло, — признается она, а раньше никогда не жаловалась, чтобы не огорчать Тоню. — Дай Бог здоровья тов. Кагану. Не все коммунисты плохие люди. Очеретный очень отзывчивый человек, и вот Каган тоже...

Про арест Очеретного она ничего не знает. Тоня скрыла. Матери было бы неприятно узнать. Тоня благодарна Кагану за радость, доставленную матери. Она после историй с Гусевым и Скунским уже перестала окончательно верить в людей. Каган как будто на них не похож.

**
*

— Вас, кажется, можно поздравить? — на другой же день встречает ее с кривоватой улыбкой Симочка. В ее красивых, каштаново-круглых глазках насмешливо-завистливый огонек.

— С чем? Я вас не понимаю...

— Ах, не скрытничайте, пожалуйста. Всем уже известно: вас провожают домой, приглашают в театр, вам дарят ДВУСПАЛЬНУЮ кровать... Уж не замуж ли собираетесь?

Тоня вспыхивает: — Кровать не подарена, а выдана, как премия за сверхурочную работу.

— Расскажите вы ей... — хихикает Симочка, откидывая назад голову. — Сколько я тут работаю, еще никогда не слыхала, чтобы кровати давали в премию за работу. Да и вся бухгалтерия знает, что тов. Каган заплатил за нее из собственного кармана.

Открытие ошеломляет Тоню, она не знает, что отвечать. «Он обманул меня...».

Симочка торжествует: — Вы видите, все выведено на чистую воду.

— Я не знала, что тов. Каган заплатил за кровать, — бормочет Тоня.

— Не знали... Ха-Ха-Ха.. И как вам удалось поймать такого крупного леща? Я сколько с ним работаю — ничего. Как монах. А вы только удочку закинули и клюкнул... Хотела бы я знать, какие у вас особые приманки?

— Вы делаете из мухи слона. Тов. Каган сделал это — из товарищеских, человеческих побуждений...

— Знаем мы эти товарищеские побуждения. Уж меня не проведете! Посмотришь на вас — неприступная тихоня, а на самом деле девка-жох. Смотрите, Берзнева, как станете мадам Каган, — про меня не забудьте, выхлопочите мне повышение по службе.

Тоне наконец надоело. — Я прошу вас закончить разговор на эту тему, — резко сказала она.

Весь день она думает об одном и том же. «Зачем он меня обманул? Какое право он имел дарить мне эту кровать? Не знал он «языки» служащих? В первую очередь Анисимова и Симочки? Сколько сплетен, сколько разговоров — не оберешься...» Она решила серьезно поговорить с т. Каганом. Однако, удалось это только через неделю. Она смогла задержать его на минуту при выходе из кабинета.

— Тов. Каган, вы сделали мне большую неприятность... и вашего подарка я не принимаю!

— Какого подарка? — морщит он брови. Он в самом деле уже забыл, у него столько неотложных, сложных дел...

— Кровать!

— А... вы об этом! Но во-первых это подарок не вам, а вашей матери. А во-вторых, стоит ли об этом говорить? Разве вы не сделали бы так сама, будучи на моем месте?

— Нет, я сказала бы правду... что вы за нее платите.

— Вы слишком самолюбивы, тов. Берзнева. Надо проще смотреть на вещи.

— Дело не только в самолюбии, но и в сплетнях!

— На сплетни меньше всего обращайтесь внимание.

— Я не могу, к сожалению, отдать вам кровать, но я буду выплачивать за нее... по частям.

— Хорошо, хорошо, — примирительно говорит Каган, — если это вас успокоит...

На этом их беседа закончилась.

**
*

Наконец письмо от Надюсы. Она живет всё в той же деревне, куда отвезла ее Паша. Работает счетоводом. Дети ходят в школу. Сообщила еще приятную новость, — получены сведения через Розочку, что Вера жива, известен ее кавказ-

ский адрес. Написала она еще об одном знакомом — о поэте декаденте Вик Кораде, бывшем ее поклоннике. Узнав, что он занимает высокий пост в Наркомпросе, она поехала в Харьков и пошла к нему на прием, в надежде, что он посодействует ей устроиться в городе, на лучшую работу.

У Корада важная осанка вельможи. Он ее сначала не узнал (видно, сильно она изменилась к худшему и одежда «подгуляла»). А когда она назвала свою фамилию, он явно испугался. «Я ничем вам помочь не могу. Да и лучше вам не трогаться с места. Сидите в глуши и не напоминайте о себе. Еще лучше, если вы выйдете замуж и перемените свою фамилию. Это единственный совет, что я вам могу дать». Надюса жалеет, что ходила к нему. Непереносимо видеть такую трусость. Карьерист. Блюдолиз. Это не Зинченко...

**
*

У Тони инфлюенция. Трещит голова, болит горло. Уже неделю не ходит на службу. И денег нет — не успела получить жалованье. Спасибо Настасья Петровна немного помогла. А то сидели бы на полном «декохте» — говоря блатным языком. Вечером кто-то постучался. — Войдите, — осипшим голос говорит Тоня, — а сама думает: «кого это черт несет?»

Дверь открывается... и, о ужас! тов. Каган собственной персоной.

Тоня вскочила с топчана (хорошо что была одета), наспех накрыла его одеалом.

— Простите, что явился невпопад, — говорит Каган, — узнал, что вы неделю не подаете признаков жизни и пришел проверить — не симулируете ли? — по обыкновению шутит он, продолжая нерешительно стоять на пороге. Он держит в руках два больших кулька, не зная куда их положить. Тоню так поразил его приход, что она не знает, что сказать. Выручает мать.

— Что же вы стоите? Заходите, пожалуйста. Простите, у нас беспорядок. Обе больны. Кажется, тов. Каган? (узнала по описаниям дочери).

— Совершенно верно.

Каган неловко кладет кульки на кровать, в ногах Надежды Федоровны. Садится на единственный стул. Разговор не вяжется. У Кагана сознание: непрощенный гость хуже татарина, и невероятная жалость к Тоне, к этому молодому существу, смерчем вырванному с корнями.... Как она напрягается, чтобы выжить... Как цепляется последними маленькими корешками... Нравится ему и ее гордость. Никогда ни слова жалобы. И история с кроватью...

— Наконец могу осуществить свое желание и поблагодарить вас лично за ваше внимание к нам, — рвет молчание Надежда Федоровна. Тоня кривится.

— Не за что. Совершенно естественно заботиться о своих сотрудниках, об их семьях. Делаю в мере моих возможностей. Кстати, — обращается он к Тоне, — я распоряжусь чтобы ктонибудь из бухгалтерии принес ваше жалование. Тов. Анисимов говорил, что вы его еще не получили.

— Спасибо, — хмуро отвечает Тоня, — но я завтра уже пойду на службу и получу сама.

— Не торопитесь. Вы хрипите и кашляете. Лучше посидеть дома пару деньков.

— Вы слишком великодушны, тов. Каган, — почти с иронией кидает Тоня и сама не понимает, почему она так груба по отношению к Кагану, вместо того, чтобы быть благодарной. Каган чувствует, что ему пора уходить. Странная девушка. Чем лучше к ней относишься, тем более закусывает она удила... Он поднимается.

— Времени у меня в обрез. Как всегда разрывают на части дела... Желаю поскорее поправиться. — Он откланивается и выходит в коридор.

— Тов. Каган, — кричит ему в догонку Тоня, — вы забыли свои свертки.

— Это для вас.

Тоня, схватив пакеты, бежит за ним, догоняет уже на лестнице.

— Возьмите! Я вам сказала уже, что не принимаю подарков.

Каган не останавливается. Пакеты летят ему вслед, рассыпая по ступенькам свое содержимое...

— Ты совершенно невменяемая!» Грубая, невоспитанная... Как ты держишь себя с тов. Каганом? Человек проявляет столько внимания... Что ты сделала с пакетами!

— Швырнула ему вслед...

Надежда Федоровна всплескивает руками. — Ну, после такого... я бы тебя на его месте вышвырнула со службы... Ты забываешь, что он твой начальник... Коммунист, занимающий такой высокий пост... Ты ничего не учиываешь, ты как будто на луне живешь... Ты от него всецело зависишь...

— Пусть не лезет со своими подношениями... Чего он хочет? Купить меня?

— Почему ты всегда подозреваешь в людях только плохое? Почему не веришь, что есть люди, которые тебе желают добра, а не зла?

— Потому что добра я от них не видела. Все они одним

миром мазаны, — со злостью говорит Тоня, вспоминая Скунского и Гусева. Те тоже сначала ох, какие хорошие казались...

— Отворите, — кричит Настасья Петровна через дверь, — у меня руки заняты.

Тоня ее впускает. Она двумя руками поддерживает передник.

— Смотрите, что я подобрала на лестнице! Такое богатство. Ничего не понимаю, как можно было потерять... Или кто нарочно подбросил?

В ее переднике сплющенное масло, фунтовый кусок колбасы, халва...

— Были еще пирожные, но они в кашу превратились... Надо теперь лестницу мыть... Хотите, я с вами поделюсь?

— Ешьте сами... Вы нашли, — отворачивается Тоня.

Надежда Федоровна вздыхает, но не выдает тайны.

— Не надо быть такой важной, Тоничка. Я знаю, что у вас ничего нет. Вот и поделимся манной небесной. Если вы не будете есть, так маме пригодится...

Она раскладывает продукты на столе и начинает делить. Тоня молчит, презрительно надув губы. Когда все успокоилось, Надежда Федоровна сказала: — Я недолговечна. Скоро ты останешься одна. Тревожусь за тебя больше, чем когда либо. Вижу, что ты ни с людьми не умеешь ладить, ни устроить свою жизнь. А обстановка такая, что всё надо с бою брать. Пропадешь ты... Тебе нужно замуж выйти. Тогда я спокойно б умерла. У тов. Кагана, по-моему, серьезные намерения. Иначе не пришел бы он сюда со мной знакомиться. И вовсе он не урод, каким ты его рисовала. Умное, симпатичное лицо. Не отталкивай его. Не показывай себя неблагодарной взбалмошной девчонкой!

— Позволь мне самой знать, что делать и за кого замуж выходить.

— Ты стала, как еж... Всё только колешься... А в жизни и людях ничего не понимаешь. Положись на мой опыт.

**
*

В январе умер Ленин. В двадцатипятиградусную стужу тысячи людей с непокрытыми головами медленно шли московскими улицами, сквозь строй багровых с черной перевязью флагов, свисавших с домов, провожая гроб с застывшим, набальзамированным трупом... Мороз сковал реки, скорбь сковала уста. Людей тьма тьмущая, а тишина... И шагов не слышно. Заглушает их снежный ковер. У многих на щеках замерзли слезы. Верят: погас Светоч Свободы, освободитель

от рабства и узурпаторского владычества, всечеловеческий Добрый Гений... Как в седую старину в ореоле добра и справедливости виделся простому люду Русский Царь, так и теперь создал народ вокруг головы Ленина протуберанцевое излучение. Сияла его лысая голова исполинским солнцем над всем миром, затмевая даже блеск солнца Божьего... И вот человеческое солнце закатилось навек... Гигантское стадо овец осталось во тьме, без пастуха — водителя. Кто подымет его властный бич — Идею, которым он подгонял, загонял в ряды, вел в Царство Братства и Благоденствия? Не собьются ли в пути? Не будет ли хуже без него? За передышку, данную Лениным, за хитроумный НЭП, всё готов простить народ: голод, разгром, кровь расстрелянных, вопли замученных, оскверненные церкви и то, что подослан он был немецкими политиками, чтобы посеять смуту, ослабить могущество России... Немецкими марками оплачены страдания русского народа. Но коротка людская память. Ленин — непогрешим. Ленин — свят. Ленин — бог отец, Троцкий — бог сын, Карл Маркс — бог дух святой (позднее место «бога сына» занял Иосиф Сталин).

Правду сказал один мудрый человек: «Если Бог свергнут, на смену Ему придут фантомы».

В минуту прощания с новым кумиром, по всем городам, по всем селам и местечкам, на всех дорогах, реках и морях остановилась жизнь. Перестали крутиться колеса, двигаться приводные ремни, застыли станки, замерли на месте поезда и корабли. Смолкли, опустили головы люди, обратились мыслью к Москве, где склонились к земле знамена... Великая честь — величайшему авантюристу XX столетия, умершему от последствий сифилиса, — маленькому, жестокому человеку — маниаку, кто взвихрил податливые умы человечества, вздернул на дыбы одну шестую часть суши нашей планеты, посеяноновской злобной силою взбаламутил море человеческих поддонных страстей и серпомолотовым двузубцем выбил на скрижалях новой морали новые заповеди «блаженства»: УБИЙ, ГРАБЬ, МСТИ, ПОЖЕЛАЙ, ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВУЙ, ДОНОСИ, ОТРЕКИСЬ И ПРЕДАЙ ОТЦА И МАТЕРЬ СВОЮ.

**
*

К оледенелым окнам льнет ранняя январская тьма. Полутьма в небольшой комнате. Стена и пол в горячих отблесках от раскаленной до-красна чугунной печки. Около нее сидит Федосья Афанасьевна, сгорбленная старостью, вдовица сельского дьячка, прилепившаяся ныне к своему племяннику-

дворнику. Живет она в том же доме, что и Берзневые. Часто заходит проведать больную и побеседовать по душам. Федосья Афанасьевна зевает и крестит почти беззубый рот.

— О-ох... прости Боже беззакония наши. — Поправляет на седой голове черный платочек. — Вот же какой человек помер... Стар и мал его фамелию как свою помнит.

— Знаменитые люди умирают, а я вот зажила... Пользы от меня никому. Только обуза Тоничке — вздыхает Берзнева, лежащая на кровати.

— Ожидайте смертушки в христианском терпении. Каждому в Небесной Книге свой срок отписан. И будь ты трижды Ленин, от смерти не отобьешься. На короны, на партийные билеты она и не глянет... И вам свое страдание оттерпеть сколько нужно положено.

Старые женщины замолкли, каждая ушла в свои мысли, а может слушают, как потрескивают дрова в печке, как бушует за окном вьюга.

— Мороз, поди, крепчает, — подает голос Федосья Афанасьевна.

— Боюсь, чтобы Тоничка ног не отморозила. На ней одни туфельки...

— Кровь молодая, бурливая... Не отморозит...

И опять надолго молчание, всхлипывания ветра, вспыхивание и замирание огненных отблесков...

— Пойду, лампадку засвечу перед иконкою, помолюся за новопреставленного раба Володимира, чтобы полегшало его душеньке неприкаянной в адском дыму. Незамоленный грех-то его.

Федосья Афанасьевна с крихтением подымается со стула. И старый стул скрипит как колодезный журавель.

— Уходите уже? Посидите, — удерживает Берзнева. — Тоничка еще не скоро придет. Тоскливо мне одной.

— Ну, разве уж, штоб вам приятность сделать, — снова усаживается Федосья Афанасьевна. И снова поскуливает стул...

— Редкой души вы человек, Федосья Афанасьевна! Муж ваш в революцию погиб, а вы за Ленина молитесь.

— Христианская душа, обнаковенная... А и то верно, што дьяк мой в двадцать первом на Сибирь был посланный. Там и косточки сложил страстотерпец мой голосистый Мелетий Севастьянович... Так разве тому Ленина вина? Забрали его вельзевулы головатые с лицами мрачными, не людскими лицами. И на колпаках их вроде антихристов знак, знак зверя пятихвостого... Ленин не стал бы свои ручки нежные, барские в кровавых делах марать. Не усмотреть ему, што за его

спиною преподлые творят. Одною думкою денно и ночью захопченный был, мечтою превеликою — как бы ему цельный белый свет от жадности богатеев загребущих избавить и бедному сословию бесслезное, обильное житие обеспечить.

Надежда Федоровна улыбается путанице, творящейся в нехитрой голове Федосьи Афанасьевны, но не спорит с нею.

— Единый, страшный грех горою лежит на его душеньке. Возгордяся, ако Люцифер, восхотел он с Господом Богом силою померяться. Приказал он Всевышнего отменить, имя Его святое забыть и Коммунии поклоняться, к серпу и молоту замест креста прикладываться... Вот за такой-то грех, за нечистую гордость, коей возгорелась его помраченная душенька, и гореть ему не сторать в геенне огненной довечно... Господи, спаси нас и помилуй! — снова зевает и крестит рот Федосья Афанасьевна.

Н. Ровская

Маленькое чудо

Рассказ

Была суббота.

С самого утра было мрачно и холодно, так, как часто бывает на Балканах в конце ноября месяца. Тяжелые буросерые облака быстро неслись над городом. Иногда свешивались с неба кисейные обрывки туч и касались крыш или скользили между домами. Изредка моросило. Улицы были мокрые. Ветер пронизывал сыростью и холодом.

Закутанная, в непромокаемом плаще поверх одежды и с раскрытым зонтиком в руке, молодая женщина устало шла, стараясь переступить через лужи на тротуаре. Другой рукой она прижимала к себе девочку лет трех. Девочка могла бы итти сама, но она просилась на руки, да и галош у нее на ногах не было, — значит, опять промочит ножки; пришлось нести. Это затрудняло движения, усиливало усталость и порождало озлобление против всего на свете — и против ветра, и против дождя, и неровной улицы, и нетопленной комнаты, в которую она возвращалась. Озлобление надо было сдерживать, так как от резких движений и окриков девочка уже дважды плакала. От этого искусственного напряжения внутри росло настроение отчаяния и сознание безвыходности.

Это была не тоска, и не печаль, и не грусть — такие, казалось теперь, невинные переживания юношеского возраста. Нет, это было реальное сознание полной безвыходности, ясное и логичное понимание конца...

Конца, потому что нет заработка, нечем платить за комнату, нечем ее топить, нет средств на питание, не на что купить одежду... И нет ничего впереди... Никаких расчетов... Никаких, даже самых маленьких, надежд...

Знакомые подкармливали. Изредка кое-где, за небольшую плату, удавалось прибрать чью-либо квартиру. Но вскоре и последние знакомые отсюда уедут. А дальше что? А девочка?

После конца войны всё так изменилось. Всё стало так неустойчиво и так беспросветно для одинокой молодой женщины с ребенком на руках...

Она поровнялась с домом, переделанным когда-то давно под русскую церковь. Когда-то в этом городе была небольшая русская колония. Была и церковь. Когда-то о церкви заботились. Ее тщательно отделявали и украшали. Был небольшой, но прекрасно спевшийся хор. Теперь русских осталось мало.

Много лет фасад церкви не красили, и он облупился. Только толстые дубовые двери и икона над ними были в относительном порядке.

Женщина с девочкой приостановилась. Последнее время эта церковь стала для нее вторым домом. Она пела в церковном хоре, деятельно участвовала в приходской жизни, а перед большими праздниками помогала батюшке прибирать церковь, обтирать иконы, стирать пыль с подоконников. Но кроме этого она любила подолгу, в полутьме и тишине церковной, оставаться со своими мыслями. Здесь она боролась с безнадежностью и отчаянием и, изнемогая от этих чувств, понимая свое бессилие, тихо плакала около икон. То у одной, то у другой. Именно не молилась, а плакала. Слова не шли. Мысли и понятия туманились. Она бы не могла точно сказать, чего она просила, что было самым нужным — пища ли, тепло ли, надежда ли на будущее. А в слезах она находила успокоение... Выплакавшись, устав от слез, она шла домой, не в силах ни о чем думать...

Приостановившись, она повернулась к церкви. Чтобы подойти к двери, надо было подняться на две довольно пологие ступени. Идти или не идти? — думала она, — а что если двери закрыты? Усталость одолевала. Вдруг женщина заметила, что дверь всего лишь неплотно притворена, — значит, батюшка там. Значит, можно услышать несколько добрых слов, посадить девочку, как-то передохнуть...

Она вошла и устало опустила девочку на коврик у двери.

Около дальней стены стоял среднего роста пожилой священник. Седые волосы обрамляли большую голову и спускались до плеч. Совершенно белая борода прикрывала грудь. Светлые, глубоко посаженные глаза смотрели с добротой и лаской, и от этого теплого взгляда всегда хотелось с ним говорить. Особенно тогда, когда было тяжело на душе. Он умел выслушивать, умел понимать недоговоренное. Его благообразный вид располагал к доверию и сразу же внушал сознание, что батюшка никогда не обидит, а это сознание было так важно для каждой ищущей сочувствия души.

— Здравствуйте, Любовь Андреевна, — негромко сказал священник, и его неторопливое приветствие сразу же расположило к спокойствию. — А я почему-то так и думал, что вы зайдете. У меня для вас есть две просфорки, сейчас вынесу. А вы сядьте, и девочка пусть обогреется немного. На дворе плохо сегодня. Отдохните...

После первых же десяти минут, когда девочка успела съесть просфорку и, немного порозовев, тихо сидя на стуле и свесив ножки, старалась достать вытянутыми носками до пола

и когда первые же вопросы священника показали ему душевное состояние пришедшей, он решил ласковым словом ободрить ее.

— Не отчаивайтесь, Люба, — начал он. — Отчаяние и уныние — это грех! Не вам одной тяжело. Подумайте, сколько несчастий вокруг. Подумайте, сколько погибших, сколько пропавших без вести. Подумайте о горе других женщин, о горе матерей, о горе вдов. Ваше горе еще не горе! Вы должны верить, что Господь поможет! Он непосильного испытания не дает! Молитесь, и Господь поможет!

Женщина тихо плакала, изредка, сквозь слезы, выдавливая незаконченные короткие фразы:

— Батюшка, никакого просвета нет... Никакой надежды... Нет больше сил и нет желания жить... Батюшка, сколько я ни думала, а выхода найти не могу... Понимаете, батюшка, выхода нет! Впереди только пропасть...

— Это, Люба, вы по-нашему, по-человечески думаете. А Господу всё возможно. Он всё видит и всё может. Господь может сделать то, о чем вы и догадаться не можете, то, о чем вы и просить бы не посмели...

После небольшой паузы священник ласково продолжал:

— Пойдем, Люба, к той иконе, помолимся вместе... Вы стойте на коленях и плачьте, а я буду молиться... Пойдемте...

**
*

Была суббота.

Днем было то ветрено, то жарко. Под вечер пронесся короткий, но проливной дождь. Потом вдруг небо опять очистилось, улицы быстро высохли, и только резкий ветер набегал изредка.

Недаром говорили, что здесь, в Нью Йорке, в один день бывает четыре времени года.

Но вечер выдался спокойный и приятный, такой, какие тут часто бывают в конце ноября.

К большому зданию, стоявшему на довольно широкой улице, плотно уставленной по обеим сторонам у тротуаров автомобилями, подходили хорошо одетые люди. Из-под накидок и пальто дам виднелись бальные платья. Иногда у подъезда здания останавливались частные машины или такси и из них быстро выходили и исчезали в дверях пары.

Там наверху был бальный зал. Оттуда доносилась музыка. Туда в этот вечер собиралась русская колония Нью Йорка на годовой благотворительный вечер очень уважаемой в колонии организации. Тут сегодня будет много людей... Сколько

встреч между приятелями, давно не видевшими друг друга... Сколько вопросов, сколько рассказов о прошлом, сколько новых знакомств с непредвиденными последствиями... Сколько радости!

По бокам в главном зале были расставлены столики, а середина оставалась свободной для танцев. Всюду было шумно и весело. Танцующие пары обменивались короткими фразами, улыбались, смеялись и бросали друг на друга загадочные взгляды... Пьянящая атмосфера бала уже завораживала присутствующих.

В соседнем зале, который был меньше главного, расположился буфет. Традиционные пироги с мясом и с капустой, пирожки всех фасонов с разнообразной начинкой, ветчина, холодная птица, торты, напитки крепкие и некрепкие, — всё было к услугам нарядной публики. За буфетом, продавая всю эту аппетитную снедь, стояли пожилые дамы, очень тщательно, по-бальному одетые и причесанные по последней моде. Это и были те труженицы, чьими усилиями и энергичной работой создавалась касса этой благотворительной организации.

Буфет оживленно торговал. Дамы-хозяйки едва поспевали класть на тарелки то, что выбирала, в предвидении близкого удовольствия, публика, всё время подходившая к ним. Множество людей со стаканами и тарелками в руках заполняли этот зал.

Юрий Владимирович двигался медленно. На губах застыла улыбка — смесь вежливости и любопытства. Он прожил в этом городе уже около года, но только второй раз приехал на русский бал, и теперь его всё интересовало и занимало. Он как бы впитывал в себя новые ощущения. Он всматривался в лица, зная, что сегодня здесь встретит много знакомых. Целью его был буфет, а потом он пойдет обратно к тому столику, где сидела жена с друзьями, с которыми они пришли на этот вечер.

— Юра! Юра! иди сюда! — раздался сбоку радостный голос. — Юра, здравствуй! Идем, я хочу тебя познакомить с моим «боссом» — это хозяин фирмы, в которой я служу.

Юрин друг, молодой Саша Цепин, крепко схватил Юру за руку чуть выше локтя и потащил его в свою сторону. В нескольких шагах, у стены стоял коренастый пожилой господин со стаканом в руке. Роста он был среднего, одет в хороший темный костюм, и модный яркий галстук украшал его грудь. Седеющие густые волосы были подстрижены довольно коротко. Лицо приветливо улыбалось. Глаза смотрели с любопытством. Странной была только постанова головы,

вдавленной, как показалось Юре, в туловище — шеи как будто не было. Подбородок спускался к груди, а широкие скулы лица были почти на том же уровне, что и крепкие плечи.

— Юра, познакомься, это мой хозяин, Семен Антонович Пир, — громко говорил Саша. — Семен Антонович, позвольте представить вам, это мой большой друг Юра Кашин. Он тоже недавно сюда приехал, но он инженер и уже устроился по специальности.

Семен Антонович неторопливо протянул Юре широкую и крепкую руку для длительного, по американской привычке, рукопожатия.

— Пир, — медленно и негромко сказал он. — Раньше были Пироговы, ну, а здесь сократили, а зовут меня просто Сэм. Это и легче и понятнее. Зовите просто Сэм.

Юра с интересом рассматривал нового знакомого, о котором уже раньше слышал от Саши Цепина, и не знал, с чего начать разговор, но Семен Антонович, видимо, находился в хорошем настроении и был не прочь поговорить. Не торопясь, он продолжал:

— Вот вы, раз вы друг Алекса, — так он типично по-американски назвал Сашу, — вы сейчас рассудите наш спор. Он вот рассказывает про чудеса и верит в чудо! Говорит, что в его жизни было много чудесного и в Европе, и на войне, и в городе, где его бомбили, — всюду он видит чудо! Говорит, как баба! Вот моя жена тоже во всё это верит. Моя жена в нашей церкви много помогает, в комитетах там... Так она мне много о чудесах рассказывала. А я всю жизнь работал. Мальчиком здесь оказался. И лавки подметал, и кирпичи на постройки таскал, и грузы с кораблей на спине носил, а потом стал старику одному в шитье помогать, а там и компаньоном его сделался, а потом и свою мастерскую открыл. Теперь и дом есть, и два сына, к работе приучены, и всё вот эти руки делали, и никакого чуда! Я ни в какие чудеса не верю. Работай, да не пей много, — вот и всё чудо!

— Семен Антонович, да я не про то, ведь это совсем другой вопрос, — быстро заговорил Саша. Семен Антонович спокойно смотрел на Сашу, и его взгляд был чуть-чуть насмешлив.

— Юра, ну, посуди! Я рассказал Семену Антоновичу, как мы с женой каждый раз, когда по ночам раздавался сигнал воздушной тревоги, бежали в подвал большого каменного дома, который был в полуквартале от нас. И старушка хозяйка дома тоже туда ходила. Часто вместе ходили, так как дом, в котором мы жили, был маленький и подвал тоже небольшой и, казалось, не давал никакой защиты от бомб. А в тот

вечер, когда сирена завывала, выбежали мы с женой из комнаты, а напротив в открытой двери стоит старуха-хозяйка и двинуться не может — плохо ей. Мы к ней, помочь хотим, а она говорит: « Уходите в убежище большого дома, торопитесь, а я никуда не пойду, я не в силах ». Жена настаивает: « Мы вас хоть вниз сведем, в наш подвал ». — « Нет, говорит, не теряйте времени, убегайте, я здесь буду, я не в силах идти ». Ну, мы с женой схватили ее и потащили в подвал. Там усадили на какие-то сундуки, а ей совсем плохо — воды просит. Ну, начали мы с ней возиться, а тут и выстрелы, и разрывы — никуда не пойдешь! Позакрывали двери, присели к стене... Старушке легче стало, смотрит на нас благодарными глазами, что не бросили одну, и губами тихо шевелит — молитвы читает... А когда через полтора часа затихли все звуки, вышли мы с женой на улицу, а от большого дома и следа нет! Груда кирпичей, — прямое попадание, и в бомбоубежище там все были убиты! И мы бы были тоже, если б туда пошли!

Семен Антонович качал головой в такт словам Саши и, когда тот кончил, обратился к Юре:

— Ну, а вы вот, инженер, математику знаете, науки точные понимаете, вы в чудо верите?

Вопрос был задан точно и понятно. Семен Антонович явно ждал такого же короткого и точного ответа. Видно было, что он привык к краткости и ясности и сейчас хотел услышать магическое слово, которое ему покажет, что дважды два четыре и что дальше об этом нет смысла и думать.

Но Юра почувствовал, что он теряется и не знает, что сказать. Да он, собственно, и не думал никогда о таких вещах.

— Я, Семен Антонович, — начал Юра, — как инженер, люблю логику и математические доказательства, а вы меня спросили не о науке, а о вере, о вере в чудо. Скажу вам, что с моей точки зрения мы — люди очень беспомощные и очень бессильные и многого, очень многого не знаем и не понимаем... И наука доказывает, что мы не понимаем очень, очень многого... А раз так, то, может быть, в мире есть сила более мощная и более умная, чем мы, люди... А раз мы верим в то, что такая сила есть, и называем ее Бог, то, значит, эта Сила, особенно, если она всемогуща, может сделать многое, что нам покажется непонятным и невероятным, а такие-то явления мы и называем словом « чудо ». Следовательно, чудо — это не что-то немыслимое, а это то, что для нас, маленьких людей, невозможно и немыслимо... А для Творца всемогущего возможно всё именно потому, что Он всемогущ... А раз мы так верим, значит — и чудо возможно...

Юра в раздумье произносил каждое слово отдельно и отчетливо. Он сам удивлялся, как логично всё у него получалось.

— Инженер, инженер, — качал головой Семен Антонович.

— Я же вам говорил, Семен Антонович, что он умный, — вступил в разговор Саша, — он очень умный...

— Значит вы, инженер, в чудо верите?

— Собственно говоря, я бы сказал так, что чудо возможно, но не в каждом случае его надо усматривать, — добавил Юра заключение к своей первой длинной тираде.

— Не в каждом случае — это правильно, — согласился Семен Антонович.

— Вы просто не были в опасности, Семен Антонович, — вставил Саша. — Помните русскую пословицу: «Кто в море не бывал, тот в Бога не веровал».

— Эх, Алекс, Алекс, — вздохнул Семен Антонович. — Вот у меня два сына, так вот, Алекс, старший был на войне и в бомбардировочной авиации служил механиком, по оружейной части специалистом, и летал не раз, и опасности в глаза смотрел, и много рассказывал, но мы с ним никакого чуда ни в чем не видели. Так сын и говорит: «Осмотрел и проверил все пулеметы, осмотрел все патроны — всё потом стреляет и самолет целым возвращается, а не осмотришь — назад не вернется»! Работать надо! — закончил Семен Антонович и обратился к Юре: — Да, вот вы умный-то умный, а на работу как устроились? Хорошая работа?

Юра застенчиво пожал плечами, показывая этим, что работой удовлетворен.

— Смотрите, хорошо работайте, — продолжал Семен Антонович. — В Америке работать надо. Всё время работать! Вы все тут образованные теперь приехали, вам легче будет, а вот мы когда прибыли, то и читать почти что не умели, а вот повернулись, да и свои мастерские посоздавали... Выбились в люди!.... А всё работа! Работать надо, а о чудесах не думать... Работать! Ну, вот что, — переменял он тон, — мне итти надо к своей старухе. Рад был с вами познакомиться, — сказал он Юре, — желаю успеха в Америке. Увидимся, Алекс, бай! — бросил он Саше и не торопясь направился в большой зал.

— Видал моего «босса»? — по заговорщически спросил Саша. — Кремень, как купец из пьес Островского! В мастерской у него не поговоришь! Все работают, как лошади, за всеми присматривает внимательно и сам, как вол, работает. И жену помогать заставил... Но та другая, та добрая, благотворительностью занимается, людей выписывает сюда из бе-

женских лагерей, из Европы. Помогла многим, да и его человеком делает, а не то совсем машиной бы стал... На работе — просто паровой молот какой-то...

— Пойдем к буфету, — перебил его Юра.

— Нет, я уже был, а ты иди. Я тебя больше задерживать не буду. Да вот постой, Юра, подойди вон к той даме. Во-первых, там пирожки такие, что от одного аромата сразу все приятные воспоминания нахлынут, а во-вторых, она совсем недавно из Югославии приехала, поговори, может быть, о знакомых что-нибудь узнаешь. Ну, скоро увидимся! — И Саша исчез в толпе.

До этой встречи Юра направлялся к большому, красиво украшенному торту. Хотел и сам попробовать, и отнести жене и знакомым. Но теперь этот полусознательный расчет сбил Саша, и, следуя его совету, Юра направился к даме, продававшей пирожки, тем более, что около нее было только два покупателя, а, следовательно, задержки не будет.

Когда Юра дождался своей очереди, он спросил:

— Скажите, с чем у вас пирожки? Они выглядят так аппетитно.

— Эти с мясом, а вот эти с капустой. С мясом особенно рекомендую, они еще теплые, — ответила дама, — и все их хвалят, — добавила она.

— Да мне тоже посоветовали раньше всего взять ваши пирожки. Дайте мне, пожалуйста, четыре пирожка с мясом. Вы сами готовили?

— Нет, что вы! Здесь есть старожилы — специалисты по пирожкам, — засмеялась дама. — Я только помогаю здесь в буфете. Да я и не могла бы так хорошо испечь, да и возможностей у меня к этому нет — я ведь совсем недавно приехала. Вот вам на картонной тарелочке четыре пирожка. А что бы вы еще хотели?

— А можете вы мне дать вон того торта, тоже четыре кусочка, пожалуйста. Вы из Югославии приехали, мне сказали?

— Да, из Югославии, а вы тоже оттуда?

— Да, до войны я в Белграде жил.

— В Белграде! А в городе, где я жила, было несколько человек из Белграда. Полковник Петухов с женой был, может быть, знали? — Нет? Молоденькая дама с девочкой, бывшая студентка ваша Белградская, Любовь Андреевна...

— Любовь Андреевна З., замужем за З.? — перебил Юра.

— Замужем за З. была, но развелась. А вы ее знали? Она в очень бедственном положении сейчас.

— Конечно, знал Любу. Вместе студентами были, на балах

танцевали, но я ее лет семь уже не видел и ничего о ней не слышал. В бедственном положении, вы говорите ?

— Да, очень нуждается. Хотите, я вам адрес дам, может быть, напишете ?

— Конечно, дайте, конечно, напишу ! Но вы говорите — нуждается, а скажите, как поступить, вернее, что вы посоветуете, как можно помочь ?

— Ну, это совсем просто ! Пошлите заказное письмо авиапочтой и вложите в него пару нейлоновых женских чулок. Там это лучшая валюта ! Это будет самая лучшая помощь ей. Для вас здесь — пустяк, а там она целых две недели на это жить будет !

— Да что вы говорите ! Я, правда, слышал о подобных вещах, но самому пока не приходилось чулки посылать, и притом в конверте.

— В конверте с письмом, но обязательно заказным. Подождите, я вам оттуда торт принесу, а потом и адрес дам...

Бал проходил шумно и весело. Знакомых оказалось много. Юра ходил к другим столикам, приводил старых друзей знакомить с женой, побывал дважды в буфете и расспрашивал подробно о жизни теперь в Югославии. С женой и друзьями он обсуждал, как покупать чулки и как упаковывать. Юра чувствовал, что в его жизни появилась новая забота, но такая, которая не обременяет, а, наоборот, создает новые интересы и удовлетворение оттого, что делается что-то правильное.

В ближайшие недели, последовавшие за этим балом, начала развиваться переписка между Юрой и Любой. Юрино первое письмо начиналось словами : « Если вы меня еще помните... », а первое, пришедшее от Любы, заканчивалось так : « Благодарим за присланные чулки — мы будем сыты недели четыре. Как неожиданно и негаданно упало, точно с неба, ваше письмо ! »

Шли месяцы один за другим. В письмах стали обсуждаться более серьезные вопросы и о жизни на Балканах, и о возможности выехать оттуда, и о возможности получения визы в Соединенные Штаты... Потом пошел « аффидевит » иммиграционным властям, и письма консулу... Это были годы, когда выписывали многих... Родственников, друзей, знакомых... Там, в Европе, в разоренных войной странах, жизнь была очень тяжела, а для русских эмигрантов подчас непосильна. Каждый, кто мог, старался вырваться в « Новый Свет », а там, устроившись на новом месте, помогал выехать другим...

Был приятный осенний день.

Солнце грело, но не сильно. Небо было ясное. Со стороны залива тянуло легким ветром. Мутные желтые воды Гудзона, подернутые мелкой рябью волн, медленно катились мимо пристаней. Силуэты небоскребов Нью Йорка темнели на противоположной стороне реки. Вдалеке небольшой пузатый буксир тянул баржу. Другой спешил куда-то, и перед его низким носом вскипала и пенилась крутая волна.

Несколько чаек кружились над подходящим к пристани товарно-пассажирским итальянским пароходом. Он двигался медленно, подтягиваемый двумя маленькими буксирами, прилепившимися по его бокам.

На пристани собралось человек двадцать встречать приезжающих. Юра с женой, прибывшие довольно рано, сидели на этой грузовой пристани на каких-то ящиках. Юра любил бывать на пристанях и наблюдать своеобразную жизнь на реке, в большом порту. Сюда, в Нью Йорк, приходили корабли со всего света. То английские, французские и итальянские пассажирские громадины с бесчисленным количеством людей на всех палубах, то темные, низко сидевшие, тяжело нагруженные товарные суда с облупленной на бортах краской, то небольшие беленькие аккуратненькие пароходы из Южной Америки, везущие бананы и другие фрукты, то целые караваны барж, нагруженных чем-то, катера, яхты, буксиры... Жизнь на реке, в этом порту, не прекращалась ни днем, ни ночью...

Итальянец пристал, но ожидание продолжалось. Там на корабле были теперь власти иммиграционные, власти таможенные, там шли дела официальные...

Люба уже несколько раз махала руками с палубы, не то узнав, не то догадавшись, что за пара сидит на ящиках.

Но вот немногочисленные пассажиры начали спускаться с парохода.

Когда радостная Люба подбегала, держа за руку девочку, первые ее слова были :

— Я не могу поверить, я просто не могу поверить, что мы уже в Нью Йорке и что вы нас встречаете... Ведь это чудо с нами произошло ! Это просто маленькое чудо...

Неожиданно, приближавшийся к пристани буксир низко загудел. Все инстинктивно порывистым движением подняли руки к ушам. Дальнейшие слова Любы потерялись в этом шуме...

Была суббота.

В нижнем этаже большой гостиницы в центре города одна из русских эмигрантских организаций устраивала бал с концертной программой.

Публики в зале было много. Организаторы чувствовали удачу и, радостно и приветливо улыбаясь, ходили среди съехавшихся гостей.

— Юра, Юра! — окликнул голос сбоку, и Юра узнал Сашу, с которым давно не встречался.

— Юра, наконец-то я и тебя нашел. Я был уверен, что ты будешь на этом вечере. Расскажи, как твои дела, как служишь, как супруга? — Саша говорил быстро и всё время тряс Юрину руку.

Юра тоже обрадовался старому другу. Он оживленно отвечал на вопросы и спрашивал сам. Но, в общем, весь разговор сводился к тому, что жизнь течет спокойно, равномерно, без каких-либо особых происшествий, достойных внимания. Оказалось, что Саша продолжает служить там же, где и начал сразу же по прибытии в Америку, т. е. у Семена Антоновича.

— Да я и его привез на этот вечер. Соблазнил тем, что хор будет петь в концертной программе. Да вот же и он идет. Семен Антонович, помните Юру, моего друга, инженера? Помните, года два назад познакомились на балу и философствовали тогда?

— Помню, помню, как же, — медленно говорил Семен Антонович, крепко пожимая Юрину руку. — Как же вы служите? Как вам нравится теперь наша Америка? Теперь, когда уже пожили немного? Правда же, нет лучше страны, чем Америка? Здесь, если работаешь, то будешь счастлив. Согласны? Правда?

— Правда, правда, согласен, — вежливо одобрил Юра.

— А знаешь, Юра, какое несчастье было у Семена Антоновича, — снова заговорил Саша. — Сын в автомобильное столкновение попал. Руку сломал и шею повредил, а супруга Семена Антоновича не пострадала, — рядом с сыном сидела и просто чудом спаслась — ни царапинки!

— Вот видите, инженер, — начал Семен Антонович. — Ваш друг всё о чуде говорит, и жена моя его тоже поддерживает. Оба они всё мне твердят про чудо, а на мой взгляд сын просто слишком быстро ехал. Я сыну так и сказал: «Не бережешь свою шею — вот и болит теперь!» А постойте, ведь мы два года тому назад, на том вечере, помните, тоже о чуде говорили... Ну-ка, напомните мне, что вы тогда сказали. Как вы выразились о чудесах?

— Да я, Семен Антонович, уже сейчас плохо припоминаю, — начал неуверенно Юра. — Я, кажется, говорил, что чудо возможно, очень возможно, но не всякий случай надо считать чудом...

— Он говорил, Семен Антонович, — вступил Саша, — что часто бывают небольшие чудеса, которых мы не замечаем, а проходим мимо и даже не подумаем, что это ведь чудо. Он говорил, что мы слепы и не видим сути многого.

— Да, может быть, я такое и говорил, — подтвердил неуверенно Юра.

— И еще он говорил, что вся наша жизнь — это чудо!

— Ну, это, положим, моя жена вам говорила, — вступил Семен Антонович и, немного улыбаясь, смотрел на Сашу.

— Да, я скорее говорил о случайности и о том, что редко как-то встречаются чудеса в наш век. Возможно, что они и есть, но я как-то не видел... А вот вас, Семен Антонович, я вспоминаю часто. Вы тогда говорили, что работать надо. Вот и работаю, и сверхурочные, и по субботам иногда. Слава Богу, всем доволен, — перевел Юра разговор на другую тему.

— Правильно, инженер, правильно, вот это умные рассуждения. Ну, рад был опять вас встретить. Пойду к жене, а то беспокоиться будет. До свиданья, инженер. Желаю вам успеха. Увидимся, Алекс, бай! — И Семен Антонович, медленной и спокойной походкой уверенного в своей правоте человека, направился к дальнему столику. У него всё в жизни было уже устроено, и устраивал всё он сам, — так он думал, — и устраивал он всё так, как он хотел. И всё ему было ясно...

— Юра, пойдем к буфету, я тебя угостить хочу, — заговорил Саша. — Хотя ты какой-то слишком логичный стал, рассуждаешь как-то по дубовому, как Семен Антонович, но всё-таки ты хороший человек. Пойдем нашу старую дружбу вспомнить! Вот жена у Семена Антоновича совсем другая. С той поговорить можно. У той душа есть, а не только логика. Та в жизни не только строчки читает, да формулы. Она между строк смотрит. А между строк, Юра, больше написано, чем в строках. Между строк надо читать! В строках-то факты там разные, а смысл-то между строк написан! — И Саша, крепко обхватив своего друга за спину, повлек его в тот угол бального зала, где был расположен буфет.

Запоздавшее счастье

Вероятно, результат этой погони за Синей Птицей Счастья был бы совершенно иным, случись всё это на двадцать лет раньше, и мне не пришлось бы писать хронику этих событий, которые начались очень давно, в послевоенной, полуголодной Европе конца сороковых годов.

Выброшенная всеокрушающим потоком событий из родного края семья ютилась среди многих других в лагере для Ди-Пи, где-то в Италии. Была эта семья многочисленна, но здесь мы займемся лишь судьбой двух ее членов, сестер погодков, Тамары и Лиды. Очень схожие внешне, они резко отличались друг от друга характером. Младшая по возрасту на два года, энергичная и веселая Лида верховодила всем и мечтательная, немного пассивная Тамара без спору ей подчинялась. Это было даже удобно: на Лиде лежала и вся инициатива и ответственность за их проделки, но надо сказать, что Тамара никогда не покидала ее в беде, разделяя, если нужно, с сестрой заслуженное наказание. Так и выросли они, живя душа в душу, под благожелательно небрежным присмотром матери, похожей на вечную курсистку, с наспех засунутым в волосы гребнем и неизменной папироской во рту.

Обе сестры были безусловно миловидны, но Тамара к тому же обладала от природы секретом притягательной силы, против которой мужчины бессильны, и вокруг нее беспрестанно шуршал и суетился рой поклонников. Кое что перепадало и на долю младшей сестры и по вечерам обе очень веселились, шутя над томными взглядами влюбленных юнцов.

Но когда в их барак, за какой-то справкой, по ошибке вошел Сигизмунд Костевский, обе они восторжеслись и сердце каждой сделало невольный прыжок. С той лишь разницей, что Тамара засияла и словно проснулась к жизни под восхищенным взглядом прищельца, тогда как заметившая это Лида вся сжалась и замкнулась в себе. То есть, замкнулась она внутренне; внешне же, наоборот, стала еще более шумной и веселой, ничем не показывая, что разгадала невольно чужую тайну, и что тайна эта ее никак не радует.

Время было беспокойное, о завтрашнем дне старались не загадывать и не откладывая в долгий ящик, чуть ли не на третий день их знакомства, Сигизмунд, застав Тамару одну в бараке, просто ей сказал, что жить без нее он не может и встретив ее счастливый взгляд, крепко ее обнял. Так их за-

стала проходившая мимо мать Тамары. Жизнь давно отучила ее удивляться чему либо, и вынуд неизменную папироску из рта, она обняла дочь и потом сердечно поздравила молодую пару.

Предстоявшее объяснение с Лидой было много сложнее.

Уже с самого появления Сигизмунда в их жизни, прекратились душевные разговоры и шутки по вечерам, дав место несколько натянутому молчанию. Такое положение длилось ровно два с половиной дня.

Тамаре почему-то очень не хотелось рассказывать Лиде о своей любви. Не то, чтобы она опасалась какойнибудь усмешки или непонимания, но что-то инстинктивно ее от этого удерживало, хотя вряд ли она подозревала, что серые глаза Сигизмунда сразили не ее одну.

С бьющимся сердцем отправилась она на поиски Лиды. Впрочем, она хорошо знала, где ее найти, так как сестры давно облюбовали себе местечко, на холмике у речки. Тамара не ошиблась: Лида сидела под ивой, брошенная книга валялась в траве. Брови Лиды были сдвинуты и она нервно кусала какую-то травинку. Момент для сердечных излияний не казался очень удачным, но Лида уже заметила ее и отступления не было. Взгляд сестры не сулил ничего хорошего и хотя она видимо старалась сдержаться, всё же голос ее прозвучал непривычно сухо, когда она почти резко спросила:

— Что ты хочешь мне сказать? ведь ты же не пришла просто поговорить со мной, не так ли?...

Тамара вздрогнула как от удара, она не привыкла к такому тону сестры. С ответным вызовом в голосе она сухо сказала: — Я просто хочу сказать тебе, что выхожу замуж, нравится это тебе, или нет.

Но выговорив это, она не выдержала, глаза ее наполнились слезами и кинувшись на шею Лиды он вскричала: — Мама уже благословила нас, но я хочу знать, что ты думаешь? одобряешь мой выбор?...

При этом Тамара даже не подумала сказать Лиде, за кого она собирается выйти замуж, настолько она была уверена в понятливости и чуткости сестры.

Что пережила Лида в те секунды, что Тамара плакала на ее груди счастливыми облегченными слезами, она никому не сказала, быть может только больше замкнулась в себе.

— Я думаю, что Сигизмунд тебе очень подходит, — сказала она внешне совершенно спокойно, — и чем скорее вы поженитесь, тем лучше, не такое теперь время, чтобы тянуть.

Тамара подняла голову. Глаза ее мигом высохли. Торопясь и путаясь от волнения, она стала рассказывать Лиде все

подробности признания. Та молча ее выслушивала кивая иногда головой. Плавающей в счастье Тамаре, были, конечно, невдомек ни натянутость улыбки сестры, ни побелевшие косточки до боли сжатых рук.

Свадьбу — не пышную, где уж там пышность в лагере Ди-Пи, — но очень веселую сыграли через неделю и вскоре молодые уехали в Голландию, куда друзья Сигизмунда выхлопотали ему визу. Благодаря им он скоро устроился на работу и жизнь молодой пары пошла ровно и счастливо. Тамара оказалась очень хорошей хозяйкой и отличной матерью. Появившийся сперва мальчик и последовавшая вскоре за ним сестренка занимали всё ее время днем, а вечера она проводила с мужем, либо дома, либо выходя куда нибудь, благо ее мать постоянно у них гостила и обожала внучат.

Годы летели для них легко и незаметно, без больших потрясений и подводных камней. Мягкость и тактичность Тамары сглаживали маленькие и большие шероховатости и вспышки ее темпераментного и не всегда сдержанного мужа, и гармония в семье фактически ими не нарушалась. А если Тамара иногда и плакала, то долго это не продолжалось: муж любил ее искренне и очень высоко ценил.

Энергичный и способный Сигизмунд быстро пошел в гору и вскоре уже возглавлял учреждение, в котором начал работу после женитьбы. Тамара и тут оказалась на месте, красиво и со вкусом организуя парадные обеды знатным гостям и пленяя всех своей внешностью и приветливостью.

Но как же сложилась в это время жизнь Лиды?

Перебравшись с остальной семьей за океан, она обосновалась в маленькой стране южной Америки и не гнушаясь никакой работой мигом нашла себе занятие. Затрудняюсь сказать, в какой последовательности, но перепробовала она немало профессий: была гувернанткой, стюардессой, экономкой и служащей в бюро. В этой кипучей деятельности искала она забвения от нерадостных, хорошо запрятанных дум.

Воспоминание о последнем дне проведенном с Тамарой... вернее о дне, когда она увидела Тамару сияющую от счастья, в белом платье, рука об руку с Сигизмундом, глаза обоих, полные любви, — это воспоминание мучило ее неотступно.

День, когда я смогу об этом забыть, будет самым счастливым днем моей жизни, — думала она стискивая зубы, как от боли, но забвение не приходило.

В сущности, она очень мало знала Сигизмунда. Полюбив его с первого взгляда она никогда не задумывалась над тем, что он за человек, да и некогда ей было об этом задуматься, так как с момента его помолвки с Тамарой мог он быть для

нее только братом и разбирать его достоинства, или же судить о его недостатках ей не приходилось.

Она постоянно переписывалась с сестрой и была в курсе дел молодой пары. На вопросы Тамары, не выходит ли и она замуж, Лида обычно отшучивалась, что не нашелся, мол, еще такой чудак, хотя это и не было правдой: Лида была привлекательна и многие пытались за ней ухаживать, да и она сама иногда старалась себя уверить что тот или иной ей нравится, но всё было напрасно: вытравить любовь к Сигизмунду ей ничем не удавалось. С годами, что вполне естественно, она наделила его теми качествами, которые хотела бы видеть у любимого мужчины, и твердо поверила, что он ими действительно обладает.

Между тем годы летели. Два раза Лида навестила сестру и благодаря своей выдержке ничем ей не выдала своих чувств. Сигизмунд с седеющими висками стал еще интереснее, а обращение его с Лидой было просто очаровательным. — Ну до чего вы обе похожи! — говорил он смеясь (было это сущей правдой, с годами сходство сестер увеличилось, голоса же были совсем одинаковые); я боюсь иногда поцеловать Лиду вместо Тамары! — И целуй ее, — смеясь кричала Тамара, — я не ревную, наоборот, хочу, чтобы ты как брат целовал ее, когда желаешь ей спокойной ночи, она будет чувствовать себя совсем в семье!

Нетрудно себе представить, что испытывала при подобных шутках Лида, а Сигизмунд, беря будто всерьез роль «брата», целовал ее каждый вечер. После этого Лида долго лежала в постели с открытыми глазами и бьющимся сердцем, стараясь определить, был ли это чисто братский поцелуй, или же в нем было что-то сладкое и запретное?

Знал ли Сигизмунд о любви Лиды к нему? Кто их, мужчин, разберет? может быть и догадывался кое о чем. Во всяком случае, очень охотно он проводил с ней долгие часы и провожая ее на аэродром снова ее целовал, может быть чуть дольше, чем того требовала братская любовь.

Это посещение дома сестры прошло для Лиды как в тумане. Она разговаривала с Тамарой, играла с детьми, но делала всё это автоматически, думая беспрестанно о Сигизмунде. Вот он сейчас войдет, вот улыбнется, вот подсядет ко мне, может быть возьмет мою руку... Невероятным усилием воли заставляла она себя улыбаться и отвечать впопад на расспросы Тамары, жаждущей знать всё о находящейся за океаном семье.

Когда она прилетела к ним вторично, Сигизмунд и Тамара

праздновали двадцатилетие их свадьбы. Дети выросли, мальчик учился в университете, девочка была еще в гимназии.

Лиде исполнилось сорок лет. Стройная и сухощавая она выглядела много моложе несколько располневшей Тамары, на которую и семейная жизнь с не всегда легким Сигизмундом, и заботы о детях и о доме наложили преждевременный отпечаток, хотя она и была еще безусловно красивой женщиной.

Бросив на Лиду короткий, оценивающий — типично мужской — взгляд, Сигизмунд сказал ей, что она прекрасно выглядит и кажется на много моложе сестры, не упомянув больше об их сходстве.

Лида заметила, что его слова о ее молодости были сестре неприятны и тут же запретила себе посещать их дом впредь. Под предлогом срочной работы, она сократила как могла свой визит и упросила Тамару проводить ее на аэродром. Она боялась оставаться вдвоем с Сигизмундом, боялась его поцелуя.

Прошло еще пять лет. Сын Тамары кончил университет и обручился, дочка кончала гимназию. Всё шло, казалось бы, хорошо и мирно.

И вдруг, как гром среди ясного неба, телеграмма : Тамара погибла в железнодорожной катастрофе.

Лида не спала несколько ночей. Тамара, ее любимая сестра, ее друг... всё остальное отошло на задний план... Она написала нежное и дружеское письмо Сигизмунду и потом ушла с головой в работу и не писала ему больше. Но он продолжал писать ей и не получая ответа начал бомбардировать ее письмами, настаивая на ее приезде. Писал, что чувствует себя очень одиноким, что это ему невыносимо, что никто кроме нее, Лиды, не может понять его и помочь ему. Девочка очень страдает без матери и Лида им всем нужна. Сперва Лида отвечала кратко, отнекиваясь, но наконец ее сопротивление было сломлено. На последнее отчаянное письмо Сигизмунда она ответила телеграммой, ликвидировала сломя голову квартиру и службу и вылетела в Амстердам.

Запратанная глубоко в ее душе мечта начинала казаться осуществимой, хотя она и боялась себе в этом признаться. Она хорошенько не знала, во сне всё это происходит или наяву, и всю дорогу летела перед ней, невидимая другим, Синяя Птица Счастья. Сигизмунд ждал ее один, без детей. Когда он ее поцеловал, Лиде показалось, что время остановилось, или вернулось назад, что ей снова двадцать лет, что всю жизнь она ждала этого момента.

По дороге домой они не говорили о Тамаре, но чувствовали

ее невидимое присутствие, и это их и сближало, и отдаляло друг от друга.

Тем не менее, слова, которые Лида так долго жаждала услышать, были сказаны в первый же вечер, когда они остались вдвоем. По истечении известного срока они тихо повенчались, без приглашенных. Дети Тамары были их свидетелями.

На другой день родственникам и друзьям были разосланы уведомительные карточки, а на четвертый Лида улетела в Америку к матери, бросив благоприобретенного мужа, детей и гнездо, свитое Тамарой.

Можно только догадываться о том, что произошло.

Надо предполагать, что Сигизмунду, параллельно с его любовью к Тамаре, всегда нравилась и веселая, темпераментная Лида, а его мужское самолюбие тешила ее молчаливая и преданная любовь, которую он, вероятно, легко угадал. Сходство двух сестер сыграло немалую роль в его решении и он честно думал восстановить утраченную счастливую налаженность жизни, женись на Лиде.

Но на деле оказалось, что долголетние, чуждые ему привычки Лиды, которая никогда не вела семейный образ жизни, ему мешают. Его беспокоит, что она слишком шумно ходит по комнатам, когда он работает; что она не умеет так красиво декорировать стол, для приема парадных гостей, как это делала Тамара, да и не обладает безграничным терпением его первой жены.

Вероятно, эти — так скоро вспыхнувшие — маленькие стычки и толкнули Лиду на внезапный и решительный шаг.

Нужно ли, стоит ли ждать полного крушения любимой мечты? Не лучше ли уехать пока остается еще что-то, какой-то мираж, напоминающий о сладких мучениях, которыми она жила все эти годы?

Лучше сразу, одним ударом — пусть это будет очень больно — оборвать эту тоненькую нить несбыточного, запоздавшего счастья и продолжать прежнюю жизнь, пусть одинокую, но в которой всё же было много привлекательного, начиная со свободы.

Ирина Астру

Ни тогда,
 Ни потом, —
 НИКОГДА...
Из ямы глубокой, где кружится тьма,
Тихо выполз неведомый зверь
И поставил мне лапу на грудь...
Хоть бы раз еще вольно, как прежде, вздохнуть !
Отвести от себя ненасытную пасть,
И рвануться и встать,
Окунуться в холодную ночи холодность
И найти в себе силу, и веру, и власть
Снова в яму прогнать
 Безысходность !

**
*

В железобетонном склепе
Этой мутной столицы
Моя жизнь так нелепо
Двоится.
Днем, раздавленный грохотом
Обезумевшей улицы,
Я жалкий и крохотный.
На счастливых и сытых
Я не смею и хмуриться.

Ну, а ночью, когда тишина
Простирает над городом руки
И слетаются ангелы сна,
Чтоб избранников жизни баюкать,
Когда звезды на небе горят
И утихнет вулкан человеческий,
Вдруг неведомый грянет набат
Полыхнувшему сердцу навстречу,

И ярким зажжется смыслом
То, что днем беспомощно тлело !
Саламандрами мысли
Обернутся в пламени белом
И замечутся по мансарде, —
Им тесно в этом плену...

Повадкою леопарда
Проскользну к своему окну,
И какая-то сила шальная
В душу льется горячей струей...
Ясно вижу, как подлость людская
Захлестнула нас черной петлей.
И рванув ненавистный мне ворот
Повседневно-тюремного платья,
На трусливо прижавшийся город
Стопудовые рушу проклятья !

М. Каратеев

А. В. Кривошеин и граф Коковцов

(Два характера, два взгляда на экономическую политику))*

В пятилетию, предшествовавшем первой мировой войне, после того как Россия оправилась от последствий японской войны и революции, для русского правительства открывались две различные экономические политики: при широком участии государственного бюджета и кредита, смело развивать производительные силы страны, поощряя, в то же время, общественную самостоятельность, или же, напротив, поставить себе целью, соблюдая максимальную бережливость даже в производительных расходах, придерживаться бухгалтерского равновесия бюджета и накапливать золотой запас.

Первую политику, политику развития производительных сил страны защищал Кривошеин, следуя в этом Столыпину. Определенным последователем второй политики был министр финансов и председатель Совета министров Коковцов.

Конфликту между этими двумя направлениями и двумя личностями посвящен настоящий очерк.

**
*

Кривошеин и Коковцов отличались как взглядами на самые существенные вопросы экономической политики, так и характерами. Не стоит останавливаться на многих чертах характера Коковцова, не привлекавших людское расположение и не создававших ему популярности и затемнявших черты заслуживавшие уважения — хотя бы его патриотизм и финансовую щепетильность, но между живой, экспансивной, именно умевшей приобретать расположение натурой Кривошеина и совсем противоположным, «постным» характером Коковцова, близость была невозможна.

Особенно велико было расхождение между ними в их подходе к экономическим и финансовым проблемам. Если для Коковцова, министра финансов, главной целью было бухгалтерское равновесие бюджета, накопление золотого запаса и свободной наличности, то для Кривошеина, Россия, страна развивающаяся, вернее слабообразованная, нуждалась в крупных

*) Глава из неизданной биографии А.В. Кривошеина, написанной его сыном К.А. Кривошеиным.

производительных капиталовложениях в свое отсталое хозяйство, и в особенности в сельское хозяйство. Последнее нуждалось в кредитах, не только для покупки через Крестьянский банк земель крестьянами, но и для приобретения ими земледельческого инвентаря, а именно этому Коковцов противился. Работа ведомства земледелия тормозилась, тогда как нужно было, как можно скорее, ослабить растущее противоречие между быстро развивающейся промышленностью и примитивным земледелием, противоречие, которое по меткому, хотя и одностороннему выражению Ленина, глубже всего объясняет русскую революцию 1).

Что касается накопления золотого запаса как цели в себе, то несмотря на то, что русский золотой запас был самым крупным в Европе — больше французского, немецкого или английского — эта громадная инертная золотая масса, слишком большая для мирного времени, не сыграла сколько нибудь значительной роли как противовес денежной инфляции во время войны. Бесцельным было также чрезмерное накопление свободной наличности казначейства. К 1 января 1913 г., наличность государственного казначейства свободная от каких либо затажных обязательств равнялась 433 миллионам рублей, а всего накоплено у правительства во всех кассах было более 800 миллионов рублей. К 1 января 1914 г., свободная наличность уже достигала 515 миллионов рублей. Эти огромные суммы, приносившие ничтожный доход, а частью никакого, были праздной роскошью, которую себе не позволяли богатые страны, чаще всего проводившие работу казначейства при наличии текущего долга, даже крупного, который они потом консолидировали займами.

Производительные чрезвычайные расходы бюджета, такие как постройки казенных железных дорог, покрывались за счет бюджетных поступлений, а не займами.

Хроническому конфликту между Коковцовым и Кривошеиным предшествовал конфликт между Коковцовым и Столыпиным, всецело поддерживавшим Кривошеина.

В главе посвященной «Столыпинской реформе», я указываю на резкое столкновение Столыпина с Коковцовым по поводу финансирования реформы Крестьянским банком в ноябре 1906 г. Конфликт обострился тем, что назначенный 6 октября 1906 г. товарищем министра и заведующим этим банком Кривошеин проводил через голову Коковцова, своего начальника, политику Столыпина, а именно, предоставление широкого

1) Примечания см. стр. 80-85.

кредита землеустройству. Коковцову пришлось уступить перед энергичным « окриком » Столыпина, когда он попытался отказать расширить кредит банка вопреки указу 15 ноября 1906 г. о ссудах под залог надельных участков и не соглашался развить участие банка в покупке крестьянами помещичьих земель. Здесь — по словам Коковцова — « с первых же дней сказывалось влияние на Столыпина А.В. Кривошеина » 2).

Вообще, хронический конфликт между Коковцовым и Кривошеиным должен быть понят в свете конфликта между Коковцовым и Столыпиным, исполнителем политики, а затем продолжателем которого был Кривошеин.

Весной 1910 г. к этому конфликту прибавился другой : неудавшаяся попытка Кривошеина организовать правительственный сельскохозяйственный кредит, ярко освещающая противоположность взглядов Коковцова и Кривошеина на спешность поднятия этими мерами уровня крестьянского земледелия. Поддержанный Столыпиным, Кривошеин созвал 1 мая под своим председательством междуправительственное совещание для обсуждения проекта Сельскохозяйственного банка для кредитования приобретения земледельческого инвентаря и улучшения земледельческой техники 3). Крестьянский банк мог открывать кредиты исключительно землеустроительного характера. Кредиты же Государственного банка органам мелкого кредита на покупку земледельческих машин были недостаточны. От имени Столыпина, точка зрения министра земледелия была горячо поддержана товарищем министра внутренних дел А.И. Лыкошиным. По его мнению, такой кредит не только не был преждевременным, но, с появлением личной крестьянской собственности, скорее запоздавшим. Министерство финансов считало, напротив, что надо ждать. Надо ждать пока разовьется мелкий кредит, надо ждать пока он не окрепнет, надо ждать пока русский крестьянин не созреет до того, чтобы производительно использовать полученные из банка средства, так как пока он еще далеко не созрел до этого. Наконец, надо ждать пока государственный кредит не оправится от потрясений перенесенных в годы лихолетья. А главное, министерство финансов было категорически против государственной гарантии облигаций банка : деятельность проектируемого банка по финансированию сельского хозяйства, этого неблагонадежного с точки зрения министра финансов промысла, могла привести к крупным убыткам, которые пали бы на государственное казначейство. Между тем, проектируемый банк страдал скорее ограниченностью предназначенных для него средств : 15 миллионов рублей капитала и право выпуска в десятикратном размере капитала облигаций —

150 миллионов рублей для начала; в дальнейшем, капитал должен был увеличиваться отчислениями от прибыли.

Кривошеин с жаром возразил на это, что приведенные аргументы несколько не поколебали его уверенность в том, что орган широкого кредита был бы единственным средством поднятия производительности крестьянского труда, что в основе проекта лежит глубокая вера в коллективный разум русского народа. «Пусть часть средств истраченных правительством пропадет, пусть будут на первых порах неудачи и убытки. Не убытки надо считать, а ту пользу, которую принесет сельскому хозяйству хорошо организованный кредит!»

Вследствие оппозиции финансового ведомства банк не был учрежден 4).

Интересно и живо составлено донесение французского поверенного в делах Дульсэ своему правительству, написанное 13 марта 1914 г., но охватывающее предыдущий период 5): «Тогда как г. Коковцов ставил на первое место заботы о казначействе и считал, что сбереженные им суммы больше чем что либо в его политике заслуживают прославления, г. Кривошеин утверждал, что бережливость может быть разорительнее самых безрассудных трат, когда она достигается за счет экономического развития страны. Именно на этой почве у них произошло первое столкновение, ставшее известным общественным кругам. Г. Кривошеин представил Совету министров проект Сельскохозяйственного банка, назначением которого была не покупка крестьянами земли и не предоставление им ипотечных ссуд — для этого существует Крестьянский банк — но облегчение приобретения ими земледельческого инвентаря и вообще предоставление им необходимых средств для улучшения сельскохозяйственной техники. Этот проект был первой попыткой организации народного кредита (...) Г. Коковцов стал возражать против своевременности такого начинания, утверждая, что, по его мнению, нужно его отложить на те, еще отдаленные времена, когда окрепшее финансовое положение России позволит столь рискованное предприятие. Совет министров стал на его сторону и г. Кривошеин попросил императора принять его отставку, но она не была принята».

Этот инцидент мог только обострить конфликт по поводу Крестьянского банка, в особенности после поездки Столыпина и Кривошеина осенью 1910 г. в Сибирь, где банк рассматривался как «чужое ведомство», неспособное отрешиться от узко финансовой стороны своей кредитной политики. Столыпин решился тогда передать банк ведомству землеустройства.

По словам Коковцова 6), Столыпин добился от Императора Николая II, во время пребывания Коковцова во Франции в октябре 1910 г., обещания передать банк этому ведомству, о чем он уведомил затем министра финансов, и на возражения последнего предложил арбитраж царя. Коковцов отверг этот выход из положения и предложил, в свою очередь, предоставить ведомству землеустройства проведение законопроекта, с тем, что после утверждения его обеими палатами, он подаст в отставку. Эта комбинация понравилась Николаю II, так как она позволяла ему отложить надолго неприятное решение 7).

По словам Коковцова, дело оставалось без движения до весны 1911 г. и Кривошеин сам этого вопроса якобы не поднимал. В действительности, Кривошеин совершенно открыто заявил о желательности передачи банка своему ведомству еще в марте 1910 г., принимая делегацию саратовского земства, жаловавшегося ему на работу банка 8); то же самое сказал он в представленной им в 1910 г. записке о преобразовании этого ведомства в министерство.

После конфликта с Государственным Советом в марте 1911 г. по поводу введения земских учреждений в Западном крае, авторитет Столыпина был в глазах Николая II подорван и Кривошеин, хорошо разбираясь в политической ситуации, пришел к выводу, что рассчитывать на подчинение ему Крестьянского банка нельзя и что финансовое ведомство не согласится, как и в 1910 г., отпустить средства для Сельскохозяйственного банка. Исходя из этого, он стал искать наименее невыгодного компромисса: 6 июня Совет министров под председательством Столыпина одобрил проект преобразования Крестьянского банка в Государственный поземельный банк, подчиненный финансовому ведомству. Этот банк будет выдавать долгосрочные ссуды на сельскохозяйственные улучшения как крестьянам, так и прочим сословиям и кратковременные ссуды учреждениям мелкого кредита (из сумм коими располагали сберегательные кассы); в учреждения выдающие ссуды и в банк будут введены представители ведомства землеустройства с решающим голосом по всем вопросам, кроме чисто финансовых 9). Хотя это ограничение и ослабляло значение компромисса, но он всё-таки не пришелся по вкусу министру финансов: с назначением его премьером, проект был сдан в архив до марта 1913 г., когда он снова был обсужден Советом министров, но дальнейшего движения не получил 10). Вопрос о расширении, в сущности создании сельскохозяйственного кредита мог быть вновь поставлен уже только после увольнения Коковцова.

Конфликт между двумя ведомствами — и между двумя

личностями — живо освещался «Новым Временем» 12 июня 1911 г. («Разрешившийся ведомственный конфликт»), не без прямого влияния Кривошеина. «Сельскохозяйственный конфликт составляет, строго говоря, *pium desiderium* нашей «по преимуществу земледельческой страны». Кое что делается, но, кроме ссуд под залог хлеба, все остальные операции, имеющие характер сельскохозяйственного кредита, выражаются в столь ничтожных размерах, что составляют каплю в море для тех нужд сельского хозяйства, которые могли бы удовлетвориться за счет правильного и организованного кредита (...). Во всяком случае, мечтать о серьезном прогрессе при таких условиях наивно (...). В земледельческую среду вошел новый фактор — реформа землеустройства. Что толку переходить на хутора и отруба, когда земледелец всё равно должен подходить к земле с голыми руками. На хуторах и отрубях, еще ощутительнее нужда в средствах на обзаведение, на оборудование инвентарем... опыт земельной реформы показал однако, что отсутствие оборотных средств ставит иногда недолимые помехи землеустроительному делу. Вполне понятно, что глава ведомства земледелия, на обязанности и ответственности которого лежит попечение как о сельском хозяйстве вообще, так и об успешном ходе земельной реформы, не мог оставаться равнодушным к такому безнадежному положению вещей (...). Отсюда мысль об организации Сельскохозяйственного банка и координации этого банка с Крестьянским, ставшим с 15 ноября 1906 г. гораздо более землеустроительным органом чем банком ипотечного кредита. На что министерство финансов заявило протест против вторжения в область кредита «постороннего ведомства» (...) Министр финансов мог предложить, смело сказать Главноуправляющему землеустройством и земледелием: Вы просите о 15 миллионах для Сельскохозяйственного банка и мечтаете о 50 миллионах облигаций. Извольте!), я найду капитал и облигации в размере 100 миллионов и соберу с сельского хозяйства, с подъема народного благосостояния дань гораздо большую нашей «банкирской провизии», с роста доходов по всем статьям бюджета (...) Итак — по рукам! — К сожалению случилось нечто иное: вместо удовлетворения одной из самых насущных потребностей народного хозяйства, затяжной конфликт, конфликт теперь разрешенный довольно благополучным компромиссом, удачным если найдет воплощение, а не будет похоронен в каких нибудь архивах».

В начале лета 1911 г. Столыпин решил добиться замены Коковцова, хотя его собственный авторитет был тогда поколеблен. Он стал выдвигать на его место, указанного ему

министром торговли Тимашевым и Кривошеиным, большого друга последнего, П.Л. Барка, одного из руководителей Волжско-Камского банка, а ранее помощника управляющего Государственным банком, когда Тимашев был управляющим 12). Для подготовки этой перемены представился удобный случай: после продолжительной болезни, смертельный исход которой можно было предвидеть, 23 июля скончался товарищ министра торговли Миллер. Как Тимашев, так и Кривошеин предупредили Барка, что после кратковременного стажа в министерстве торговли, ему будет поручен портфель финансов. Кривошеин уговаривал Барка покинуть хорошо оплачиваемую (150 000 рублей в год) должность в частном банке для плохо оплачиваемой должности товарища министра (13 000 рублей в год), так как по бюрократическим воззрениям, должность директора частного банка не считалась открывающей путь к министерскому посту; необходим был предварительный чиновный стаж. Назначение состоялось 12 августа 1911 г., во время одного из кратких пребываний Столыпина летом этого года в Петербурге. Смерть Столыпина в Киеве помешала завершению этого плана 13).

Точные обстоятельства назначения Коковцова на место Столыпина мало известны; Коковцов всегда замещал Столыпина когда тот был в отсутствии, но это заместительство по старшинству отнюдь не открывало дорогу к премьерству; уже в марте месяце поговаривали о Кривошеине, да и сам Коковцов признает, что мог быть назначен ктонибудь другой, а не он — даже генерал Сухомлинов; после некоторых колебаний, в последний момент, за четверть часа до своего отъезда из Киева, в атмосфере спешки, когда адъютанты торопили его с отъездом и откладывать решение было больше невозможно, Николай II обратился к Коковцову. Не очень яркая личность министра финансов представляла для государя успокоительный контраст с сильной фигурой убитого премьера и позволяла свести, наконец, эту должность к председательствованию в заседаниях Совета министров, вместо руководства политикой империи.

Коковцов сам понимал, что «прочной, всеобъемлющей власти сейчас в России, никто кроме государя не имеет и иметь не будет» 14).

Если верить донесению французского поверенного в делах Дульсэ, то предварительно этот пост был предложен Кривошеину, который отказался. Несмотря на авторитетность этого источника, эти сведения по меньшей мере неточны. Обстоятельства, связанные с последними часами и кончиной Столыпина, их не подтверждают. Кривошеин находился во время

киевских торжеств в Крыму, в Никитском саду, со своей семьей. По семейным воспоминаниям, он говорил тогда, что не желая премьерства, он надеется, что ему эту должность тогда не предложат, так как при настоящих обстоятельствах, ему неудобно будет от нее отказаться : могли бы подумать, что он отказывается из страха стать жертвой террориста. Из этого можно заключить, что царь ему эту должность не предлагал. Повидимому, именно чтобы избежать этого предложения, он (разъехавшись по дороге с прибывшим в Крым государем) поехал в Киев только на похороны Столыпина 9 сентября во время которых, по ее желанию, он вел под руку вдову убитого премьера 15).

Вначале, положение Коковцова было достаточно прочным, так как Николаю II «дышалось легче» с ним чем со Столыпиным, в чем он откровенно признался новому премьеру в Ливадии вскоре после назначения : последний не ставил себя на первое место, как это якобы делал Столыпин. Коковцову даже удалось помешать назначению на пост министра внутренних дел А.Н. Хвостова 16).

В первые месяцы своего премьерства, Коковцов был в недурных отношениях с Думой. Его бюджетная речь 2 марта 1912 г. была встречена шумными и продолжительными аплодисментами октябристов, националистов и правых, и пресса отметила, что он произнес ее с большим полъемом. Этот успех отчасти объясняется его резкой полемикой с Шингаревым, — отношения между октябристами и кадетами были весьма натянутыми. Что касается его узкой, лишенной воображения, экономически бесплодной финансовой политики, то большинство депутатов находилось тогда под обаянием фетишизма абсолютного равновесия бюджета, даже чрезвычайного, и нарастания свободной наличности : использование производительных бюджетных капиталовложений, покрытых займами, казалось им опасным. Критика слева — А.И. Шингарева, В.А. Маклакова — относилась к росту военных расходов, к общей отсталости народного хозяйства, к положению в университетах и т. д., и была направлена больше против главы правительства, чем против министра финансов 17). Нужно признать, что наиболее обоснованная критика финансовой политики Коковцова исходила от социал-демократа Покровского (« что полезного и хорошего в том, что все ресурсы страны стягиваются в Государственное казначейство, что хорошего в том, что министр финансов колоссально богат, а народ нищ ? ») и крайне-правого Маркова 2-го (огромная свободная наличность « не обращается, ничего не производит, не приносит процентов, остается бесполезным мертвым капиталом (...) надо уси-

лить денежное обращение, нужны кредиты земству и городам, нужны хлебные элеваторы, необходимо усиленное строительство железных дорог... ») 18).

Начиная с 1913 г. положение Коковцова стало шатким; его авторитет поколебался, его характер, его политика создали ему солидную и почти всеобщую непопулярность, охватившую думские круги, как левые так и правые, прессу, экономический мир, придворные сферы, наконец императрицу Александру Феодоровну, из за его отрицательного отношения к Распутину. Но было бы преувеличением считать, как это делает Коковцов, что в нерасположении Распутина кроется начальная причина его отставки: он сохранил власть еще два года после инцидента со старцем, в течение которых государь « продолжал выказывать ему неизменно доверчивое отношение », а в деловой сфере, Коковцов « не видел никакого нерасположения со стороны монарха » 19).

Бюджетная речь 10 мая 1913 г. была уже встречена весьма сдержанно; « шестидневный бой по государственному бюджету выяснил несколько важных эволюций, сложившихся у нас в течение последних двух лет. Обнаружилась всеобщая непопулярность Коковцова », несколько пренебрежительно писало « Новое Время » (16 мая 1913 г.), невзирая на получаемые газетой от финансового ведомства крайне выгодные объявления. Обычно покладистый председатель бюджетной комиссии октябрист М.М. Алексеенко, гордившийся еще в предыдущем году ростом свободной наличности, достигнутым « при участии Государственной Думы », считал теперь, что ее нужно употребить на такие обширные дела, которые затрагивали бы широкие массы населения. Формула перехода, внесенная националистом Демченко, упрекала министра финансов в том, что он слишком мало внимания уделяет развитию сельскохозяйственной промышленности и что развитие путей сообщения происходит « с угрожающей культурному развитию России медленностью »; эта формула только потому не была поддержана октябристами, что они предпочитали высказывать свою критику по каждой статье росписи отдельно. В целом, ответные речи депутатов, от кадета Шингарева до Маркова 2-го включительно, дали редкую картину почти полного единодушия, если не в деталях критики, то в общем тоне неодобрения бездейственной экономической политики Коковцова 20).

К тому же, положение премьера постепенно расшатывалось и внутри кабинета, где он натолкнулся одновременно на оппозицию справа и слева. К первой принадлежали Л.А. Кассо, И.Г. Щегловитов, В.К. Саблер, отчасти С.В. Рухлов и генерал В.А. Сухомлинов; эта оппозиция еще усилилась с назначением

министром внутренних дел Н.А. Маклакова, пользовавшегося совершенно особенным расположением Николая II, который полностью разделял взгляды своего министра. Оппозицию «слева» представлял Кривошеин 21), защищавший и проводивший свою политику установления хороших отношений с земством и Думой, наиболее ярким выражением которой была, произнесенная им 7 июля 1913 г. в Киеве, речь на тему «Мы и они», вызвавшая недовольство Коковцова 22).

Французский дипломат Дульсэ так описывает позицию Кривошеина в конфликте внутри кабинета между «черносоленной группой» и Коковцовым: «не разделяя их взгляды, настоящий националист, тогда как другие были явными реакционерами, г. Кривошеин ничего не предпринимал для того чтобы обескуражить их коалицию, изолируя себя в выжидательной позиции, тем более для него выгодной, что он предоставлял другим работать на него» 23).

Препятствия, чинимые министром финансов постройке железных дорог и каналов, вызывали постоянные конфликты между ним и энергичным, но узким в области политики и не особенно компетентным в области финансирования, министром путей сообщения С.В. Рухловым 24). Но за Рухловым стоял Кривошеин, так как разработка проектов железнодорожного строительства в Сибири и Туркестане была в компетенции и Переселенческого управления, этого «ведомства Азиатской России». Еще летом 1910 г. ведомство одобрило проект сооружения линии Арысь (на Ташкентской дороге) — Верный, будущего Турксиба 25), а 27 апреля 1911 г. Совет министров одобрил, по докладу Кривошеина, принцип постройки Южно-Сибирской магистрали 26). Со своей стороны, ведомство путей сообщения разработало проекты сооружения ряда линий в Европейской России.

Первый серьезный конфликт разразился по поводу Черноморской железной дороги, которая должна была соединить Новороссийск с Батумом вдоль побережья. Конфликт этот был показателен, так как он освещает позицию Коковцова в вопросе расширения железнодорожной сети. С одной стороны, он из бережливости противился постройке дорог на средства казны и в то же время тормозил заключение частными предпринимателями необходимых займов за границей.

В вопросе Черноморской дороги, Рухлов, Кривошеин, Тимашев, Щегловитов и Харитонов были сторонниками ее постройки на казенные средства (28 февраля 1912 г.). Коковцов, противясь ассигнованию казенных сумм, привлек на свою сторону Сухомлинова и Григоровича, возражавших на том основании, что в случае войны, дорога могла быть разрушена

турецким флотом; к ним присоединились Кассо и Саблер (9 марта 1912 г.) В конечном счете, арбитражем царя (16 марта) решено было поручить постройку частному обществу — выход по меньшей степени нелогичный, если основываться на стратегических соображениях 27).

Описывая свое незавидное положение в кабинете, Коковцов говорит, что в железнодорожном вопросе Кривошеин, Щегловитов и в особенности Рухлов имели свою теорию бумажного денежного обращения, «убежденно считая меня вредным охранителем денежного обращения и осторожного выпуска кредитных билетов», что касается Тимашева, министра торговли и Харитоновна, государственного контролера, то они якобы «прекрасно понимали», но не захотели выступить на защиту его точки зрения 28). Предположение, что Кривошеин мог допускать финансирование строительства путем инфляции, не выдерживает критики. Он был не в меньшей мере чем Коковцов сторонником участия частного капитала, в том числе и иностранного, в этом деле, но считал, что и казна должна сделать определенное усилие, в особенности там, где линии обещают быть доходными. Тем не менее, чтобы преодолеть инерцию ведомства финансов, он стал защищать политику концессий частным предпринимателям, но и тут Коковцов тормозил выпуск займов за границей, утверждая, не без основания, что выпуск займов отдельными, часто мелкими обществами мог отрицательно отразиться на государственном кредите. Но если эта система была действительно неудовлетворительной, то более полутора лет было потеряно, пока под давлением Кривошеина, Рухлова и Думы, Коковцов не предложил наконец свою собственную, весьма рациональную схему единого унификационного железнодорожного займа 29). Казна давала займу свою гарантию и распределяла потом фонды среди концессионеров. Характерно, что эта несомненно удачная система была немедленно одобрена Кривошеиным, как вполне отвечавшая его взглядам: Коковцов ознакомил его с этой схемой в частной беседе.

Унификационный заем был заключен в Париже 15 января 1914 г., за две недели до отставки Коковцова, на сумму в 1250 миллионов рублей, реализуемую в пятилетний срок, притом на 1914 г. приходилось 665 миллионов франков, т. е. более 250 миллионов рублей 30). Заключение займа было облегчено тем, что оно позволяло русскому правительству уделить более крупные суммы на постройку казной стратегических линий, на чем настаивала Франция.

Строительство гидротехнических сооружений, предназначенных для орошения засушливых районов, входило в компе-

тенцию ведомства земледелия, разработавшего начиная с 1910 г. оросительную программу туркестанских и закавказских степей, к которой был присоединен обширный мелиоративный пятелитный план, основанный на использовании « романовского фонда » в 150 миллионов рублей, ассигнованного в 1913 г. Государственной Думой. План предусматривал, помимо ряда мелиоративных работ в Европейской России, создание « Нового Туркестана », — орошенной с участием частного капитала площади в 4 миллиона десятин, предназначенной для культуры хлопка 31). Финансирование этой программы постоянно встречало сопротивление со стороны ведомства финансов, но достаточно прочесть записку Кривошеина лета 1913 г. о плане освоения Закавказья, предвидевшем, помимо крупных оросительных работ, постройку дорого стоящей железной дороги сквозь Кавказский хребет, чтобы стало ясно, что министр земледелия мог тогда проводить свою политику вопреки министерству финансов 32).

Хотя финансовая политика Коковцова не отвечала правильно понятым интересам страны и недостаточно стимулировала запоздалое развитие народного хозяйства, справедливость требует признать, что и при его чрезмерной бережливости было вложено немало капиталов и труда, и что ходячая фраза « Коковцов не дает денег » нередко бывала преувеличением. Несправедливы обвинения его в урезывании бюджета обороны, так как ассигнованные на нее суммы часто оставались неиспользованными военным ведомством. А между тем, это обвинение встречается в письме императрицы Александры Феодоровны государю от 10 декабря 1916 г. (« почему Сухомлинов должен пострадать, а не Коковцов, который не хотел давать денег »).

Одним из поводов трений между Коковцовым и Кривошеиным был вопрос возобновления русско-германского торгового договора 1904 г., исключительно невыгодного для русского народного хозяйства. Кривошеин считал, что одна бюрократия не в состоянии добиться улучшения договора, если она не будет опираться на твердо выраженное мнение заинтересованных общественных и экономических кругов, тем более, что в таких именно условиях мобилизации своего общественного мнения подготовлялось к переговорам германское правительство. Для Коковцова, такое привлечение общественности к делам управления было предосудительным и опасным — его горизонт оставался чисто бюрократическим 33).

Разногласия внутри кабинета, падение авторитета премьера при дворе и в Думе, привели к политическому бессилию

правительства, иначе говоря, к установлению политики полной неподвижности.

Характерен конфликт, вызванный осенью 1913 г. докладом Н.А. Маклакова о назначении Б.В. Штюрмера, помимо Совета министров, московским городским головой, из за неутверждения выборного кандидата. В этом вопросе Коковцов, подробно описывающий этот конфликт³⁴⁾ и колебания Николая II, стал поборником единой политики объединенного правительства, в том смысле как это было установлено в первоначальном проекте положения о Совете министров осенью 1905 г. Только тогда это объединение правительственной политики защищалось Витте и запиской Кривошеина от 6 августа 1905 г., тогда как Коковцов старался всячески ослабить, на созванном *ad hoc* Особом совещании графа Сольского, права председателя кабинета, что, на горе ему и России, удалось.

Политика неподвижности в области финансов выражалась также в том, что давно намеченные налоговые реформы оставались без движения, в частности подоходный налог, первая версия проекта которого была разработана еще в бытность Коковцова министром финансов в начале 1905 г.

В этом процессе растущей изоляции Коковцова интересен эпизод критического отношения к его политике графа Витте, который произвел большое впечатление своими выступлениями в Государственном Совете по поводу закона о трезвости. Коковцов упомянул о резких выпадах Витте против деятельности винной монополии в январе 1914 г., ничего не говоря о его нападках в январе-феврале 1913 г. в комиссии Государственного Совета, менее резких по тону, но по содержанию от них мало чем отличавшихся («нельзя оставлять страну в нынешнем положении, при всё более и более развивающемся пьянстве. С 1903 г. (т. е. с его отставки) никаких новых мер по борьбе с пьянством не предпринималось, а меры принятые раньше правительством не развивались сообразно с прогрессирующим пьянством») ³⁵⁾. Витте утверждал, что целью установленной им монополии была регламентация пьянства, а не его поощрение. Само собой, он преследовал в этом вопросе личные цели: зная отрицательное отношение царя к злоупотреблениям винной монополии, он надеялся вернуть себе его доверие таким путем; преувеличивая влияние Распутина, он рассчитывал и на его поддержку ³⁶⁾. Его расчеты не оправдались, но государь дал ему повод надеяться на это: 14 апреля 1913 г., на Пасху, вскоре после критического выступления Витте в комиссии Государственного Совета, ему был пожалован орден Св. Владимира 1-ой степени, «по Государствен-

ной канцелярии», где Витте никогда не служил (но Государственная канцелярия была канцелярией Государственного Совета). Так как это высокое отличие (самое высокое после Св. Андрея Первозванного) совпало с пятидесятилетием департамента неокладных сборов, в ведении которого состояла винная монополия, то было неясно, было ли оно пожаловано учредителю монополии или критику ее уродливой эволюции; если второе объяснение правильно, то этому царскому жесту было присуще скрытое порицание находящегося у власти главы правительства.

Одновременно с падением авторитета Коковцова, влияние Кривошеина на государя и на общество продолжало расти. Относительно общества, достаточно вспомнить впечатление оставленное речью Кривошеина 7 июля 1913 г. в Киеве, на тему «Мы и они», в которой он утверждал, что Россия достигнет благоденствия, только если не будет разделения на «Мы и они», т. е. на правительство и общество. Вопрос замены Коковцова и глубокой перемены фниансовой политики стал на очереди 37). Осенью 1913 г. Кривошеин, вернувшись из Крыма, где он побывал с докладом у государя в Ливадии, сказал П.Л. Барку, что он имел там продолжительную беседу о необходимости реформы русской финансовой системы 38). Государь предложил ему не только портфель финансов, как это пишет Барк, но и пост председателя Совета министров. Кривошеин отказался от портфеля финансов, ответив, что он желал бы продолжать работу в своем ведомстве, пояснив, что еще Столыпин имел в виду П.Л. Барка для замены им Коковцова и что, по его, Кривошеина, мнению, Барк является лучшим кандидатом на эту должность. Что касается до председательства кабинета, то Кривошеин, несмотря на то, что оно было бы завершением его блистательной карьеры, отказался от этого поста по причинам коренившимся в его оценке царского характера. Он посоветовал назначить И.Л. Горемыкина, вполне приемлемого для Николая II и с которым он сам был в очень хороших отношениях; назначая Горемыкина, царь предоставил Кривошеину быть «фактическим премьером», как это он не раз определял впоследствии 39). Кривошеин мотивировал свой отказ болезнью сердца, которую обыкновенно считали грудной жабой, но бывшей, в действительности, острой, но не особенно опасной формой расширения сердечной сумки (перикардитом), вероятным последствием пережитых волнений в связи с неминуемыми переменами, которые должны были осуществиться по его инициативе. Эта болезнь заставила отложить разрешение кризиса почти на три месяца 40).

Принявшая в конце декабря более острый характер болезнь Кривошеина произвела сенсацию, так как от ее исхода зависело не только направление политики, но и карьера многих. Оба наших домашних телефона на Сергиевской 36 не прекращали работать, и пишущему эти строки то и дело приходилось отвечать на вопросы о состоянии здоровья отца. Как-то раз, телефонная станция оповестила, что «с вами будут говорить из Царского Села», и вскоре состоявшая при особе императрицы фрейлина осведомилась по поручению государыни о его здоровье. Интерес императрицы Александры Феодоровны к состоянию здоровья «ее друга Кривошеина» проявлялся таким путем ежедневно.

Нельзя обойти молчанием роль князя В.П. Мещерского в отставке Коковцова, не преувеличивая ее удельный вес, как это со свойственным ему хвастовством делал Мещерский, незадолго до того, весной 1913 г., снова получивший царское расположение и дружбу, после девятилетнего частичного отдаления 41). Преувеличивал эту роль и Коковцов, ставя Мещерского на первое место виновников своей отставки 42). Необходимо уяснить отношения между Кривошеиным и Мещерским на основании опубликованных писем последнего министру. До весны 1913 г., когда «старая дружба» между царем и Мещерским «вернулась окончательно», они были основаны на низкопоклонном попрошайничестве и грубой лести князя к облеченному влиянием и властью разночинцу-министру 43). Во второй половине 1913 г. положение изменилось, и сиятельный журналист мог уже вредить не только инсинуациями «Гражданина», но и личными контактами с государем. Вначале благоприятствовавший Коковцову, он рассорился с ним оттого, что со свойственной ему щепетильностью в области финансов, Коковцов отказался утвердить председателем биржевого комитета И.П. Мануса, сомнительного дельца и биржевого советника Мещерского. Кривошеин уже давно предпочел нейтрализовать последнего («Снять его злобу со своей дороги», как выражался Столыпин в 1909 г., собираясь давать субсидию Мещерскому), выполнением его мелких просьб, когда кредит Мещерского у государя был невысок. Кривошеин понимал, что теории развиваемые им в «Гражданине», абсолютно отвечавшие воззрениям императора Николая II на природу его власти, вернут князю некогда поколебленное царское благоволение, что и случилось после романовских торжеств. Мещерский оказался козырем в игре Кривошеина. Использование Мещерского для проведения политики, основанной, в конечном счете, на сотрудничестве с Думой и общественностью, было одним из парадоксов полити-

ческого положения в 1913-1914 г. Он вытекал из отношения императора Николая II к его отказу, «против велений своей совести», от неограниченности своей власти, при утверждении основных законов, в апреле 1906 г. Кривошеин пытался удерживать государя на линии думской монархии и данных манифестов, убеждая его, что другого пути нет (для самодержавной власти, говорил он откровенно царю, «нужно чтобы во главе стал монарх с характером и силой воли Вашего прадеда Николая Павловича. А если этого нет» — и государь это сам сознавал, — «то единственный путь, это конституционная монархия в духе данных уже манифестов и правление в согласии с Думой и общественностью»). Зная привязанность царя к принципу самодержавия, Кривошеин считал, что использование лично обязанного ему Меццерского позволит обезвредить его влияние. Это была рискованная и, в конечном счете, проигрышная игра.

Николай II расстался с Коковцовым прежде всего по собственному убеждению. Если кто и оказал на него влияние, так это Кривошеин, потому что поставленная последним цель: перемена финансовой политики и сокращение роли питейных доходов отвечала сложившемуся тогда внутреннему убеждению государя. Больше того, назойливые напоминания Меццерского о желательности увольнения Коковцова только вызывали раздражение, как явствует из царского письма князю от 8 сентября 1913 г. из Ливадии: «На твою просьбу относительно решения участи К., повторяю, что я всегда занят этой мыслью и надеюсь быть в состоянии привести ее к решению, но давать своего рода обязательство в том, что я непременно исполню ее, я не могу» 44).

Нападки Витте на «питейную политику» Коковцова достигли кульминации на заседании Государственного Совета 10 января 1914 г. «Большой парламентский день. Можно сказать исторический день. Целое десятилетие деятельности В.Н. Коковцова на поприще министерства финансов заслужило сегодня осуждение со стороны графа С.Ю. Витте» 45). Трибуны верхней палаты были переполнены представителями высшего света.

В своей исключительно блестящей и едкой речи, Витте доказывал, что питейная реформа дала отрицательные результаты, так как вместо сокращения пьянства, на первый план выступило выкачивание посредством монополии денег в казну. С 1904 г. доходы монополии возросли на 500 миллионов рублей в год, тогда как весь бюджет министерства народного просвещения равняется 160 миллионам рублей — менее трети этого роста. Нельзя ожидать уменьшения пьянства увеличе-

нием культурности, раз общая сумма государственных и земских расходов на просвещение достигает 300 миллионов рублей в год, т. е. менее трети той суммы (936 миллионов рублей), которую русский народ пропивает в пользу казны!

Установив эту действительно «умопомрачающую» пропорцию, и указав, что против этого не было предпринято «ровнехонько ничего», Витте предлагал, для борьбы с «Мефистофелем бюджетных доходов», зафиксировать питейные доходы в 700 миллионов рублей, используя весь излишек на борьбу с пьянством мерами культурного характера, а если ослабление «Мефистофеля» вызовет уменьшение доходов, покрывать его нормальными средствами, налогами и займами 46). Для этого нужно прежде всего вырвать из недр Таврического дворца находящиеся там уже восемь лет законопроекты о новых налогах, и первым делом о подоходном налоге.

Витте упрекали довольно основательно в том, что его критика могла быть отнесена и к его управлению российскими финансами, но это не мешало ей подрывать авторитет Коковцова в глазах общественного мнения. Однако, Коковцов и в эту минуту, когда правильность его финансовой системы оспаривалась повсеместно, оставался верен своему формализму. Он задержал одобрение Советом министров внесенного Кривошеиным пятилетнего плана земельных улучшений (главным образом оросительных и осушительных работ), предусматривавшего расходование за этот срок (1915-1919 гг.) 150-миллионного романовского фонда уже одобренного в принципе Думой: по мнению финансового ведомства, фиксация такой суммы на столь продолжительный срок противоречила бюджетным правилам и вопрос оставался неразрешенным до отставки Коковцова 47).

Наконец, 26 января 1914 г., П.Л. Барк был вызван в Царское Село 48), где, будучи принят в течение 50 минут царем, он изложил ему свои взгляды на желательные перемены финансовой системы. «Нельзя строить благополучие казны на продаже водки». Он предложил ввести подоходный налог и принять все меры для сокращения потребления водки. В беседе были также затронуты темы постройки железных дорог, портов и т. д. «Я решил предложить вам портфель финансов с тем, чтобы вы изменили нашу финансовую систему», сказал ему на прощание государь, прося его об этом никому не говорить. 28 января Кривошеин, тщательно подготовивший весь сценарий перемены правительства, уехал на два месяца отдыхать в Италию, в санаторию доктора Остера, известного немецкого кардиолога, в Оспедалетти, на Ривьере 49). До отъезда, он пришел проститься с Коковцовым и в

слегка шутливой форме намекнул ему, что, быть может, вернувшись, если болезнь его пощадит, в чем он не был уверен, он найдет его носителем высокого титула. 29 января *) Коковцов узнал из письма государя о своем увольнении, а также о своем возведении в графское достоинство, происшедшем в довольно драматических условиях. Как на это указывает сам Коковцов, этот титул был исхлопотан Кривошеиным в надежде смягчить уволенному премьеру горечь увольнения. Однако, за несколько часов до своего отъезда в Италию, Кривошеин был извещен одним дружественным лицом из царского окружения, что царь в последнюю минуту передумал и решил не давать Коковцову титула о котором тот давно мечтал. Хотя обращение к государю по телефону было фактом исключительным даже для министра — Сазонов обратился к нему таким путем впервые в день австрийского ультиматума Сербии 50), — но Кривошеин, пользуясь своей тогдашней близостью к монарху, позвонил ему; «Ваше величество, так и прислугу не увольняют», сказал он с большой твердостью и графский титул был дан уволенному премьеру, прозванному из за этого «графом по телефону».

30 января статс-секретарь И.Л. Горемыкин был назначен председателем Совета министров, а П.Л. Барк — управляющим министерством финансов. Обнародованный на имя Барка рескрипт, написанный Кривошеиным на его квартире, на Сергиевской 36 в присутствии Горемыкина, излагал основные директивы новой финансовой и экономической политики. Они отвечали взглядам Кривошеина, высказанным им Николаю II в Крыму, осенью 1913 г. Рескрипт, в торжественной форме, намечал глубокие перемены в финансовой и экономической политике страны. («Я пришел к твердому убеждению, что на мне лежит перед Богом и Россией обязанность ввести безотлагательно в заведывание государственными финансами и экономическими задачами страны коренные преобразования»). Предусматривалась постепенная замена питьевых доходов подходящим налогом и увеличением промыслового налога и доходами от интенсивного освоения природных богатств («нельзя ставить в зависимость благосостояние казны от разорения духовных и хозяйственных сил множества моих верноподданных, и потому необходимо направить финансовую политику к изысканию государственных доходов, добываемых от неисчислимых естественных богатств страны и от народного производительного труда, при соблюдении разумной бережли-

*) В своем «Показании» («Вопросы Истории», апрель 1964 г., стр. 109), Коковцов указывает 28 января.

вости, постоянно соединяя заботы об увеличении производительных сил государства с заботой об удовлетворении народных нужд», что, в частности, подразумевало политику усиленных капиталовложений в народное хозяйство). Кроме того, указывалось, что народный (т. е. крестьянский) труд подчас был лишен « в тяжелую минуту нужды денежной поддержки путем правильно поставленного и доступного кредита » 51).

Рескрипт произвел большое впечатление. « Возвещалась новая эра », пишет Барк. Вернее, « новый курс ». Рескрипт выражал волю верховной власти сменить политику экономической неподвижности, политикой экономического развития и прогресса. « Новому курсу » была придана широкая гласность и он был комментирован печатью. « Охрана бюджетного равновесия », заявил Барк при вступлении в должность 6 февраля, « не должна препятствовать допущению хотя бы и крупных, но производительных затрат, так как эти затраты сторицей вернутся в государственную казну » 52). В том же духе высказался председатель бюджетной комиссии Думы октябрист М.М. Алексеенко: « из сопоставления обоих рескриптов можно усмотреть, что политика осторожности, бережения и накопления без производительности их назначения признается недостаточной; наряду с этим находим осуждение системы, которая наполняет государственное казначейство ценою разорения духовного и хозяйственного всего народа. С другой стороны ставится крупная положительная задача — составить финансовую систему на началах развития производительных сил » 53).

Вскоре после этого министр финансов дополнил свои первые выступления, в частности в области кредита. Дело в том, что назначение Барка связывалось в некоторых банковских кругах со столыпинскими проектами « национализации » кредита, т. е. его « руссификации ». Это вызвало известное беспокойство в некоторых органах прессы, как например « Петербургский Курьер », о котором утверждали, что он был « связан с еврейскими кругами ». Ответом на это было официальное сообщение министра финансов под названием: « Финансовое преобразование ». Министр финансов будет придерживаться развития кредита и менее национализации, чем демократизации его; первым делом это относится к кредиту хуторскому и отрубному, затем мелкому промышленному, но также и крупному 54).

В то же время, в исполнение рескрипта, железнодорожное строительство, казенное и частное, развитие шоссейных и водных путей, улучшение портов и целый ряд других предприятий будут проводиться как новым министром, так и дру-

гими министрами, деятельность которых тесно связана с финансовыми преобразованиями. Это разъяснение следовало за разъяснениями Барка в бюджетной комиссии Думы о том, что вопреки развитой в этой области кампании, часть золотого запаса будет продолжать храниться за границей, в том числе и в Германии. Этим подчеркивалась примирительная к этой стране политика. В области кредита будет расширено дело мелкого кредита и наиболее рационально использованы средства Государственного банка для поддержки кредитом производительных сил страны 55).

Согласно с проводимой Кривошеиным политикой сотрудничества с Думой, председатель бюджетной комиссии М.М. Алексеенко был назначен членом Комитета финансов («Высшего совещательного учреждения по делам государственного кредита», председателем которого был Витте), вместе с членом Государственного Совета, бывшим министром земледелия А.П. Никольским; одновременно с ними в Комитет вошли Кривошеин и Рухлов 56).

В начале марта Совет министров одобрил задержанный Коковцовым за несколько дней до его отставки, по чисто формальным причинам, пятилетний план земельных улучшений на общую сумму 150 миллионов рублей. Эта «пятилетка» предусматривала реализацию осушения 625 тысяч десятин, закрепления песков и оврагов на площади 650 тысяч десятин, орошения и оводнения, только казной, 420 тысяч десятин, а также составление проектов орошения с участием частного капитала 4 миллионов десятин в Средней Азии («Новый Туркестан») 57).

В плане политики, уход Коковцова был встречен без сожаления. «Об уходе Коковцова никто не сожалеет, напротив, перемена приветствуется как новый этап, как шаг сменяющий топтание на месте», писала кадетская «Речь». Для органа оппозиционной части московского купечества «Утро России», Коковцов всегда обходил интересы Москвы, а «Голос Москвы» А.И. Гучкова утверждал, что «тщетно зывали к нему в Государственной Думе: «Дайте нам хорошую политику и мы дадим вам хорошие финансы»; г. Коковцов с приятной улыбкой брал «хорошие финансы», копил «свободную наличность», но не давал никакой политики, ни хорошей, ни плохой». «Новое Время», отзываясь скорее нейтрально-корректно об ушедшем премьере, подчеркивало его полную изоляцию в правительстве, главой которого он состоял.

Роспись государственных доходов и расходов на 1914-1915 гг., внесенная Барком в апреле 1914 г. в Думу, была еще целиком составлена Коковцовым и не отражала «Нового кур-

са». Зато объяснительная записка к ней и в особенности бюджетная речь нового министра финансов 22 апреля в Думе дают частичное представление о мероприятиях связанных с «Новым курсом», намеченным рескриптом, перечисляя те из них, спешность которых не терпела отсрочки. В то же время, ощущалось желание успокоить тех, кого могло потревожить появление дефицита в государственном бюджете 58).

По словам Барка, новая политика исходила из уверенности в том, что сокращение потребления водки произойдет лишь медленно и постепенно, и только при добровольном участии всего населения — не было и речи о введении трезвости росчерком пера 59). «Меня не страшит призрак пустой казны, которая будто бы лишится верного дохода в случае укрепления в народе трезвости. (...) Меры нужно принимать, но в сознании, что польза скажется не годами, а десятилетиями (...). И вот почему я опасаясь не уменьшения питейных доходов в ближайшее время (...), а опасаясь обратного, что несмотря на новые законы и всю нашу энергию, питейные доходы в ближайшие годы будут стихийно возрастать или, в лучшем случае, не падать». Если же доходы сократятся, то у народа появятся сбережения, которые пойдут на производительные затраты, на улучшение землепользования, на улучшение земельной культуры или в сберегательные кассы; в таком случае «они увеличат тот общий резервуар народных средств, который способствует размещению производительных займов, а вместе с тем служит источником для увеличения средств кооперативных учреждений мелкого кредита, финансирующих народный труд (...). Теперь же нам не столько нужно думать о новых налогах, сколько об использовании неисчислимых естественных богатств нашей родины, которые только ожидают приложения труда и капитала».

Если же сравнительно скоро сократились бы питейные доходы «и очень скоро была бы достигнута та цель, к которой мы стремимся», то в Государственной Думе находятся законопроекты о подоходном налоге, о повышении наследственных пошлин, гербовом сборе и так далее, которые по осторожному подсчету дадут 75 миллионов рублей; наряду с этим можно вывести из бюджета ассигнования на постройку железных дорог и реализовать капиталы необходимые для этого путем займов 60).

Если в области торговли и промышленности, Государственный банк и частные кредитные учреждения шли широко навстречу новым возникшим потребностям, то «наши сельскохозяйственные интересы далеко не обслуживались в достаточной мере». В первую очередь нужно поставить вопрос

о создании особого банковского учреждения, которое придет на помощь сельскохозяйственной России (...). Вопрос о постройке элеваторов тянется несколько десятков лет и встречал на своем пути самые разнообразные препятствия (...). Государственному банку разрешено строить 84 зернохранилища вместимостью 58,8 миллионов пудов, но банк не был в силах осуществить эту сеть один и вопрос теперь решен в среде правительства: в марте, Совет министров постановил образовать особый комитет в видах планомерной постройки целой сети зернохранилищ, которые будут строиться Государственным банком и казной.

Признано своевременным пересмотреть устав Государственного банка, расширить эмиссионное право, привлечь в состав совета банка общественные элементы и даровать банку автономию в его работе.

Заканчивается разработка плана постройки новых железных дорог, на который потребуется более 2,8 миллиарда рублей в течение ближайших лет, т. е. более чем вдвое суммы заключенного в Париже займа.

Будет расширена поддержка мелкого кредита. К 1 апреля 1914 г. общая сумма вкладов и процентных бумаг в сберегательных кассах превышала 2 миллиарда рублей, не считая собственных средств и средств местных кредитных учреждений достигавших 679 миллионов рублей, что вместе составляло около 3 миллиардов рублей.

Чтобы осветить проводимую им политику, министр финансов заявил, что сейчас в России 8500 сберегательных касс и 25300 винных лавок, а его цель достигнуть обратной пропорции: 25300 сберегательных касс и 8500 винных лавок.

Необходимо отметить масштабы железнодорожного строительства предусмотренного в бюджетной речи и быструю подготовку реализации предположений в этой области. Пятилетний план был разработан уже к 1 мая 1914 г., притом, оказывается, это был вообще первый систематический план такого рода («Новое Время», 1 мая 1914 г.). Эта «пятилетка» (1915-1919 гг.) предусматривала постройку 31 488 верст железных дорог и усиление существующих на общую сумму 2963 миллиона рублей, притом 9463 версты казной и 22 025 верст на частные средства. Это означало увеличение существующей сети на почти 50 %. Линия Владикавказ-Тифлис через Кавказский хребет должна была быть закончена только в 1922 г. Среди многочисленных линий можно отметить Южно-Сибирскую магистраль, Турксиб, Магнитогорскую линию, линию Верхнеудинск-Кяхта и, в Европейской России, Петербург-Рыбинск и Петербург-Орел.

«Новый курс» взятый правительством в финансовой области по почину Кривошеина произвел большое впечатление и критики слева настаивали, главным образом, на несоответствии положенного в основу этого курса сотрудничества с общественностью и реакционной, «антиобщественной» политикой правительства в других областях, в сущности политикой Н.А. Маклакова, Л.А. Кассо и И.Г. Щегловитова. С другой стороны, «Новое Время» (25 апреля 1914 г.) считало, что «краеугольным камнем всей новой системы ясно и категорично признается развитие производительных сил страны, более интенсивной эксплуатации естественных богатств (...) эти мысли были чужды нашему старому финансовому и экономическому курсу (...). Все помнят, что осуществление этой мысли помимо финансового ведомства вызвало со стороны последнего энергичное сопротивление, а реформа Государственного банка и создание Сельскохозяйственного банка такой отпор (...) что главноуправляющий землеустройством и земледелием должен был уступить (...) и эти проекты покоились в архиве до конца старого курса». А в заключение: «отношение нового курса к общественному элементу поразило неожиданностью...».

Нет сомнения, что обозначение термином «Новый курс» осторожно сформулированной экономической и финансовой программы правительства не было преувеличением. Намечались первые мероприятия глубокого сдвига в сторону оживления и развития хозяйства России и открывались перспективы, поднятием уровня земледелия, восстановить равновесие между основными отраслями народного хозяйства. В поисках этого динамического равновесия, «Новый курс» выгодно отличался от многих планов экономического прогресса, реализованных впоследствии многими развивающимися странами Старого и Нового Света, где промышленность искусственно насаждалась за счет земледелия, со всеми вытекающими из этого социальными последствиями.

Всё это указывает на то, что 1914 год мог бы быть началом нового скачка в росте народного хозяйства. «Новый курс» совпадал с началом осуществления целого ряда мероприятий и завершением целого ряда процессов, плоды которых созрели бы в ближайшие годы и автоматически сменили бы уже быстрый ритм экономического роста еще более бурным.

Для этого, в условиях общего промышленного подъема, имелись налицо все необходимые предпосылки. В течение начинавшейся тогда «пятилетки» были бы построены и Южно-Сибирская магистраль и «Турксиб» и ряд линий в Европейской России отнюдь не стратегического значения;

развитие азиатской сети сопровождалось первыми реальными мероприятиями для создания там крупных промышленных центров; площадь орошенных хлопководческих районов обеспечила бы полную независимость текстильной промышленности от иностранного импорта и улучшила бы положительное сальдо торгового баланса, сильно сократившееся из-за роста импорта — результат роста материального благосостояния русского народа. Заработали бы Днепрострой и Волховстрой, первый пусть и реализованный в более скромных размерах чем было его осуществление при советской власти 61).

Но главное, поворот в земельной реформе, в силу которого, в особенности начиная с 1911 г., часто формальное укрепление наделов в «аршинной» чересполосице уступало рациональному разверстанию надельной земли, стал бы давать результаты, отвечающие масштабам задания. Ведь около 6 миллионов крестьян-домохозяев (от 35 до 40 миллионов душ) потребовали к 1914 г., согласно с законом 29 мая 1911 г., этого разверстания, будь то в единоличную собственность, будь то при сохранении общинного строя, там где он был еще живуч. О том, что означало для русского земледелия завершение землеустроительных работ не только для этих шести миллионов хозяев, но и для всех тех, которые были бы неизбежно вовлечены в этот процесс, можно судить по тому, что было сказано о немецком земледелии: аналогичные землеустроительные работы подняли его за 50 лет более, чем всё то, что было сделано за предшествовавшие 1000 лет. Только темп осуществления этих работ в России был несравненно более быстрым 62).

Остается ответить на вопрос: почему Кривошеин, пользовавшийся в 1914 г. полным расположением Николая II и даже императрицы, и популярностью в Думе и в земстве, отказался от предложенного ему поста главы кабинета, несмотря на то, что его финансовая программа была целиком одобрена? На это он ответил своему сотруднику И.И. Тхоржевскому 63): «Называться премьером и не быть им на самом деле, для этого нужно либо старческое безразличие ко всему, либо особая жажда власти, а настоящей власти никому после Столыпина не давали и не дадут. Я предпочитаю быть полезным на моем собственном месте». Но если Кривошеин ответил так, по словам Тхоржевского, отрывисто и неохотно, то за него очень удачно, хотя и недоброжелательно и односторонне, ответил граф Коковцов: «Брать на себя полную ответственность за общее направление дел Кривошеин не хотел. Он хорошо понимал, и пожалуй даже лучше чем кто либо оценивал, что в России первому министру опереться

не на кого. Его жалуют только пока человек не выдвигается слишком определенно в общественном мнении и не играет роль действительного правителя; а стоит этому человеку приобрести решающее влияние на дела, как наступает для него пора чреватая всякими неожиданностями ».

Охарактеризовав Кривошеина как человека далеко незаурядного, умного, крайне самолюбивого, вкрадчивого в своей форме, проявившего много деловой энергии и отлично умевшего выбирать для своего окружения способных людей, Кокцов, говоря об его искании всеобщей популярности, заключает: «Ему нужно было стоять на обоих берегах, быть правым в одном месте, умеренно левым с другими, говорить везде и всегда то, что было приятно слушать (...). Такому человеку невыгодно было принимать на себя открыто ответственную роль (...) и гораздо приятнее было подготовить такую комбинацию, при которой он оставался юридически в тени, а сам за кулисами сосредотачивал бы в себе полноту фактической власти, отлично понимая, что весь успех будет приписан ему, а всякую неудачу можно будет отстранить от себя » 64).

Нужно всё же добавить к этому, что на полноту фактической власти, даже закулисной, Кривошеин рассчитывать не мог, хотя бы из за совсем особого положения в кабинете Н.А. Маклакова, царского единомышленника и друга, борьбу с реакционной политикой которого ему пришлось вести до июня 1915 г., когда, используя военные неудачи, ему удалось добиться отставки министра внутренних дел. Повидимому, когда осенью 1913 г. ему предлагали власть, Кривошеин осторожно позондировал у царя почву о возможности получить через голову этого министра особые полномочия, но не получил удовлетворявшего его ответа 65).

Но кроме этих главных причин отказа, у Кривошеина была и другая. Она имела, как он сам признавал впоследствии, «дон-кихотский характер». Он был одним из главных виновников отставки Кокцова и для его самолюбия было неприятно, чтобы говорили, что он его спихнул, чтобы занять его место. Он предполагал, что «вынутый из нафталина» Горемыкин не будет старчески цепляться за власть, если бы события поставили его, Кривошеина, в необходимость добиваться и официальной полноты власти. Это предположение не оправдалось и последствия сделанной ошибки сказались летом 1915 г., когда проводимая Кривошеиным политика общественного доверия столкнулась с политикой игнорирования общественности, олицетворенной Горемыкиным, отсюда и письмо министров 21 августа 1915 г.

«Кривошеин не чувствовал себя вождем — писал о нем И.И. Тхоржевский 66), — ему нехватало ораторского дарования, огня, внешней властности, всего того, что было в таком избытке у Столыпина, уступавшего зато Кривошеину в уме, широте, гибкости... Он не чувствовал ни в себе самом и ни в ком другом после Столыпина достаточно силы, чтобы преодолеть опасную отчужденность трона...».

В сфере деятельности своего ведомства, а также и в области общей экономической политики, он проявил, как показывает избранный им «Новый курс», то настоящее дерзновение, которого требовали обстоятельства. Зато в вопросе премьерства, его чрезмерная осторожность показала, что у него отсутствовал дар дерзновения политического, качества являющегося основным условием успеха всякого крупного государственного деятеля.

В своем отказе от премьерства, он следовал своей обычной, испытанной тактике: избегать занимать первое место, чтобы не быть объектом людской зависти, сохраняя преимущества власти. В данной случае, эта, до того благоприятная для его карьеры карта оказалась битой и притом не для него одного.

К. А. Кривошеин

ПРИМЕЧАНИЯ

1) В.И. Ленин, «Полное собрание сочинений», т. 16, стр. 415.

2) С.М. Дубровский, «Столыпинская земельная реформа», Москва, 1965 г., стр. 126, на основании документов Ц.Г.И.А.Л. В.Н. Коковцов, «Из моего прошлого», Париж, 1933 г., т. 1, стр. 226; у него здесь нехватка памяти совершенно необыденного размера: автор забыл, что Кривошеин был его товарищем министра между 6 октября и 21 мая 1908 г. и управляющим поземельными банками. Забывая, что во главе ведомства землеустройства стоял тогда князь Васильчиков, Коковцов считал, что Кривошеин возглавлял это ведомство уже с июля 1906 г.

Коковцов мотивировал свой отказ давать ссуды возможным утверждением Думой указа 9 ноября 1906 г.

3) «Новое Время», 11 мая 1910 г. Проект предвидел контроль участковыми землемерами правильности использования ссуд крестьянами.

4) Коковцов, хотя и сорвал проект, но постарался смягчить остроту конфликта, принявшего личный характер. Несколько дней спустя, на праздновании 25-летия Дворянского банка, он предложил первый тост, после обычного «за государя императора», за А.В. Кривошеина, в течение двух лет бывшего управляющим этого банка и продолжающего интересоваться его судьбой, на что, естественно, Кривошеин провозгласил ответный тост за В.Н. Коковцова.

5) «Documents diplomatiques français», 3e série, vol. 9, № 453.

6) Ук. соч., т. 1, стр. 429.

7) Коковцов, ук. соч., т. 1, стр. 432-439; о том с каким раздражением

Столыпин переносил некоторые черты характера министра финансов, свидетельствуют воспоминания А.П. Наумова («Из уцелевших воспоминаний» 1868-1917 гг., Нью-Йорк, 1955 г., т. 2, стр. 207).

8) «Новое Время», 12 апреля 1910 г.

9) «Новое Время», 8 июня 1911 г. Изложение этого эпизода Коковцовым в его воспоминаниях (т. 1, стр. 467-473) содержит наряду с действительными фактами то, что трудно не определить как плод его фантазии, переплетающейся с проявлениями потери памяти. По Коковцову, Столыпин, уезжая на отдых в начале июня 1911 г. и передав ему временное председательствование, ни словом не обмолвился об их расхождении относительно Крестьянского банка (стр. 465); в первые же дни после отъезда Столыпина, т. е. в июне, Кривошеин известил Коковцова, что он отказывается от подчинения банка своему ведомству и желает войти с ним в соглашение о большем сближении банка со своим ведомством, главным образом относительно выбора земли приобретаемого банком и выбора крестьян, покупающих землю (стр. 469). Затем, якобы в самом начале июля, два дня после возвращения Столыпина, последний вызвал Коковцова к себе, где уже был Кривошеин и, отдав должное прямоте Коковцова и сказав Кривошеину, что тот его «предал», обещал довести соглашение до благополучного конца, добавив: «буду еще более рад, если вы найдете возможным довести его до такого конца под вашим председательством в Совете министров, еще до моего окончательного возвращения в Петербург» (в сентябре или октябре) (стр. 471-473).

В действительности, эта фраза о проведении проекта в его отсутствии не могла быть произнесена Столыпиным по той простой причине, что он сам, месяцем раньше, одобрил и подтвердил достигнутое соглашение (шедшее несравнимо дальше в интересах ведомства землеустройства, чем это утверждал Коковцов) на Совете министров 6 июня под своим председательством, накануне своего отъезда в отпуск.

Коковцов просто забыл о проведенном через Совет министров соглашении и перепутав числа, неосторожно приписал Столыпину слова, которые тот фактически не мог произнести, что ставит под сомнение достоверность и прочих приписываемых им Столыпину слов.

Возможно, что Кривошеин, ради достижения сравнительно выгодного для его ведомства компромисса, поставил Столыпина перед совершившимся фактом в момент возвращения премьера из его ковенского имения в апреле 1911 г., зная его отсутствие гибкости, но даже если это и вызвало преходящее раздражение премьера, то это не отразилось ни на одобрении проекта Столыпиным лично, ни на близком сотрудничестве обоих, предпринявших тотчас сообща шаги для замены Коковцова кандидатом Кривошеина — П.Л. Барком.

10) «Новое Время», 13 марта 1913 г.

11) Кривошеин требовал права выпуска облигаций на 150 миллионов, а не на 50 миллионов рублей.

12) По словам Коковцова (ук. соч., т. 2, стр. 295), «все говорили, что Тимашев взял его не столько по собственному выбору, сколько потому, что на него указал покойному Столыпину Кривошеин, готовя в нем более стоворчивого чем я министра финансов». Коковцов ошибочно отнесил это назначение к 1910 г.

13) В назначении Барка имелся элемент недоразумения. Столыпин мечтал, довольно химерично, о «национализации кредита», т. е. о сокращении влияния иностранного капитала на русские банки, а Барк был руководителем Волжско-Камского банка, самого русского из всех крупных банков (об этом в показаниях Белецкого, в «Падении царского режима», т. 4, стр. 245). Однако, получив в 1914 г. портфель финансов, он проводил, вполне разумно, совсем другую политику, настолько, что вызвал неудовольствие правой фракции в Думе и ее лидера, А.Н. Хвостова, в бытность последнего министром внутренних дел. Из его показания перед следственной комиссией явствует, что Хвостов, будучи

сам сторонником этой «национализации», считал Барка защитником иностранного капитала («Падение...», т. 6, стр. 76).

О назначении Барка товарищем министра торговли: П.Л. Барк, Воспоминания, «Возрождение», № 157, Париж, 1965 г., стр. 59.

14) Ук. соч., т. 1, стр. 484; что в этой «атмосфере спешки» было что-то обидное для становящегося первым должностным лицом империи Коковцова, отметил А.И. Гучков в своих воспоминаниях («Последние Новости», Париж, 2 сент. 1936 г.): «так лавочку не передают своему приказчику, как государь передал Коковцову Россию».

15) Ук. дипломатический документ № 453.

«Все указывало, после киевского убийства, на г. Кривошеина, как на наследника г. Столыпина. Император предложил ему это наследие, но он от него отказался, ссылаясь на посредственность своего ораторского дара. В действительности, как он сказал одному из наших сотрудников, будучи свидетелем противодействия встречаемого программой Столыпина, в сущности почти отвергнутой, не чувствуя в себе достаточно сил, чтобы преуспеть там, где его учитель потерпел неудачу, он предпочел предоставить своей судьбе экономистов и финансистов, сторонников компромисса и бездействия, и продолжать, со своей стороны, дело аграрного преобразования, которое его неудача во главе правительства могла бы поставить под вопрос».

Правильнее было бы понимать слова Кривошеина как объяснение того, почему он не искал наследия Столыпина.

16) Коковцов не упомянул об этом отношении царя к Столыпину и решительно опроверг ссылку на себя в воспоминаниях А.И. Гучкова в «Последних Новостях» (Париж, август 1936 г.), упустив из виду, что он рассказал об этом не только Гучкову, но и Морису Палеологу («La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre», Париж, т. 1, стр. 315-316), С.И. Шидловскому (Воспоминания, Берлин, 1923 г., часть 1, стр. 148), а также и лицам проживавшим еще в 1972 г. в Париже.

17) «Новое Время», 2 марта 1912 г.

18) «Новое Время», 1, 2 и 3 марта 1912 г.

19) Коковцов плохо принял в феврале 1912 г. Распутина и резко отозвался о нем Николаю II; об этом в его воспоминаниях (т. 2, стр. 35-40) и его втором показании перед Чрезвычайной Следств. Комиссией в 1917 г., утерянном и найденном значительно позже («Вопросы Истории», апрель 1964 г., № 4, стр. 113-114).

20) «Новое Время», 11, 14, 15 и 16 мая 1913 г.

21) Это различие обеих внутрикабинетских оппозиций Коковцову, из которых оппозиция справа стала, в свою очередь, оппозицией Кривошеину во время его «фактического премьерства» в 1914-1915 гг., совершенно не отмечено советской историографией, сливающей обе оппозиции воедино, под названием «черносотенной» («История СССР», 1-ая серия, т. 6, глава 5-ая, стр. 400, написанная А.Я. Аврехом, Москва, 1968 г.). Между тем, в своем показании перед Следственной Комиссией в 1917 г., Коковцов причисляет Кривошеина вместе с Тимашевым и др. к группе близкой себе, в отличие от «черносотенных» министров.

22) По словам Коковцова (ук. соч., т. 2, стр. 130), Кривошеин поддерживал одновременно связи с придворными кругами и постоянно заигрывал с земствами и членами Думы.

23) Ук. дипломатический документ, № 453.

24) Кн. Вс. Н. Шаховской, «Sic transit gloria mundi». Париж, 1952 г., стр. 167.

25) «Новое Время», 5 июля 1910 г.

26) Г.В. Глинка, «Азиатская Россия», С.П.Б., 1914 г., т. 2, стр. 552-554.

27) «Новое Время», 10 и 17 марта 1912 г., О выгоды Черноморской дороги для казны свидетельствует факт, что четыре частных общества добивались получить на нее концессию.

28) Ук. соч., т. 2, стр. 172-177 и 182-183.

29) А.П. Наумов (ук. соч., т. 2, стр. 400), министр земледелия в 1915-1916 гг., рассказывает как 13 мая 1916 г. он, в ответ на упрек

Коковцова в том, что он не использовал огромные залежи хлеба, лежащие без употребления в Сибири, резко оборвал Коковцова: «Кто же в этом виноват как не вы сами, граф! Если бы вы, в свое время, решительно поддерживали финансирование хотя бы того железнодорожного пути, который проектировался для присоединения к общей сети обширной и плодотворной Акмолинской области (...) те 300 миллионов пудов, которые в данное время гниют в упомянутой области, сделались бы достоянием потребителей Европейской России...»

Этим путем была Южно-Сибирская магистраль, протяжением в 1618 верст (Орск-Акмолинск-Семипалатинск), одобренная Советом министров 27 апреля 1911 г. по докладу Кривошеина, финансирование которой оттягивалось затем Коковцовым; концессия на постройку линии уже на частные средства была дана только 16 июня 1914 г.

30) «Новое Время», 17 янв. 1914 г.

31) Проекты орошения центральной части Муганской степи в Закавказьи и Голодной степи в Туркестане были одобрены Советом министров 18 марта 1911 г. («Новое время», 19 марта 1911 г.; также, та же газета 24 дек. 1913 г. и 10 января 1914 г. об использовании «романовского фонда»).

32) «Новое Время», 7 сентября 1913 г.

33) Коковцов, ук. соч., стр. 127-128 (т. 2); 14 мая 1913 г. был образован при ведомстве земледелия Сельско-хозяйственный комитет по пересмотру договора.

34) Ук. соч. т. 2, стр. 246-250 и «Показание» в «Вопросах Истории», апр. 1964 г. стр. 94. Записка Кривошеина о необходимости объединения политики кабинета впервые публикуется в главе «Объединенное правительство» этого труда.

35) «Новое Время», 20 янв. 1913 г.

36) Вите был в сношениях с Распутиным, поклонницей которого была графиня. Уверенному в правоте своей политики Коковцову, элементарное чувство такта не подсказало, что неуместно придавать винной монополии род ореола, когда репутация ее ставилась под вопрос. Юбилей был отпразднован с большим торжеством, вплоть до архиерейского молебна, притом служивший архиерей поставил в заслугу монополии распространение трезвости среди населения, что вызвало кислосладкую статью М.О. Меншикова 18 апреля в «Новом Времени» под названием «Питейное торжество». В другом месте газета напоминала, что ведомство не разрешало распространение фильмов против пьянства, одобренных Свят. Синодом.

37) Говоря о положении Коковцова, дипломат Дульсе сообщал своему правительству: «...все эти удары касались человека, которого больше не защищали ни сторонники при дворе, ни престиж в народе или в палатах, ни блистательные заслуги в прошлом, ни симпатии государя. Сущности, поражающее больше всего то, что в столь безнадежном положении, г. Коковцов пребывал до последней минуты в иллюзии относительно нависшей над ним угрозы судьбы».

38) П.Л. Барк, Воспоминания, «Возрождение», Париж, январь 1965 г., № 157, стр. 61.

39) В частности, назначенному им 16 февр. 1915 г. министром торговли и промышленности Вс. Н. Шаховскому (ук. соч., стр. 50).

40) Кризис и болезнь Кривошеина верно изображены в донесении Дульсе (ук. документ № 453), только кандидатура Горемыкина была выставлена Кривошеиным не в момент его отъезда в Италию, а еще в Ливадии: «...между тем, император вызвал г. Кривошеина и определенно предложил ему власть. Последний отклонил это предложение, ссылаясь на состояние здоровья, требовавшего, по крайней мере, два месяца отдыха и солнца. Мне передают из достоверного источника, что император предложил тогда г. Кривошеину сохранить пост председателя Совета министров отправляясь в отпуск. Министр земледелия утверждает, что он не захотел принять столь лестного предложения, указав, перед своим отъездом в Италию, на г. Горемыкина, «своего лучшего

друга». И действительно, об их отношениях можно сказать, что их сердечность равняется их длительности и хотя темпераменты и воззрения обоих глубоко различны, их объединяет одна и та же забота, одна и та же страсть: страсть к земле русской... и если г. Горемыкин занят, главным образом, составлением земельных уставов, тогда как г. Кривошеин создавал земельных собственников, то это объясняется тем, что целая пропасть отделяет не лишенный культуры индифферентизм одного от полной активности второго».

41) Только с опубликованием писем Николая II Мещерскому профессором Игорем Виноградовым (*Some Russian Imperial Letters to prince V.P. Mestchersky, Oxford Slavonic Papers, vol. X, 1962*) можно проследить колебания царского фавора к князю. В периоде между их полным разрывом в 1904 г. и возвращением прежней дружбы весной 1913 г., его влияние ограничивалось «Дневниками» «Гражданина» и появлявшимися в этом журнале инсинуациями.

42) Ук. соч., т. 2, стр. 312-315; Коковцов называет Мещерского хвастуном, не имевшим реального влияния на царя, чтобы приписать затем ему решающую роль в своей отставке. В своем «Показании» («Вопросы Истории», апрель 1964 г., стр. 110-113), он опускает почему-то Кривошеина среди виновников своей отставки, ставя его на второе место в своих воспоминаниях. В «Показании» он перечисляет их в таком порядке: Мещерский, Витте, Александра Федоровна, Сухомлинов.

43) К. Чужой, Письма Мещерского Кривошеину, «Русское Прошлое», Ленинград, 1925 г.

44) I. Vinogradoff, ук. соч., стр. 111, ответ Николая II определяется там как «характерно резкий ответ» (стр. 127).

Влияние Мещерского на Николая II проанализировал Тарле («Граф С.Ю. Витте», сочинения, т. 5, стр. 536); приводя мнение Витте, считавшего это влияние значительным, он пишет: «Витте и тут совсем не понял, что Мещерский, как и всякий без единого исключения человек, которому приписывается «влияние» на императора Николая II, «влият» на него лишь вплоть до той минуты, пока говорил и делал то, чего желал Николай...». Расхождение между ними по поводу дальневосточной политики вполне подтверждает этот анализ.

По другому определению, Николай II «не подчиняется влияниям, а подбирает удобные ему влияния».

45) «Новое Время», 11 января 1914 г.

46) По системе Коковцова, чрезвычайные продуктивные расходы, как железнодорожное строительство, покрывались бюджетными поступлениями, а не займами.

47) «Новое Время», 10 и 11 января 1914 г.

48) Барк, Воспоминания, «Возрождение», Париж, 1965 г., № 157, стр. 61-64.

49) Доктор Остер был осведомлен, очевидно германским посольством, о роли Кривошеина в правительстве и при прощании с ним, по немецкому обычаю, поцеловал ему руку. С болезнью Кривошеина связан любопытный эпизод: неожиданно явился к нему в Петербург приехавший из Москвы профессор Плетнев и, выслушав его, уехал, отказавшись принять гонорар. Как потом выяснилось, этот визит был сделан по просьбе московского купечества, уплатившего гонорар и расходы, — пример популярности Кривошеина в этой среде.

50) П.Л. Барк, «Июльские дни» 1914 г., «Возрождение», Париж, 1959 г., стр. 17.

51) «Новое Время», 31 янв. 1914 г.

52) «Новое Время», 7 февраля 1914 г.

53) «Новое Время», 1 февраля 1914 г.

54) «Новое Время», 21 февраля 1914 г. «Национализация кредита понимается (...) конечно не с узкой, сектантской точки зрения. Было бы странно и нелепо требовать от каждого желающего кредитоваться, паспорта с справкой о православии (...); /это/ привело бы к полному застою финансовой и экономической деятельности страны, вплоть до

прекращения притока иностранных капиталов (...) Национализация кредита понимается в смысле его доступности». На практике, этой политике противопоставлялась политика Маклакова, подготавливавшего новые ограничительные меры против евреев, в силу которых евреи не могли занимать руководящих постов в акционерных обществах владевших недвижимостью вне черты оседлости. Намечавшиеся мероприятия вызвали понижение курса бумаг на бирже.

55) «Новое Время», 9 февр. 1914 г.

56) «Новое Время», 13 февр. 1914 г.

57) «Новое Время», 9 марта 1914 г.

58) «Новое Время», 23 апреля 1914 г.

59) «Фиксация» доходов винной монополии, предложенная Витте, была отклонена подавляющим большинством Государственного Совета, однако, Витте заявил, что он удовлетворен рескриптом на имя Барка.

60) На 255 миллионов рублей чрезвычайных расходов бюджета, 130 миллионов приходилось на постройку железных дорог и портов.

61) Кредиты на Днепрострой (37,2 млн. рублей), ассигнованные правительством и проголосованные 3 июня 1914 г. Думой, были представлены на одобрение Государственного Совета в июне 1914 г. Они должны были быть рассмотрены им осенью того же года. Проект сооружения на казенные средства, разработанный Управлением водных путей, был значительно более скромных масштабов чем проект группы американских капиталистов, представителем которой был Б.А. Бахметьев, будущий посол Временного Правительства в Соединенных Штатах. Управление, в отличие от Бахметьева и, впоследствии, советского правительства, считало, что затопление огромной площади, пригодной для земледелия, невыполнимо.

Проект Волховстроя был готов в 1914 г. Он был составлен инженером Графтио, строителем гидростанции при советском строе. (Вс. Н. Шаховской, ук. соч., стр. 30-33 и 35) («Новое Время», 3 июня 1914 г.).

62) Мысль о подоходном налоге не была новой — новым было твердое намерение его ввести. Достаточно сказать, что разработка первого проекта была начата весной 1905 г., при Коковцове, министре финансов, товарищем министра Н.Н. Кутлером («Новое Время», 5 апреля 1905 г.), а затем при Витте, в 1906 г., министром финансов И.П. Шиповым. Коковцов внес проект в Думу, где он пролежал семь лет в комиссии, при пассивном отношении ведомства финансов. Четвертая Дума унаследовала проект от третьей, но только с назначением Барка он сдвинулся с места; 23 мая 1914 г. ее финансовая подкомиссия одобрила залежавшийся проект («Новое Время», 24 мая 1914 г.), введя в него некоторые изменения: облагаемый минимум доходов был понижен с 1000 рублей до 800 рублей, установлено было семейное а не личное обложение, ставки шли от $\frac{1}{2}$ до 5% при 100000 рублей дохода.

Одобренный Думой во время войны, проект встретил сопротивление в Государственном Совете справа, которое с трудом удалось преодолеть в апреле 1916 г. Коковцов поддержал проект. Ставки были повышены (от 1% до 12%).

(Барк. Воспоминания, «Возрождение», февр. 1965, № 158; доклад Барка о росписи на 1917 г., «Красный Архив», 1926 г., т. 17, стр. 60-61).

63) Газета «Возрождение», 30 ноября 1932 г., «Былое и люди».

64) Ук. соч., т. 2, стр. 320 и 322.

65) Дюльсэ пишет: «не ставя условий, министр земледелия поставил вопрос о полномочиях, которые будут ему даны в области назначения губернаторов. Желая сохранить портфель земледелия, зная, что в России только руководство ведомством внутренних дел обеспечивает реальную власть, не будучи в состоянии совместить оба задания, он дал понять, что он желал бы иметь решающее влияние на выбор кандидатов на важнейшие административные посты. Император не дал никакого ответа и оставил Коковцова управлять страной».

66) «Возрождение», 30 ноября 1932 г. («Былое и люди»).

“Царь Борис,, А.К. Толстого

(Окончание) *)

КОНСТРУКЦИЯ ПЬЕСЫ

Сценическое построение трагедии « Царь Борис » А.К. Толстого строго уравновешено : второе, третье, четвертое и пятое действия содержат каждое по три отдельных картины. Если же в первом действии только две сцены, то это объясняется длиной первой картины, которая одна могла бы заполнить всё действие.

Первая картина первого действия посвящена приему в престольной палате иностранных послов, приехавших в Москву для установления дружеских, как теперь говорят — дипломатических отношений. Отвечая на приветствия представителей иностранных держав, Борис проявляет прекрасную осведомленность в государственных делах Европы, хладнокровие и сдержанность, — сидя на престоле во всем великолепии царского облачения, по случаю дня своего венчания на царство, Борис не дает послам усыпить свою бдительность и выказывает свое превосходство над ними, в чем и заключается весь смысл этой сцены :

« ... Клянусь, не поущу
Ничьей руке касаться русских граней !

.....

Прошли те времена,
Когда Руси шатание и беды
Врагам над ней готовили победы !
Она стоит, спокойна и сильна,
Законному внутри послушна строю,
Друзьям щитом, а недругам грозою ».

(Д. 1, сц. 1, стр. 423)

Во второй сцене первого действия, происходящей в келье Новодевичьего монастыря, — Борис перед своей сестрой монахиней Александрой высказывает в откровенной беседе с глазу на глаз свою гордость победителя и цели, которые он намерен преследовать в будущем :

*) См. « Возрождение » № 238.

« Тебе до дна я душу
Мою открыл — еще ли не оправдан
Я пред тобой ?

.....
..... Мой грех
Я сознаю; но ведаю, что им лишь
Русь велика ! Оплакивать его
Я не могу ! Мне некогда крушиться !
Не под ярмом раскаянья согбен,
Но полный сил, с поднятой головою,
Итти вперед я должен, чтоб Руси
Путь расчищать ! »

(Д. 1, карт. 2, стр. 436)

В этой сцене уже вполне очерчен внутренний облик царя и дан ключ к пониманию дальнейшего развития действия всей трагедии.

Второе действие разбито на три отдельные картины, обрисовывающие три совершенно обособленных мира : покой во дворце на половине царя, покои царицы Марии Григорьевны, жены Бориса, и, наконец, разбойничий стан атамана Хлопка в лесу.

Первая из этих трех сцен изображает уклад жизни царя в кругу его детей : царевича Федора, царевны Ксении и ее жениха Христиана. В этом мире царит обоюдное доверие, искренность и любовь :

« Дадим же мы втроем обет друг другу
Любить друг друга, помогать друг другу,
Не мыслить врозь и вместе жить всегда ».

(Д. 2, сц. 2, стр. 445)

Вошедший Борис ласково беседует с ними, любясь их непосредственностью и пылкой страстностью.

Но, как гром в ясную погоду, застаёт Бориса в тихой, счастливой обстановке страшное известие, принесенное Семёном Годуновым, — о слухе, распространившемся в Москве о том, что царевич Димитрий жив. Это сообщение разом нарушает все благие намерения и спокойствие царя :

« ... Решился твердо я
Одной любовью править: но когда
Держать людей мне невозможно ею —
Им гнев явить и кару я сумею ! »

(Д. 2, сц. 2, стр. 451)

С этого момента недоверие, подозрительность и жестокость царя растут; одновременно возрастает недовольство и увеличивается ропот среди его подданных. В этом конфликте зарыта одна из причин столь разительного успеха Самозванца.

2-ая сцена, происходящая в личных покоях царицы Марии Григорьевны, — отражает «темное царство» московского дворцового быта. Царица осталась верной обычаям старины и всячески противится нововведениям, заведённым Борисом, разрешающим, например, царевне видаться свободно до брака со своим женихом. Не надо забывать, что по восточному обычаю, вплоть до правления царевны Софьи, старшей сестры Петра Великого, русским женщинам царского или боярского рода строго возбранялось не только выходить из дому, но и беседовать с мужчинами, вообще показываться посторонним, даже родственникам, кроме отца с братьями. Честь женщины была навсегда утрачена, если ее видел в лицо кто либо из чужих людей. В церковь и то царицы и царевны проходили по крытому проходу и во время богослужения стояли за спущенным пологом. Если же, несмотря на все принятые предосторожности, кому нибудь из царского окружения случайно доводилось встретить царицу или царевен, то ему немедленно чинили розыск, чтобы узнать под пыткой, не был ли он подослан кем нибудь со злыми намерениями... (См. Иван Забелин «Домашний быт русских цариц XVII века»).

Поэтому царица старается доискаться причин, чтобы расторгнуть помолвку дочери с иностранцем-протестантом, она допытывается у людей сведений, желая убедиться в правильности слухов о том, что Христиан лишь побочный сын короля. Ее козням приписывается в трагедии смерть датского принца...

3-ья эпизодическая сцена разбойничьего стана еще больше усиливает впечатление нависших над Борисом туч. Присланный Димитрием посадский сманивает народ обещанием льгот, созывая всех под знамена Самозванца: «Когда сядет Димитрий на свой отцовский стол, всем Юрьев день отдаст, все кабалы порешит, всем свобода по-старому!» (Д. 2, сц. 3, стр. 463).

До Бориса Годунова, как известно, не было прикрепленности крестьян к земле. Они могли свободно переходить раз в год, на Юрьев день, от одного землевладельца к другому по собственному усмотрению. Вынужденная расстройством всей экономики страны отмена Юрьева дня тяжело ощущалась как боярами, так и крестьянами. Димитрий учитывал общее недовольство и старался использовать его в своих целях.

Начиная с 3-го действия уже ощущается атмосфера катастрофы. Растерянность, недоумение и тревога за своего отца

заставляют царевну Ксению высказать Борису свое несогласие и осуждение его внутренних мер правления :

« Взгляни вокруг : везде боязнь и трепет —
Уж были казни — о доносах шепчут,
Москва дрожит, так было, говорят,
Во времена царя Ивана ».

(Д. 3, сц. 1, стр. 472)

Царица Мария Григорьевна спешит, в свою очередь, предупредить царя о подозрениях Христиана относительно убийства царевича Дмитрия, — королевич доискивается правды и, узнав ее, откроет страшную тайну их сыну и дочери. Ей хочется добиться устранения Христиана из Москвы любой ценой :

« По моему-ж по бабьему уму,
Не от народа ждать беды нам надо,
Не от бояр — не в городе для нас
Опасность есть, а в тереме твоём.
Доколе в нём останется твой немчин —
Спокойно спать не можем мы ! »

(Д. 3, сц. 1, стр. 477)

Разговор с Семеном Годуновым и затем с Василием Шуйским только растравляет больную душу Бориса и усугубляет его опасения в измене и нерадении бояр.

2-ая сцена переносит нас в дом Федора Никитича Романова. В ней передано настроение бояр, стоящих в оппозиции к Борису. Кроме самого хозяина дома, все приглашенные, князья Сицкий, Черкасский, Репнин — пьют, не называя имени из опасения возможного доноса со стороны подкупленных слуг, за здоровье **законного** государя. Они с нетерпением ждут в Москву прихода Дмитрия и надеются на благополучный исход его предприятия. Их беседу прерывает появление Семена Годунова, который берет всех присутствующих под стражу. Всех, кроме Василия Шуйского, которому в трагедии царь поручает вести над ними следствие.

В третьей сцене третьего действия тот же Василий Шуйский, под личиной преданности Борису, старается нарушить остатки самообладания царя, увеличивая в нем крайнюю подозрительность. И Борис уже не в состоянии различить игру Шуйского, чем сам Шуйский, видя легковёрность царя, про себя крайне удивлен :

..... « Борис
Феодорович, ты ли это ? Я тебя
Не узнаю. Куда девалась ловкость
Твоя, отец ? И нравом стал не тот,
Ей Богу ! То уж чересчур опаслив,
То вдруг вспылишь и ломишь напрямик ».
(Д. 3, сц. 3, стр. 491)

Еще одна беда постигает Бориса. Не только продвижение войск Димитрия, брожение в стране, предательство бояр, но и непонятная, необъяснимая для врачей болезнь Христиана...

Принц уже настолько болен, что не в состоянии следовать благоразумным советам датских приближенных, осведомленных о действительном положении московских дел: « Ждать от Бориса нечего нам боле. Его звезда зашла ! » (Д. 3, сц. 3, стр. 492).

Они уговаривают своего принца отказаться от брака с Ксенией и поспешить в Данию на стоящем уже на якоре норвежском корабле. Но Христиан любит Ксению и не может оставить ее в доме отца-убийцы, где ему слышится предсмертный крик ребенка и мерещатся пятна крови на стенах...

В минуты прояснения сознания он зовет Ксению уехать с ним в Данию. Но его мысли путаются, начинается бред, не предвещающий ничего доброго...

С первой сцены четвертого действия начинается развязка всей трагедии. Ничего больше нельзя ни изменить, ни поправить : все нити сходятся к одной конечной точке. Ритм действия, вообще довольно растянутый, заметно ускоряется. Всё, что происходит вокруг, так или иначе направлено против Бориса. Все его старания сопротивляться тщетны, все способы борьбы исчерпаны... Просвета быть не может.

Четвертое действие начинается картиной на Красной площади, где Василий Шуйский, по приказанию царя, обращается с речью к народу с лобного места. Для клятвенного подтверждения своего показания он целует крест, но лишь на том, « что Гришка же Отрепьев не Дмитрий есть, а некий беглый вор, от церкви отлученный и проклятый » (Д. 4, сц. 1, стр. 508), чем еще больше разжигает любопытство и сеет в народе уверенность в близкой победе Димитрия. У некоторых, после этой речи, возникает намерение итти навстречу приближающемуся к Москве царевичу...

2-ую сцену четвертого действия занимает свидание Бориса с матерью царевича Димитрия, инокиней Марфой. Смелые ответы Марфы заставляют трепетать Бориса, что не ускользает от вперенных в него глаз допрашиваемой царем бывшей

царицы : « Дрожишь ты, наконец ! » — торжествует она над своим истязателем. Марфа не только выдержала это свидание, но и сломила душевные силы Бориса. Когда царь удаляется с женой из покоя, Марфа злорадствует, по всей вероятности, — впервые в жизни :

« Ушли и жало жгучее уносят
В своих сердцах ! Я ранила их насмерть,
Я, Дмитриева мать ! Теперь их дни
Отравлены ! Без сна их будут ночи ! »
(Д. 4, сц. 2, стр. 517)

В третьей сцене четвертого действия Борис узнает, от пользующего Христиана врача, что нет никакой надежды на его спасение. Круг невзгод замыкается к ужасу царя : « Ужели все беды съединятся, чтобы разом на нас упасть ? Здесь умирает зять, а там растет тот враг непобедимый ! » (Д. 4, сц. 3, стр. 520).

Действие пятое изображает в первой сцене уже теряющего рассудок Бориса. От нервного напряжения и бессонницы его разум мутится, начинаются галлюцинации. Но он всё еще упорствует в своей жажде власти и могущества. Он в ярости отвергает советы вызванного из монастыря Клешнина уйти от мира и отказаться от власти : « Когда придет мой час, я принесу за грех мой покаянье. Теперь грозу я должен встретить » (Д. 5, сц. 1, стр. 525).

Если разговор с Клешнинным и принес ему уверенность в смерти царевича Димитрия в Угличе, то одновременно Борис узнает и горькую истину о том, что земля его клянет как виновника содеянного преступления, которое лишь послужило для его собственной гибели.

2-ая сцена пятого действия происходит перед царской опочивальней. Чувствуя приближение смерти, царь решил передать еще при жизни всю власть своему сыну Федору, который остался непричастным к его греховным деяниям. Он уговаривает сына согласиться на венчание в соборе :

..... « Себе и роду своему престол
Упрочить ты обязан ».
(Д. 5, сц. 2, стр. 536)

Но Федор пытается уклониться от принятия власти, сознавая, что у него нет законных прав на престол : « Я угличское дело читал, отец, и Шуйского тот розыск./ Бессовестно допрос был учинен !/ Отыскивать не так бы должен правду,/ Кто б искренне хотел ее узнать ! » (там же, стр. 537).

Но отец настаивает на своем решении и не хочет умереть не упрочив положения своей династии.

Третья и последняя сцена происходит в столовой палате, в которой торжественно чествуют Басманова, одержавшего победу над войсками Самозванца. Царь осыпает его милостями и ставит в пример другим боярам. Произнося на пиру речь, он требует от присутствующих клятвы на верность своему сыну, которому он передает престол; сегодня же Феодор должен быть венчан на царство в соборе и бояре подтверждают свою клятву присягой... Однако, Борис не успевает осуществить свое намерение, смерть застигает его на пиру и он умирает на глазах всех собравшихся.

ГЛАВНЫЕ ТЕМЫ В «ЦАРЕ БОРИСЕ»

Одной из часто повторяемых в монологах Бориса мыслей была его постоянная забота о благе государства и подвластного ему народа. Борис, «перед собой одной Руси всегда величье видя» (д. 1, сц. 2, стр. 433), — старается обеспечить России прочное место среди других европейских держав:

... « С державами Европы
Земля должна по-прежнему стать рядом,
А в будущем их, с помощью Божьей,
Опередить ».

(Д. 1, сц. 2, стр. 429)

Опираясь на избрание Земским собором, Борис отклоняет всякую зависимость от чужеземцев, будь то сам Папа Римский:

« Наш царский сан, по воле Божьей, мы
От русской всей земли приняли — боле ж
Ни от кого не просим утвержденья ».

(Д. 1, сц. 1, стр. 413)

Борис мечтает добиться свободного выхода к морю, с целью установить беспоплинную торговлю с Западом, — посредством матримониальных связей, выдав замуж свою дочь Ксению за Христиана датского:

« Он то звено, которым вновь связал бы
Я древнюю, расторгнутую цепь
Меж Западом и русскою державой!
Через него ей возвратить бы море

Варяжское ! Что Ярослав стяжал,
Что под чужим мы игом потеряли,
Без боя то, без спора возвратил бы
Я вновь Руси ! »

(Д. 4, сц. 3, стр. 519)

Беседуя с Христианом, и царевна Ксения и царевич Федор подчеркивают любовь и заботу царя о родной земле :

... « Но если б видеть мог ты
Его любовь к земле, его заботу,
Его печаль о том, чего свершить
Он не успел » (...)
... « То правда;
Лишь об одной земле его забота :
Татарщину у нас он вывести хочет,
В родное хочет нас вернуть русло ».

(Д. 2, сц. 1, стр. 443)

Перед своей кончиной Борис указывает на своего сына Федора как на залог спасения для всей Руси :

... « Его царенье будет
На радость вам, на славу всей земле !
Чего я сделать не успел для царства —
То он свершит ».

(Д. 5, сц. 3, стр. 550)

ТЕМА ЖЕСТОКОСТИ, ЛЖИВОСТИ, ЛИЦЕМЕРИЯ

Одной из характерных черт московских государственных деятелей Смутного Времени было полное отсутствие нравственности : зверская жестокость, внедрившаяся лживость и закоренелое лицемерие были присущи поголовно всем. Эту особенность отмечают серьёзные исследователи, изучавшие архивы той эпохи. Способ воздействия на инакомыслящих ограничивался применением вероломной жестокости : у всех на устах один и тот же припев — пытка, казни, заточение...

Услышав, что какие-то смерды поносили Годунова « негодными словами », их схватили, посадили в яму и Семен Годунов сразу же просит царя : « Дозволь пытать их, государь ! » (Д. 1, сц. 2, стр. 431).

Сам Борис Годунов, узнав, что города сдаются Самозванцу, дает строгий наказ :

« Чтоб вешали изменников ! Чтоб всех,
 Кто *лишь* помыслит к вору перейти,
 Всех, без пощады, смертью казнили ! »

(Д. 3, сц. 1, стр. 479)

На донесение Шуйского о том, что все в один голос говорят о чудесном спасении царевича Димитрия, Борис гневно повелевает : « Рвать им языки ! » (там же, стр. 481).

С лобного места Шуйский объявляет народу этот указ царя :

« А кто поверит или кто посмеет
 Сказать, что он есть истинный Димитрий, —
 Великий царь тому немедля вырвать
 Велит язык ».

(Д. 4, сц. 1, стр. 508)

Сыщики, снующие среди народа, хватают людей по малейшему подозрению, даже за неодобрение проявляемой ими жестокости :

Посадские и народ заступаются за купца, которого спровоцировали сами же сыщики. « Да что вы ! Бойтесь Бога ! За что его ? » На все протесты — один ответ : « А вы чего вступились ? Хватай их всех ! » (там же, стр. 505).

По воле власть имущих уже замучены сотни и сотни людей, но это их нимало не угнетает, не смущает, не останавливает. Им совершенно чуждо чувство раскаянья. Борис сожалеет лишь о том, что его преступление было совершено им напрасно, что враг оказался сильнее его. Царь не может пережить мысли о своем поражении и бессилии в борьбе с Провидением, но он не способен ни к смирению, ни к угрызениям совести : ложь и лицемерие, как ржавчина, проели насквозь его душу. Уже в то время, когда в Москве начались гонения, пытки и казни по приказанию царя, он спокойно отвечает Христиану на его уверенность в лояльности Бориса и в том, что Борис, конечно, первым бы признал Димитрия, будь он жив :

« И ты не обманулся.

Когда б нежданно истинный Димитрий

Явился нам — я первый бы навстречу

Ему пошел и перед ним сложил бы

И власть мою и царский мой венец ».

(Д. 3, сц. 1, стр. 473)

При свидании с инокиней Марфой царь всячески старается обольстить ее своей лицемерной кротостью :

... « Твоя печаль, поверь,
Почтенна для меня, и тяжело
Мне на душу твою ложится горе.
Я б много дал, чтоб прошлое вернуть —
Но прошлое не в нашей власти ».

(Д. 4, сц. 2, стр. 516)

Вся роль Шуйского построена на его изворотливости, лести Борису и беспредельном двуличии. Застигнутый врасплох Семеном Годуновым в доме Романова, он старается снять с себя возможное подозрение путем предательства своих же бояр :

« Негоже так, бояре, говорить !
Царь милостив. А мне Господь свидетель,
Я вашего не ведал воровства !
Помыслить смерть на батюшку царя !
Ах, грех какой ! Пойдем, Семен Никитич,
Пойдем к владыке, начинать допрос.
Помилуй Бог царя и государя ».

(Д. 3, сц. 2, стр. 488)

Более мелкие сошки поддакивают сильным мира сего из старания угодить и выслужиться. Они зорко следят, откуда дует ветер, и подделываются под чужое мнение не за страх, а за совесть. В « Царе Борисе », например, на вопрос царицы Марии, слыхала ли она о помолвке царевны Ксении, Волохова немедленно отвечает :

.... « Как не слышать !
От радости, согласишься ли, царица,
И ноги подкосились ! »

Но на возражение царицы, что радоваться тут нечему : « Да разве /Своих князей-то не было ? Не то/ В Литве князей довольно православных ! » — Волохова без всякого стеснения подлаживается под ее желание, сразу угадав точку зрения царицы :

« Ах, свет-царица !
Сказать ли правду ? Как узнала я,

Что немчин он, так и кольнуло сердце !
 Ей-Богу, право ! »

(Д. 2, сц. 2, стр. 457)

Гораздо страшнее пресмыкательство всего народа от мала до велика. В «Борисе Годунове» Пушкина есть точное указание, как вся земля молила Годунова принять верховную власть :

« Заутро вновь Святейший Патриарх,
 В Кремле отпев торжественно молебен,
 Предшествуем хоругвями святыми,
 С иконами Владимирской, Донской
 Воздвигнется; а с ним синклит бояр,
 Да сонм дворян, да выборные люди
 И весь народ московский православный,
 Мы все пойдем молить »...

(Пушкин, «Борис Годунов» ,картина 2-ая, Красная площадь)

Все эти мольбы и слезы кончились поголовным предательством царя и таким же всенародным признанием Самозванца. Чувствуя измену, Борис нисколько не ошибается, говоря Семену Годунову :

... « Те самые, кто слезно
 Меня взойти просили на престол,
 Они-ж теперь, без нуды и без боя,
 Ему предать меня спешат ! И здесь,
 Здесь, на Москве, покорные наружно,
 В душе врагу усердствуют они ! »

(Д. 4, сц. 3, стр. 521)

Но упреки Бориса в данном случае не вызывают к нему сочувствия : он сам жил, действовал и управлял страной теми же способами. Только умирая, Борис осознает истинную причину своей гибели :

« Вам ясен долг — Господь карает ложь, —
 От зла лишь зло рождается — всё едино :
 Себе ль мы им служить хотим иль царству —
 Оно ни нам, ни царству в прок нейдет ! »

(Д. 5, сц. 3, стр. 552)

ТЕМА ЛЮБВИ

На фоне всеобщего развращения сохранились лишь малые крупички подлинно возвышенных человеческих чувств. Одно

из них — нежная отцовская любовь и забота о детях, родительская ответственность за их благополучие и счастье. Со своей стороны, у детей сохранилась к родителям и почтительность, и кровная родственная любовь, и чувство благодарности. Борис говорит о Ксении с подчеркнутой нежностью и в тягостные минуты душевного расстройствa он ищет поддержки именно у своей дочери; ее одно присутствие может ободрить и успокоить царя :

... « Где Ксенья ? Мы
Не виделись сегодня. Пусть она
Ко мне придет. Мне кажется, когда
Ее услышу голос, легче будет
Мне на душе ».

(Д. 3, сц. 1, стр. 471)

При мысли о том, что смерть Христиана принесет много горя его любимой дочери, Борис скорбит о ней душой :

« Ты бедная ! Легко
Жилось тебе, и по наслышке только
Ты ведала о горестях людских.
Ужели их на деле испытать
Так рано ты должна ? »

(Д. 4, сц. 3, стр. 520)

И дети платят отцу той же нежностью и привязанностью, переходящей даже в особый род гордости, восхищения и глубокой жалости. Узнав об осуждении Христианом их отца, Ксения наотрез отказывается бежать с ним в Данию :

« ... Но если б от него
И все ушли — и если б целый мир
Его винил — одна бы я сказала :
Неправда то ! Одна бы я осталась
С моим отцом ! »

В свою очередь царевич Федор с горячностью и болью вступает за своего отца перед Христианом :

« ... Тебя я понял. Ты
Царя Бориса оскорбил смертельно —
Ты наглый лжец ! »

И не слушая никаких возражений он в исступлении бросает в лицо Христиану :

«..... Гнусный ты,
Бесстыдный лжец и клеветник !
Предатель ! Переметчик !
Иуда ты ! »

(Д. 3, сц. 3, стр. 496-497)

ТЕМА ВОЕННОЙ ДОБЛЕСТИ

Военная доблесть возводилась в одну из главных добродетелей, перед ней преклонялись и ею были наделены все герои, начиная от богатырей старинных былин до бойцов последней войны включительно...

При поднятии занавеса первого действия Салтыков, вспоминая отважное сопротивление русских татарам, отдает должное храбрости Бориса :

«..... Да, да, в шеломе,
А не в венце, с мечом заместо скиптра,
Он ждал татар ».

(Д. 1, сц. 1, стр. 405)

Царевич Федор искренне завидует принцу Христиану, который имел случай отличиться в боях :

«..... Ты ж успел
Узнать войну, ты отражал осаду,
Ты слышал пушек гром, пицалей треск,
Вокруг тебя летали ядра ».

(Д. 2, сц. 1, стр. 440)

Услышав о назначении Мстиславского воеводой, Федор настоятельно просит отца :

«..... Отец, пошли,
Пошли меня и брата Христиана
К твоим войскам ! Вели, чтоб под начало
Он взял меня ! »

(Д. 3, сц. 1, стр. 469)

Главный довод Федора заключается в том, что :

«..... Если в самом деле
Опасность ей (т. е. Руси) грозит, — кому ж, отец,
Встречать ее, кому, коли не мне ? »

(там же, стр. 470)

Басманов, одержавший победу над Самозванцем, не может сдержать своего восхищения перед его храбростью :

« Хоть он и вор, а удаль
Нам показал свою. И любо видеть,
Как рубится ! В беде не унывает :
Когда его войска погнали мы,
Последний он, и шаг за шагом только
Нам уступил. Так, говорят, косматый,
Осиленный ловцами, покидает
Добычу лев ! »

И на шутку Василия Шуйского, который, смеясь, замечает Басманову, что он хвалит своего врага, он смело отвечает :

« Не таюсь,
Мне по сердцу и вражая отвага ! »
(Д. 5, сц. 3, стр. 542)

КРИТИКА ТРАГЕДИИ « ЦАРЬ БОРИС »

К сожалению, проблески живого творческого вдохновения в « Царе Борисе » чрезвычайно редки. Толстой злоупотребляет длинными монологами Бориса — числом более пятнадцати, — совершенно не оправдываемыми необходимостью развития действия. Тем более, что все монологи Бориса сводятся, более или менее, к одной и той же основной идее : кто бы ни был объявившийся Димитрий, но один его призрак нарушает спокойный ход событий в государстве и лишает смысла содеянное им преступление.

Частые повторения уже высказанных мыслей нарушают силу художественного впечатления. Стоит только сравнить монолог Бориса Годунова у Пушкина — « Достиг я высшей власти » (картина 7-ая — царские палаты) с монологом в « Царе Борисе » А.К. Толстого на ту же тему, чтобы наглядно убедиться в надуманности, вялости, отсутствии обобщения, бледности формы и образов последнего :

« « Убит, но жив ! »
Меня с одра всё тот же призрак гонит ! »
(Д. 5, сц. 1. стр. 527)

Поспешность, с которой была написана трагедия « Царь Борис », может отчасти объяснить ее недостатки и досадные промахи. В ней Толстой грешит отсутствием свободной твор-

ческой фантазии. Стараясь изложить главные исторические события царствования Годунова, он нередко ограничивается грубой компиляцией из научных трудов, литературных произведений и воспоминаний иностранных путешественников. Так например, Толстой списывает не только отдельных второстепенных персонажей, но целые сцены, — не говоря уже об аргументации, — из нашумевшего в свое время романа Фаддея Булгарина «Димитрий Самозванец», — 1830 г. (Полное собрание сочинений, т. II, С. Петербург, типография Н.И. Греча). Толстой часто удовлетворяется переложением чужих фраз с прозы на стихи. Сравним для примера несколько выдержек. Если, например, у Булгарина сказано: «Распространились слухи, что Царевич Димитрий жив» (стр. 57), то у Толстого пересказано: «Возникнул слух: Царевич жив!» (стр. 448).

Ф. Булгарин

А.К. Толстой

«Возлагая царский венец на главу мою, я клялся не проливать крови (...), делиться с бедными последнею рубахою, и собственностью моею награждать верную службу. Я сдержал клятву» (стр. 58).

«Не хочу прибегать к средствам жестоким (...). Мои средства кротость и любовь» (стр. 59).

«Опасность не так велика, как ты думаешь. Это сказка, сплетенная злыми людьми» (стр. 59).

«Мы должны настаивать об уступке нам Ливонии и Эстонии, как собственности России от времен Ярослава» (стр. 76).

«Что значит смерть одного творения, когда дело идет о счастье миллионов» (стр. 113).

«В день, Когда венец я царский мой принял, Я обещал: последнюю рубаху Скорей отдать, чем допустить, чтоб был Кто либо нищ иль беден. Слово я Теперь сдержал» (Д. 4, сц. 1, стр. 468).

«Не страхом я — любовью хочу Держать людей» (Д. 1, сц. 2, стр. 431).

«То слух пустой; рассеется он скоро Как ветром дым. Но злостный на меня Я вижу умысел» (Д. 2, сц. 1, стр. 450).

«Ливонская земля С Эстонией есть вотчина Руси От Ярослава Первого, от сына Владимира Святого» (Д. 1, сц. 1, стр. 415).

«Чтоб тьмы людей счастливыми содеять, Я большую неправость совершил» (Д. 1, сц. 2, стр. 435).

Следует отметить и заимствованную Толстым у Булгарина сцену в разбойничьем стане, в лесу, у атамана Хлопка. Несомненно прототипом Митьки был Булгаринский силач Ерёма. Если в обоих произведениях выведены два монаха, Мисаил и Григорий, то у Булгарина под личиной Григория Отрепьева орудует сам нареченный Димитрий, — тогда как у Толстого им мог бы быть только посадский, личность которого Толстой не открывает... Но зная бешеную отвагу Димитрия, вышедшего с рогатиной на медведя, любившего подвергаться опасности и обладавшего огромной физической силой, можно безошибочно сказать, что это именно и есть он, имя которого Толстой умышленно обошел молчанием, в виду изменившегося отношения к первоначальному замыслу построения « Царя Бориса ». Решив не вводить в трагедию конкретного образа Самозванца, Толстой естественно оставил персонаж посадского невыясненным. Однако, Димитрий приезжал в Москву с посольством Сапеги, он тайно виделся с нужными ему людьми и лично наводил справки об отношении народа к возможному появлению в столице оставшегося в живых сына Грозного...

Гораздо менее очевидны заимствования, сделанные Толстым у Пушкина, хотя можно найти некоторые соответствия в высказываниях Бориса. Так, если у Пушкина царь говорит Басманову — в 20-й картине (Москва, царские палаты) :

« Нет, милости не чувствует народ.
Твори добро — не скажет он спасибо », —

то у Толстого та же мысль выражена в разговоре царя с Семеном Годуновым :

« А что я сделал для земли, что я
Для государства сделал — то забыто ! »
(Д. 4, сц. 3, стр. 521)

Наиболее разительное сходство выявляется в предсмертном обращении царя Бориса к боярам с требованием целовать крест на верность царевичу Федору, с указанием сыну на Шуйского как на достойного советника и с отправкой Басманова к оставленному им войску.

По всей вероятности, много подробностей Толстой почерпал и из воспоминаний иностранных путешественников, писавших о Московии интересующей его эпохи : Маржерета, Герберштейна, Мейерберга, Немцевича, Бухау, Корба и других.

Нельзя обойти молчанием и непростительных логических натяжек. Так, совершенно невозможно предположить, чтобы

Еще более фальшиво звучат сцены разговоров между Ксенией, Федором и Христианом. Эта шиллеровская романтика была совершенно чужда русским людям до девятнадцатого века. Такого рода отношения создать по одному желанию Бориса было невозможно.

Принимая во внимание подобного рода промахи, допущенные Толстым в трагедии « Царь Борис », приходится признать это произведение самым слабым из всей трилогии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все вышеупомянутые положительные и отрицательные черты, столь явно обнаружившиеся в период Смутного времени, — не вытравлены в русском народе и по сей день: любовь к родной земле, органическая привязанность к семейному очагу, проявление военной храбрости и рядом с этим дикая жестокость, лицемерная покорность и преклонение перед силой. Не изжито еще и исконное тяготение к разбойному молодечеству и удалству.

В течение XVI столетия выработался даже своеобразный обычай у казаков польской Украины укрывать и поддерживать с оружием в руках появлявшихся время от времени самозванцев, которые стремились завладеть московским престолом (в 1561 г. грек Василид; в 1577 — Подкова и уже в самом конце XVI столетия — серб Михаил).

На русской же почве всегда находили горячий прием те смельчаки, которые поднимали народ на вооруженный бунт.

Дмитрий Самозванец поплатился жизнью за свое кратковременное царствование в Москве. Но после его смерти целый ряд искателей приключений продолжал смуту в русском государстве под видом вторично спасшегося Димитрия... Все они имели успех и к ним стекался народ, чуя наживу и раздолье.

Эту врожденную склонность русского народа к широкому раздолью и безудержному разгулу верно определил поэт символист Максимилиан Волошин:

« Но тебе с издетства были лубы
По лесам глубоких скитов срубы,
По степям кочевья без дорог,
Вольные раздолья да вериги,
Самозванцы, воры да расстриги,
Соловьиный посвист да острог ».

(Из стихотворения « Святая Русь », 1917 г.; цикл « Пути России »).

Этот размах русской души пленял поэтов, прозаиков и композиторов в течение более двух столетий. Борису Годунову и одновременно с ним Дмитрию Самозванцу были посвящены оперы, пьесы, романы, поэмы, стихотворения. Тема эта не умирает: ей отдали дань и Сумароков, и Пушкин, и Булгарин, и Лажечников, и А.К. Толстой. И лучшая русская опера «Борис Годунов» была написана Мусоргским по драме Пушкина (1868-1872).

В начале девяностых годов прошлого столетия Сергей Павлович Дягилев пытался также написать своего «Бориса Годунова». В этой опере он хотел сам исполнять роль Дмитрия.

Любопытно отметить перечень произведений, которые в новейшее время русские писатели посвятили героям Смутного времени. Следуя хронологическому порядку, нужно назвать стихотворения: Михаила Кузмина «Царевич Димитрий» (1916 г., сборник «Вожатый»), «Деметриус Император» М. Волошина, «Как кони медленно ступают» — стихи без названия в сборнике «Камень» О. Мандельштама и не сохранившуюся пьесу Марины Цветаевой «Дмитрий Самозванец», написанную ею в 1920 году.

Уже в наши дни помещена в журнале «Москве» (11. 1969) народная трагедия в трех действиях и 29-ти сценах Владимира Соловьева «Царь Юрий» (т. е. царь возвративший народу Юрьев день). Автор трагедии склонен думать, что нареченный Димитрий был не самозванцем, а подлинным царевичем...

Нет оснований предполагать, что по прошествии некоторого времени не появится новая, современная версия событий Смутного времени и предшествующего им царствования Бориса Годунова.

В. Маркадэ

Еще раз о марионетках

В течение всего месяца августа большой зал Мюзик-холя «Олимпия» был занят спектаклем московского театра кукол под управлением его создателя и руководителя Сергея Владимировича Образцова. И несмотря на мертвый парижский сезон театр был полон каждый вечер. Несколько лет тому назад мне пришлось давать отчет об этом прекрасном ансамбле. О деталях поговорим ниже. В данную минуту меня занимает вопрос, что именно привлекает массу зрителей, еще незнакомых с качеством предстоящего спектакля. Ведь, в принципе, парижанин относится к марионеткам с некоторым снисхождением, чтобы не сказать, с пренебрежением. Думается, что это лишь поза или опасенье быть поднятым насмех: «серьезный, взрослый человек и вдруг пошел в кукольный театр!»

Не вдаваясь в технические подробности, позволю себе отметить некоторые подмеченные явления.

Случайности недавно совершенного путешествия позволили мне посетить малоизвестный австрийский город Киндберг. Город живописный со множеством забавных памятников. Но не они останавливают внимание туристов, не концерт оригинальных музыкантов на центральной площади и не прекрасные кондитерские, а незатейливый фонтан. На небольшом возвышении над струей воды, льющейся из деревянного крана, вертятся несколько деревянных же фигур, одетых в национальные костюмы. И не дети составляют толпу любопытных, а серьезные люди, обменивающиеся впечатлениями и вопросами каким образом куклы эти столь занимательны. Воображение их задето.

Аналогичное явление можно видеть в небезызвестном замке «Халленшлосс», близ Зальцбурга; бесконечные толпы посетителей терпеливо ждут очереди, чтобы полюбоваться на приводимый в движение водой целый город с небольшими гротами или открытыми зданиями, где целый ряд миниатюрных фигур деловито выполняют свои обязанности. Здесь и точильщик камней, и мельник, и строители, маляры и легендарные фигуры и семейные сцены: всё в движении, всё, сказал бы я, в ажитации деятельности и публика неохотно отрывается от этого зрелища, погоняемая водителем к следующим достопримечательностям.

А вот и Мюнхен с его новой ратушей, где в одиннадцать часов появляются сражающиеся рыцари и затем танцоры. В Нюрнберге торжественно выступают короли, а в Страсбургском соборе святые. От туристов, посетивших Москву, нам неоднократно пришлось слышать, что появление фигур на часах нового театра кукол останавливает всё движение на важной артерии, где находится это здание.

Не столько самые куклы забавляют, как тот же интерес к имитации человеческой деятельности. И это только относительная подражательность, а большего и не требуется. Зритель своим воображением дополняет видимые пробелы, неизбежные в механических движениях. Обращаю внимание читателя также на огромный успех, сопровождающий каждую выставку автоматов, где почти невозможно приблизиться к двигающимся, жестикулирующим, шумящим механизмам, карикатурирующим человека и животных в их окружении. Мне могут сказать, что интерес проявляется исключительно к секретам механизмов. В таком случае обращу внимание читателя на непрекращающееся влечение зрителя к первым, наивным фильмам Шарло, т. е. Чарли Чаплина. Желая себя проверить, я еще раз пошел, на днях, посмотреть «Шарло-Солдат» и «Шарло-Пилигрим». Первый фильм датирован 1919-м годом. Новые молодые зрители, к великому моему удивлению, искренне смеялись и с любопытством следили за перипетиями. И вдруг я понял, что секрет этого вечного интереса заключается в механических, почти кукольных аттитюдах артиста и его сотрудников. Здесь всё нарочито: и костюмы и грим, накладные усы, бороды, парики, наклеенные так, чтобы зритель сразу заметил, что всё это искусственно, кукольно... Но эти куклы за своими неестественными карикатурными движениями и гримасами заставляют зрителя переживать их горе и радости, кои напоминают настоящие чувства. Это, опять-таки, предложенный материал для сотворчества зрителя, обладающего хотя бы минимальной фантазией.

Здесь приходится остановиться на разных формах кукольного спектакля, на большем или меньшем влиянии на впечатлительность посетителя.

Мне посчастливилось познакомиться с разными формами, различной техникой марионеточного искусства.

Зальцбургские куклы разыгрывают целые оперы Моцарта и приводятся в движение сложнейшей системой ниток, прикрепленных к специальным дощечкам, на которых пальцы оператора играют как на инструменте. Та же техника применяется знаменитой итальянской труппой Марио-Синьорелли.

Передвижные голландские театрики пользуются системой

перчаток жанра «би-ба-бо» и достигают изумительной выразительности. Удивительные японские марионетки оживают под руководством трех артистов для каждой, работающих на «тростях» на виду у зрителя, что не мешает огромному эмоциональному впечатлению.

Наконец, труппа Образцова пользуется смешанными приемами.

Эта, последняя, мне показалась наиболее жизнеспособной, с неограниченными возможностями в разнообразии жанра, от сказки до сатиры, от лирики до драмы.

Нам, сидя в Париже, трудно судить о более сложных спектаклях, чем те, которые труппа возит по всем странам мира. Технические возможности постоянного театра с его аппаратурой в Москве, вероятно, дают гораздо больший диапазон репертуара, чем странствующая труппа, страдающая также от необходимости считаться с чужой публикой, с чужим языком. Поэтому нам предоставлена возможность судить лишь о спектакле с сатирическим уклоном на международный эстрадный жанр. Эту программу, с некоторыми изменениями, мы видим не в первый раз и потому я пошел в театр «Олимпиа» с некоторым опасением, как бы не проскучать.

Для многих зрителей, смотревших повторно, ни о какой скуке не могло быть и речи. Предполагаю, что это в значительной степени зависит от системы применения перчаток и тростей, дающих возможность артистам, руководящим куклами, проявлять разнообразие своих талантов, своих настроений как настоящим артистам сцены. Эта система не может быть абсолютно механичной, так как каждое движение, каждая гримаса марионетки зависит от человеческой руки, на которой кукла живет, а рука эта бывает не всегда одна и та же, ибо она подвержена тем эмоциям, с которыми артист пришел за кулисы.

Прошло три года с нашего последнего свидания и мне показалось, что спектакль будто возмужал. Еще ярче двигался и пел цыганский хор со своими солистами, как бы скопированными с семьи Дмитриевичей, некогда выступавшей в Московском Эрмитаже. Еще смешнее играл на рояли младенец-вундеркинд, оживленнее пели и играли на гитарах три сомбреро, еще внушительнее шла дрессировка матерчатых львов и пр. и пр.

Как будто так же выступал «конферансье», которым руководил и говорил за него знаменитый артист, Зиновий Гердт.

И всё же было в тональности нечто новое, какой бывает старая пьеса, сыгранная новой труппой. Не может быть меха-

ничности, если такие исполнители, как Гердт, артист эстрады, кинематографа и театра, берут в свои руки марионетку.

Возвращаясь к своей отправной точке, я всё же высказываю предположение, что этот ансамбль, его техника, дают зрителям максимальную возможность принимать участие в творчестве спектакля, т. к. есть некоторая художественная, импрессионистская недосказанность, позволяющая присутствующим бессознательно дополнять своим воображением виденное и услышанное.

Думается, что нужно действительно обладать творческим талантом самого Образцова и его сотрудников, их преданностью этому театральному искусству, чтобы посвятить ему годы своей жизни, оставаясь в тесном смысле слова за ширмами, не имея ни имени, ни звания. Лишь случай позволяет раскрыть тот или иной аноним.

Жалею, что этот отчет появится в печати, когда Образцов со своей труппой окажется уже в Мюнхене, или в Голландии, или в Москве и что мы не смогли во-время привлечь наших читателей к необычному зрелищу.

Лев Доминик

Беседы с Великой Княжной Марией Владимировной

(Мысли вслух)

В связи с развитием монархических настроений в России, стало особенно важным осведомлять наших читателей, по обе стороны рубежа, о Тех, Кто согласно очереди престолонаследия призван занять Царский Престол. Продолжая наши старания по выполнению этой задачи, мы на этот раз поручили нашему сотруднику гр. Д.А. Капнисту иметь беседы с Великой Княжной Марией Владимировной и передать их в печать. — Ред.

Испросив приема у Великой Княжны, я имел с ней ряд интересных бесед, сущность которых передаю ниже.

Великая Княжна остро ощущает тот факт, что Она родилась и выросла в изгнании. Но Ее Родители много потрудились над Ее русским воспитанием. Этому помогла столь глубоко укоренившаяся в Царственной Семье русская историческая традиция. Ей рассказывали русские сказки, пели русские песни, Она играла в русские детские игры. Позже Она познакомилась с творениями наших великих писателей и поэтов, видела русскую оперу (постановки Большого Театра, русский балет). И Она всем сердцем полюбила Россию и ее народы. Ей дороги стали величие этих народов, великих в своих свершениях и в своих страданиях, их упорство, их твердость и, особенно, их сердечность.

Часто приходилось Великой Княжне слышать мнение, что в России так многое переменялось за последнее столетие, что когда Она попадет туда, она окажется в чуждом ей мире. Великая Княжна решительно восстает против таких утверждений. Всем сердцем, всей душой Она чувствует, что между русской молодежью «здесь» и «там» есть много разного, но и много общего. Все сведения приходящие «оттуда» показывают, что в среде активной молодежи всё больше и больше развивается тяготение к Вере и это несмотря на все гонения и притеснения. Что «там» развивается тяготение к традиционной Российской Монархии. Таким образом, думает Великая Княжна, все препятствия к единению будет легко перебороть.

Великая Княжна убеждена, что если многое изменилось «там», то многое и теперь меняется. К нам доходят сведения, что молодежь «там» читает столько, как никакая другая молодежь в мире. Причем читает, преимущественно, творения

наших великих писателей и мыслителей прошлого, как и творения современных писателей, запрещенные властью и выходящие в «самиздате». А также книги и журналы изданные в эмиграции, которые, все чаще и чаще, туда проникают.

Во всем этом Великая Княжна чувствует свою общность с молодежью «там», радуется ее радостями, горюет ее горем. Она горда достижениями российских ученых, техников, спортсменов и т. д. Она горда тем, что они соорудили города и заводы, горда полетами российских космонавтов. Ибо всё это — достижения народов России, а не, чуждой им, коммунистической власти. Она с нетерпением ждала Мюнхенских Олимпийских Игр чтобы порадоваться успехам российских спортсменов, подъему на подиум, медалям и рукоплесканиям.

Но наряду с этим, Она горько скорбит над печальной судьбой многих своих сверстников в России, задыхающихся в тисках партийного бездушия и произвола. Ей больно думать и о тех молодых, которых развратила и развращает власть, отвратительным воспитанием в духе безбожья и материализма. Беспробудное пьянство, даже наркотики, досель неизвестные на нашей Родине — вот удел, увы, очень многих, доведенных до отчаяния гнетом или развращенных партийным воспитанием. Завершение всего этого — трагическое самосожжение молодого рабочего, литовца Каланты, нашедшего только этот способ протестовать против притеснения религии. Нельзя не преклониться перед этим актом, но тем более должен разгораться гнев против мертвящей политики партии. Нет! не этот строй нужен России. Ей нужна молодежь готовая на тяжелый, упорный труд, направленный к очищению Ее от миазмов накопленных этой властью.

.....

Великая Княжна родилась в Семье, на протяжении веков ведшей Россию по пути славы и благоденствия, на протяжении веков связанной неразрывной связью с Россией и Ее Народами. Она знает и сознает, что эта духовная связь никогда не была и никогда не будет прервана. С малых лет Она была воспитана так, чтобы в нужный день и час взять на Себя ответственность за судьбы Родной Страны. Она знает, что тяжела будет Ее ноша. Что одним восстановлением Монархии дело не закончится. После этого настанет долгий и тяжелый труд очищения России от зловредных остатков накопленных владычеством партии и ее пропагандой. Путь очищения и укрепления души

России. Путь постепенного создания нового социального и экономического строя.

В заключение последней из наших бесед, Великая Княжна сказала мне : « Скажите всем вашим читателям, что я обращаюсь к русской молодежи по обе стороны рубежа. Я призываю их всеми силами трудиться, чтобы приобрести знания и опыт, так нужные, чтобы мы могли общими нашими усилиями привести нашу Родину в состояние достойное Ее славного прошлого. Да поможет нам Бог на этом трудном пути ! »

До поможет Бог нашей Царевне, скажем мы.

Беседы собрал :

Гр. Д. Капнист

Вниманию всех верных Российской Исторической
Династии :

Роскошно изданный альбом

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ

Старшая линия Дома Романовых после мученической

кончины Императора Николая II, его семьи и

Великого Князя Михаила Александровича

от Императора Александра II

до Великого Князя Владимира Кирилловича

121 иллюстрация

Пояснения на русском и иностранных языках.

Цена 10 франков. Обращаться просят по адресу

« В о з р о ж д е н и я » .

Диктатура и Монархия

Известно, что Аристотель делил формы правления на три категории: монархию — власть одного, аристократию — власть немногих и демократию — власть всех.

Каждая категория распадалась у него на два подотдела, добрый и плохой. Доброй он считал монархию основанную на праве и обычае и ей противопоставлял дурное единовластие — тиранию. Тираном тогда называлось лицо, которое интригой, насилием или демагогией овладевало властью в демократии, т. е. попросту то, что мы ныне называем — диктатурой. Вот на этих двух видах Аристотелевского единовластия мы и хотим остановиться в настоящей статье.

По существу самого принципа власти, нет ничего более противоположного, чем Монархия и Диктатура. К сожалению, эту простую истину часто игнорируют сами сторонники монархии. Так, в первые годы революции (да и позже) многие монархисты мечтали о «хорошей военной диктатуре», как будто то, что она была бы военной, обеспечивало ей спасительные качества и предохраняло от произвола.

В действительности, диктатура и монархия противопологаются во всем, начиная уже с самого источника власти.

Диктатуры зарождаются, чаще всего, в критические моменты жизни страны. Когда всё идет из рук вон плохо, когда опасность угрожает стране, массы населения, более или менее сознательно, стремятся доверить власть единой волевой личности, «сильному человеку», способному по их мнению вывести из трудного положения, который возьмет на себя ответственность, по существу принадлежащую всей нации. Этот перенос ответственности остро ощущается и диктатором и населением, вследствие чего зарождение диктатуры, узурпирующей верховную власть, носит зачастую характер демократический.

Очень часто, провозглашение диктатуры сопровождается повальной «паникой», общим страхом перед нависшей опасностью. Поэтому, на первых порах, диктатура пользуется широким признанием всего населения. Вспомним, например, первые годы фашизма в Италии или национал-социализма в Германии. Первые всенародные голосования при этих режимах зачастую давали власти абсолютное большинство голосующих и, притом, вполне искренне, без всякой подделки. Диктатуры очень любят подчеркивать это «всенародное» приз-

нение и потому умножают голосования : плебисциты и проч. Причина этих успехов заключается в том, что охваченное паникой население надеется, что диктатор разрешит все наболевшие вопросы. При этом население наделяет диктатора сверхчеловеческой способностью изменить ход событий целиком, так сказать, — в корне. Но — никто не всесилен. Диктатор, физически, не может в корне изменить существующее. Такое изменение возможно только путем длительного процесса постепенного перерождения страны. И вот оказывается (в глазах масс), что диктатор не решил возложенных на него задач, не оправдал доверия. Тогда начинается нисходящий путь, на котором диктатура встречает все большее сопротивление.

Приведенный к власти исключительным стечением обстоятельств, диктатор, даже гениальный, ВСЕГДА — человек случая. После медового месяца между диктатором и народом, наступает неизбежное разочарование.

Трагедия диктатуры, по существу неизбежная, имеет двоякий характер. « Снизу », в массах народных, происходит разочарование. Диктатор не исполнил обязательства осуществить всенародное счастье. По существу, никакая власть сама по себе не может разрешить такой задачи. Но ведь диктатора для того и призывали, чтобы он ее осуществил. Он не оправдал надежд ! Многим тогда приходит в голову мысль : « а почему он, а не я ? Я бы может быть лучше разрешил стоящие перед страной задачи ». Это сомнение в оправданности претензий диктатора на власть неизбежно во всякой диктатуре. Ибо диктатор пользуется властью в силу только всенародной паники. Никаких других основ, ни исторических, ни юридических, его власть не имеет.

Характерно, например, что Наполеон говаривал, что « он сам себе предок ». Этим он хотел сказать, что его власть имела единственным источником ТОЛЬКО его гениальность и его « счастливую звезду ». Отсюда обязательство для диктатора постоянной безошибочности, непогрешимости, ни для кого не возможной. « Дуче всегда прав ! » — говорили итальянские фашисты.

При таких условиях, ВСЯКАЯ, даже самая скромная, критика чего бы то ни было в жизни государства, хотя бы вполне второстепенного, — оказывается бунтом, политическим преступлением, подрывом самых основ власти. Потому-то цензура так пышно расцветает при всякой диктатуре, « правой » или « левой », диктатуре Гитлера, как и диктатуре Сталина.

Но, параллельно с этим процессом падения авторитета

диктатора, развивается другой, уже в душе этого последнего. Чувствуя слабость обоснования своей власти, диктатор склонен преувеличивать удельный вес оппозиции, ВСЯКОЙ оппозиции, и видеть ее даже там, где ее нет, или еще нет. Этим он как бы прдвосхищает существование и вес оппозиции. В нем развивается чувство недоверия ко всем и особенно к своему окружению.

Рекомендую читателю перечитать, в книге Солженицына « В Круге первом », описание стареющего Сталина. Оно убедительно подтверждает всё сказанное выше. Солженицын ярко описал чувство безнадежности Сталина перед всё вновь и вновь возникающими оппозициями, иногда настоящими, иногда мнимыми.

Эта боязнь возможной оппозиции приводит, неизбежно, диктатуру к полицейским режимам всяких ГПУ или Гестапо, к подавлению всякой мнимой или настоящей оппозиции путем террора, истребления, жестокости. Никакая диктатура не избегает такой судьбы. Диктатура Наполеона, столь мягкая по сравнению с диктатурами XX века, не избежала полицейского режима, подавляющего свободу личности. Попытка Наполеона III установить « либеральную империю » быстро привела к падению его режима.

Приходится признать, что неизбежному концу в терроре обречены все диктаториальные режимы. Вопрос только в степени, в количестве пролитой крови, в размерах жестокости.

И еще другая неизбежная черта ВСЯКОЙ диктатуры : в своем стремлении подвести под себя возможно более крепкий фундамент, диктатура всегда льстит народным массам, прибегая к приемам самой грубой демагогии, поощряя самые низкие инстинкты масс, постоянно снижая этим их моральный уровень.

Из всего этого следует, что диктатура — наихудший строй из всех существующих. Как бы ни было отчаянным и запутанным положение, лечение государственности диктатурой приводит только к разложению государственности. Вспомним конец фашистской Италии и нацистской Германии в 1945 году !

Диктатура может принести пользу только тогда, когда верховная власть, сохраняя свои прерогативы, делегирует часть своих полномочий отдельному лицу, строго оговаривая размеры его власти во времени и пространстве.

Так, в 1812 году, Император Александр I, назначив главнокомандующим Кутузова, дал ему власть равную своей, для изгнания из России « галлов и с ними двенадцати языщей », в районе расположения войск и во всем, что относилось к обслуживанию армии. Поручение было ясно ограничено во

времени (время войны) и пространстве (в том, что касалось армии). Результат, как знаем, был положительный. Так понимаемая диктатура может принести пользу государству. Диктатура же сама заменившая верховную власть, на неограниченный срок, может только разрушить государственность и духовно искалечить самое нацию.

В противоположность диктатуре, династическая монархия в самом своем принципе содержит гарантии против эксцессов единовластия.

Мы называем «Династической Монархией» строй, в котором верховная власть принадлежит одному лицу (монархия — власть одного), но при том, что это лицо приобретает право на власть в силу своей принадлежности к определенному роду — «Династии», в определенном, раз навсегда установленном порядке. Таким образом устраняется всякий элемент борьбы за власть. Всем в государстве (и в первую очередь самому монарху) ясно, что такое-то лицо занимает престол только в силу принадлежности к Династии в соответствующем порядке (что не подлежит сомнению), а не в силу каких бы то ни было высоких качеств (всегда спорных).

Монарху, при таких условиях, нет надобности отстаивать свою власть. Он не нуждается в громоздком полицейском аппарате, не должен опасаться конкурентов. Это дает большую свободу действий и позволяет заняться делами более творческими, чем самозащита.

Допустим, что такая гарантия — чисто отрицательна. Она только обеспечивает власть от соблазнов, грозящих диктатуре. Но принцип династической монархии содержит в себе еще и положительную гарантию в том, что политика такой монархии сообразна интересам государства.

Династия состоит из последовательной цепи всех ее главителей, прошлых, настоящих и будущих. Ее корни уходят в далекое прошлое государства, ее настоящее — современный государь, ее ветви заходят в далекое будущее.

Каждый монарх связан с последующими связью самую крепкую, какая только может быть. Связью отца с сыном, внуком и правнуком. Зная, что за ним должен последовать его родной сын (или брат и т. д.), монарх не может не ощущать потребности обеспечить ему спокойное и мирное бытие. Это потребность нравственная, но и чувственная. Вследствии этого монарх стремится устроить страну так, чтобы ее существо-

вание в мире и покое было обеспечено на долгий срок, т. е. сообразно самому характеру страны.

Многовековой опыт власти, накопленный поколениями, передается в Династии не отвлеченным книжным путем, а в виде живой семейной традиции, как бы живого атавизма.

Этот опыт власти учит тому, что верховная власть тверда и устойчива лишь тогда, когда материальные и духовные нужды населения обеспечены соответственно требованиям мировоззрения и морали самого народа.

В этом смысле и следует говорить об «укоренении Династии в народе». Это — требование, подсказанное тем, что можно назвать «монархической моралью». Но, вместе с тем, исполнение этого требования практически насущно для Династии. Требования морали подкрепляются требованиями практически, даже субъективными. Монарх не только «не должен» вести политики вредной или опасной для страны, он попросту не может этого делать, по крайней мере сознательно.

Эта «укорененность в нации» возможна, конечно, только при условии непрерывности Династии. В самые далекие времена это требование остро ощущалось всеми. Приведем тут пример Земского Собора 1613 г. призвавшего на царство Род Романовых.

Собору предстояла задача восстановить управление страной после Смутного Времени. На принципе монархического образа правления сходились все. Но надлежало определить, кому же быть Царем. В кандидатах недостатка не было. И вот Собор постановляет, что «если избрать Царя — вовек не будет Царя». Источник власти Царя — его рождение, А НЕ НАРОДНОЕ ИЗБРАНИЕ. Поэтому Собор озаглавливает свою грамоту «призванием», а не «избанием» на Царство.

Коллективной автор Грамоты этим показывает, как понимал он свою роль. Надлежало не избрать Царя, а только определить на кого, в порядке наследования, падает очередь занять Престол.

В своем стремлении найти ближайшего родственника последне-царствующим Царей (Иоанна Грозного и Федора Иоанновича), Собор остановился на ближайшем родственнике их по женской линии, внучатом племяннике первой жены Иоанна Грозного, Царицы Анастасии. Его отец (будущий Патриарх Филарет) царствовать не мог, будучи пострижен в монахи.

Это включение потомства по женской линии в царствующую Династию характерно для русского династического права. Ключевский в своих лекциях указывает, что уже в Суздальский период зачастую случалось, что удельный князь завещал свой удел дочери (за неимением сыновей). При браке этой

дочери, потомству от этого брака принадлежало качество членов династии, полученное от деда через посредство матери. Подобный случай был и позже, в XVIII веке. Потомство Петра Великого по женской линии, в сознании всей России, было причислено к Роду Романовых.

Сама редакция Грамоты 1613 г. ярко иллюстрирует эти соображения: « Вся Русская Земля, даже до ссущих младенцев, кричае и вопияше, что быть на Московском, Великия, Малыя и Белья Руси и проч. Престоле (приводится полный титул Московских Царей) Великого Августа, его благоцветущего корени (по преданию род Рюриковичей возводился к Августу Кесарю), Рюрика, Игоря, Святослава и т. д. (приводится вся родословная Рюриковичей вплоть до Федора Иоанновича) — сродственнику Михаилу Федоровичу Захарьину-Юрьеву » (тогдашнее именование Рода бояр Романовых).

Последовательность наследования в Российской империи предусмотрена так наз. « Основными Законами », изданными Императором Павлом I, в 1797 году. По этому закону Престол переходит по наследству от отца к старшему сыну, а за неимением сыновей к старшему из братьев, за неимением таковых к старшему из братьев предшествующего Императора и т. д.

В случае исчезновения всего мужского потомства, Престол переходит лицу женского пола, наиболее близкому к последне-царствовавшему Императору, а за неимением таковой к ближайшей наследнице « Императора Родоначальника », т. е. последнего царствовавшего Императора, от которого сохранилось живое потомство.

После преступного убийства в Екатеринбурге, в 1918 году, Императора Николая II и Его потомства и убийства, несколькими днями раньше, Вел. Кн. Михаила Александровича, не осталось, в живых никого из потомства Императора Александра III. (Дочери последнего теперь тоже скончались). Императором Родоначальником стал Император Александр II. Его второй сын, Вел. Кн. Владимир Александрович, скончался в 1909 году. Очередным Главой Династии стал его старший сын — Вел. Кн. Кирилл Владимирович, в 1924 году принявший на Себя Титул Императора, тем утверждая свое качество очередного носителя династического начала.

Следующий за ним, после Его кончины в 1939 году, Сын, ныне здравствующий Вел. Кн. Владимир Кириллович, удовольствовался титулом « Главы Императорского Дома », сохраняя, притом, за Собой, все права Императора.

Неизменяемость порядка Престолонаследия утверждается присягой приносимой всеми членами Императорской Фамилии

в день достижения совершеннолетия, на то, что они будут всегда соблюдать этот порядок и « требовать от других его исполнения ». Царствующий Император повторяет эту присягу во время своего коронования.

Дабы устранить всякое колебание в порядке престолонаследия после Себя, Вел. Кн. Владимир Кириллович опубликовал в 1969 году « Династические Акты », в которых поименно указал лиц, которые должны последовать за Ним в порядке установленном Основными Законами.

Отметим что у Вел. Кн. Владимира Кирилловича нет сыновей, а единственная Дочь — Великая Княжна Мария Владимировна. Соблазн мог быть велик, решить, что революция 1917 г. смела все законы Империи, теперь уже покрытые давностью, что надо держаться « духа » а не « буквы » закона и т. д. Такое рассуждение позволило бы передать наследование, непосредственно за Собой, любимой дочери, помимо живых еще сегодня 8-ми « Князей Императорской Крови » (мужских членов Династии)*).

Великий Князь Владимир Кириллович не поддался такому соблазну, показав глубокое понимание самого духа Закона о Престолонаследии и верность принесенной Присяге.

Изданные в 1969 году Династические Акты гласят : « Отнюдь не нарушая порядка Престолонаследия предусмотренного Основными Законами Российской Империи, Я объявляю, что в случае Моей кончины, Моя Дочь, Государыня Великая Княжна Мария Владимировна, становится Блустительницей Российского ИМПЕРАТОРСКОГО Престола, со всеми правами и функциями, связанными с этим Достоинством, для служения России и охранения Нашей Династии от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили ».

« Когда же право наследия Престола, после кончины последнего из мужеских Представителей Династии, неизбежно перейдет в женскую линию, тогда Государыня Великая Княжна Мария Владимировна, Блустительница Престола, станет Главой ИМПЕРАТОРСКОГО Дома Романовых ».

Таким образом непрерывность Династии обеспечена теперь на долгое время вперед. Вследствие этого восстановление на Российском Престоле Исторической Династии стало практически возможно. Это отнюдь не было обеспечено заранее.

*) Во избежание недоговоренности, необходимо отметить, что в виду несоблюдения этими последними, при совершении браков, условий, предписанных Основными Законами, их потомство (мужское и женское) не может пользоваться правами Членов Императорской Фамилии, в частности лишено права наследовать Престол.

Могло случиться, что все до единого Члены Династии погибли бы в страшные годы революции. В том факте, что часть Династии осталась в живых, мы не можем не видеть действия Промысла Божия, хранящего Россию.

Мы так пространно остановились на этом вопросе потому, что существует мнение, по которому, по восстановлении Монархии в России, Престол не обязательно должен достаться Роду Романовых и даже если достанется ему, то не обязательно Лицу, предусмотренному Основными Законами, которые, дескать, устарели, сметены революцией и покрыты давностью. Согласно этому мнению, будущий Император должен быть избран Земским Собором (который некоторые называют Учредительным Собранием, что всё равно).

Тут-то и уместно вспомнить о Соборе 1613 года. «Если выбрать Царя, вовек не будет Царя»! Действительно: очередной монарх черпает свое право от предыдущего. Но как быть с первым в Династии? Он ни от кого не черпает своего права, он не наследственный монарх. Не будучи таковым, он не может это качество передать следующему за ним и т. д.

Образование династии дело сложное и длительное. Все известные ныне династии возникли в очень давние времена, когда собственно государственность еще не существовала. По мере того как она постепенно строилась, народ привыкал жить под властью одной и той же семьи, наилучшим образом обеспечивавшей его внешний и внутренний мир. Но ее права на власть были еще неустойчивыми. Отсюда сложная, отличная от естественной, система наследования в удельный период, часто к тому же нарушавшаяся. Устойчивая преемственность у нас сложилась гораздо позже, ее первые проявления можно считать от Всеволода III («Большое Гнездо»), т. е. с XIII века, четырьмя веками позже зарождения династии (IX век!).

Такой процесс невозможен в XX веке при уже устоявшейся государственности. Во всяком случае, он может только привести к долгим шатаниям и неустройству, а значит и к несчастью Страны.

Так, все попытки установить во Франции династию Бонапартов кончились неудачей и это несмотря на всю гениальность и популярность ее основателя.

Установление в Швеции династии Бернадоттов стало возможным только в силу усыновления первого из них законным Королем (случай невозможный в России) и искусственного причисления его к династии.

Сторонники избрания Собором часто считают, что Царь становится «Богоданным» через Св. Миропомазание. Тут имеет место смешение понятий. Источник естественного права

смешивают с благодатным актом, которым Церковь преподает Царю особые дары Святого Духа и благословение Божие.

Юридически (да и фактически), новый Царь становится таковым в самый момент, когда его предшественник испускает последний вздох. Во Франции, герольд объявлял народу: «Король скончался, да здравствует Король!» Свящ. Коронование и Миропомазание совершалось много позже, часто по окончании траура по усопшему Государю (1 год!). Причем по нашему обряду новый Император сам на себя возлагал Корону, знаменуя этим, что никто на земле не передает ему власть.

В наших, Российских условиях, второй половины XX столетия, установление новой Династии особенно затруднительно. Действительно, основатель династии — сам попросту диктатор. Он не обладает бесспорностью власти и ему грозят все опасности грозящие всякой диктатуре. Россия, пережившая 50 с лишним лет постоянной диктатуры, не может не отбросить такую попытку ее восстановить, даже прикрывая ее горностаевой мантией Империи.

И еще одно соображение: сторонники избрания Земским Собором по существу не монархисты, а демократы. Источник власти они видят во всенародном голосовании (или в избрании учреждением происходящим от такового), но ведь это и есть власть всех или демократия, как ее назвал Аристотель. Династичный Монарх имеет источником Своей власти самый факт своего рождения в известной семье, в известном порядке, т. е. в факте не зависящем ни от кого в государстве, а только от судьбы, скажут неверующие, или Воли Божией, скажут верующие к какой бы религии они ни принадлежали. Это и есть «Царь Божией Споспешествующей Милостью», как выражается титул наших Царей и Императоров.

С нашей, христианско-монархической точки зрения нам надлежит благодарить Провидение, что Оно, через все ужасы революции, сохранило среди живых Главу Династии, жившей с Россией на протяжении веков. На Нем, для нас монархистов, «свет клином сошелся».

В заключение, еще одно соображение в пользу Династической Монархии. Вопреки широко распространенному мнению, Царский Сан отнюдь не требует от его носителя каких-нибудь исключительных качеств, никакой гениальности, чего, конечно, не гарантирует биологически даже рождение в гениальной семье.

Практика управления, требующая особых качеств, вполне

может быть осуществлена компетентными государственными деятелями. Роль Царя — общее направление политики, соответственно с характером народа, контроль учреждений и арбитраж согласно требованиям морали присущей данному народу. Ко всему этому его, лучше всех других, приготовляет укорененность Династии в Народ, живая Семейная Традиция.

Недавно умерший бельгийский государственный деятель Спаак, как-то в интервью, на вопрос журналиста, какие именно качества, по его мнению, должен иметь государственный человек, ответил : « По моему мнению, государственный человек совсем не должен обладать исключительным умом ! Гораздо важней для него умение принимать решения и потом проводить их в жизнь ». Это-то свойство особенно развивается в членах Династии, семейным атавизмом.

Не будем закрывать глаза на действительность. Актом восстановления Монархии в России, все лежащие перед Монархией задачи еще далеко не будут разрешены. Останется сделать еще многое : очистить народ от всех тех нечистот, которые успела накопить коммунистическая диктатура, построить новые учреждения обеспечивающие государственный, социальный и экономический строй монархии будущего. Все это — дело постепенной, длительной эволюции и может продолжиться многие десятилетия. Это уже дело будущих, ныне молодых поколений России. Поэтому автор этих строк почти-тельно посвящает их

НАДЕЖДЕ БУДУЩЕЙ РОССИИ, НАШЕЙ ЦАРЕВНЕ,
ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЕ МАРИИ ВЛАДИМИРОВНЕ

Граф Д. Капнист

От контестации интеллектуальной и политической к контестации экономической

1. Контестация в коммунистическом мире

Контестация (по-моему контестация лучше, чем оппозиция) происходит и даже развивается во всем так называемом коммунистическом мире, во всяком случае — в Европе. За ней жадно следят в свободном мире, о ней пишут, ее анализируют. Сравнивают пути контестации в Венгрии, в Чехословакии и в других странах. Контестация в коммунистическом мире — явление новое. Всегда были конвульсии, даже оппозиции. Но они происходили, так сказать, во дворцах. Не выходили на улицу. Ликвидировали Крайского, ликвидировали Берию, ликвидировали даже еще много раньше Троцкого, Зиновьева и так далее. Всё это были «дворцовые» распри, распри среди диктаторов или соперников диктаторов. *Они духовного, морального момента не имели.* Может быть моральный элемент, элемент правды (в русском смысле — справедливости, честности) был впервые поставлен в Венгрии. Именно в этом моменте, с моей точки зрения, различие, и различие огромной важности, между «оппозицией» и «контестацией». Оппозиция Зиновьева или Троцкого не содержала никакого момента *правды*. То было лишь политическое, а больше личное, соперничество.

Я не собираюсь повторять всем известные факты. Я хочу сосредоточиться на одном моменте, как кажется мне, недостаточно отмеченном. А именно, на некой логике в развитии контестации. В самой лапидарной форме — вот она: от контестации чисто-интеллектуальной, к контестации политической, а затем — к контестации социальной и *экономической*. Или, если угодно, и тоже схематически: от небольшой группы «интеллектуалов» — к студентам, а затем — к рабочим. Как известно, так оно происходило в Венгрии, в Чехословакии, так оно происходило в Польше (о которой речь особо).

А в России? Мы присутствуем пока, как будто, лишь при первой стадии. «Контестаторы» сейчас пока еще почти исключительно писатели, представители творческой интеллигенции — ученые, художники, музыканты. Небольшая, но активная группа. Участвуют ли студенты? Пока еще мало. Но, как ни важны эти застрельщики, их еще недостаточно,

чтобы добиться коренных изменений, реформ, не говоря уж о революции. Не преуменьшая принципиального и даже практического значения выступления этих групп, нельзя не отметить, что революции делают не они. Они — застрельщики, быть может — даже будущие руководители. Они дают *идеи*, но их недостаточно для серьезной политической *акции*. Для акции необходимы, если не «массы», то, во всяком случае, широкие круги населения, широкие слои трудящихся, короче — рабочие. Необходима «смычка» передовой интеллигенции с рабочими. Так оно было всегда, так оно должно быть и так оно, по всей вероятности, и будет в России.

2. Пример Польши

В Польше мы присутствуем уже при второй смене диктатора *под давлением контестации*. Первая волна контестации, приведшая к власти Гомулку, закончилась неудачей, потому что Гомулка оказался не Дубчеком, а Гусаком. Но измена Гомулки и его поражение тоже характерны. Мало кто помнит, вероятно, что «либерал» (на первых порах) Гомулка перешел совершенно на сторону советского коммунистического руководства, стал верным приспешником и союзником Брежнева, потому что он не смог наладить сколько-нибудь сносной промышленной продукции обеспечив более высокий жизненный уровень рабочим, а также дав им некоторое соучастие в «хозяйстве» предприятий. Короче — он споткнулся о принцип *participation*. В начале «эры Гомулки», и совершенно самоотечком, появились на предприятиях (фабричные) *советы рабочих*. Функции и права их были очень неопределенны. Но всё же они добились, как будто, некоторого улучшения своего материального положения. Но, при катастрофически низкой производительности этатизированной промышленности и катастрофически неэффективной бюрократической экономической системе, без *коренных* экономических реформ обойтись было нельзя. А на такие реформы Гомулка не смел и, вероятно по некомпетентности, не в состоянии был пойти. Оставалось одно: пойти по протеренной дорожке, скрутив некоторое соучастие рабочих хотя бы в найме рабочих, в обсуждении ставок зарплаты, условий работы и так далее. Короче — вернуться к обычной для коммунистической системы эксплуатации труда.

От ступеньки к ступеньке — все «либеральные» завоевания сошли на нет. Такова уж, по-видимому, логика коммунистической диктатуры (и всякой диктатуры): нельзя допустить бреши ни в чем. Словом, в Польше начался снова зажим

во всем. Но начался он с зажима на производстве, то есть — на фабриках. Поразительное дело. Соучастие рабочих (в той или иной степени) в функционировании предприятий принимается, и применяется в некоторых секторах, в так называемых «капиталистических» странах, во Франции, например. Здесь речь идет лишь о дальнейшем развитии participation (соучастия рабочих), а не о сокращении. Но в так называемых «социалистических» странах соучастие рабочих недопустимо. Как это блестяще доказал Гомулка. (Я оставляю за скобками Югославию, поскольку у последней, как будто, свой собственный путь. Куда он приведет, еще неясно).

И вот в Польше началась новая волна контестации (вторая по счету пока). На этой второй волне надо особенно остановиться.

Началась контестация снова сперва среди небольшой группы творческой интеллигенции: писателей, профессоров, экономистов, философов (а в Польше еще были таковые, например, Адам Шаф, коммунист, но сдержанный «экзистенциалист»).

Затем — и здесь важный момент — контестация перекинулась в университеты, ее подхватили студенты. Причем массово. Контестация охватила даже студентов-«папиных сынков», баловней режима. Начались манифестации, уличные демонстрации, схватки с полицией. Дошло и до баррикад.

Гомулка начал обычную репрессивную акцию: чистки, аресты, осуждения на тюремное заключение и так далее. Некоторое время могло казаться, что он снова выйдет победителем (при аплодисментах Кремля). Но вышло не так. Контестация, на сей раз принявшая уже форму прямых требований, перекинулась на фабрики, сперва — на судостроительные верфи. И тут существенно отметить, что последним и решительным толчком к рабочей акции были чисто-экономические требования — повышения зарплаты в связи с повышением казенных цен на съестные продукты.

Гомулка пытался действовать обычными методами и тут. Бастующие рабочие (а к тому времени были уже и забастовки) были объявлены «хулиганами», «антисоциальными элементами» «агентами контрреволюции» и так далее. Однако, беспорядки лишь разрастались. Дошло до кровавых столкновений с полицией и вызванными войсковыми частями. На стороне рабочих, по официальным сведениям, было 30 убитых. Вздоражилась вся страна. Дальнейшее известно. Гомулку убрали, на его место «выбрали» Герека, воспитанного во Франции умеренного «либерала-коммуниста». Началась своего рода «пражская весна», которая, пока что, еще как будто про-

должается. Хотя уже, по сведениям, были «дружеские советы» Брежнева сократить «вольности». Ведь за этими (относительными) «вольностями» ревниво следят во всем «социалистическом» лагере и — в России (судя по Самиздату, хотя бы).

3. Возможная эволюция контестации в России.

Я привел пример Польши имея в виду, конечно, возможное развитие событий в России. Кстати сказать, польский пример наиболее показателен (пока что), но он не единственен. Примерно по той же схеме развивались события и в других коммунистических (европейских) странах. Такова, по-видимому, их логика или «диалектика» (принимая этот термин как развитие), в современных условиях, в коммунистическом мире. Да так оно было и раньше. И в России, и на Западе. Ведь и во Франции социализм «выдумали» «интеллектуалы», философы, писатели, начиная с графа Сен-Симона, отца даже термина «социализм». Затем социализм, как социально-экономическое движение, распространился и на рабочих. Сам Сен-Симон исходил именно из моральных и даже религиозных соображений, он требовал *правды*, социальной справедливости, а вовсе не отрицал ни частной собственности, ни роли промышленников, «индустриалов», ни даже банкиров! Наоборот, он считал их роль прогрессивной (экономически) и положительной. Но он бичевал «тунеядцев», пользующихся всевозможными привилегиями, в том числе и привилегией наследования незаслуженных богатств. Он требовал иного распределения богатств, в том числе и собственности. Но я отвлекся. Вернусь к нынешнему веку, к нашей действительности и — к России. Какие выводы для России можно сделать из польского опыта?

А выводы можно и надо сделать очень простые и напрашивающиеся как бы сами собой. Чтобы поднять на действие широкие слои трудящихся, одних моральных требований недостаточно: трудящимся надо дать ясные и привлекательные социальные и экономические цели. Что совсем не легко и не просто, *не впадая в демагогию*. Обещать сразу же «молочные реки и кисельные берега» не трудно. Здесь и есть (пагубная) демагогия. Ведь так и действовали большевики в 17-м году, и раньше. Фабрики, мол, должны принадлежать рабочим. Стоит только захватить фабрики и все будут богатыми... Что получилось, всем известно.

Нельзя повторять пройденного. Нельзя снова обещать «фабрики — рабочим». Но обещать им *соучастие*, соучастие

действительное, в экономической жизни страны и в частности — в промышленной продукции и в распределении богатств (прибыли), — можно и надо. Ведь это и есть социализм, *socialisme par la participation*, к которому я еще вернусь. Ни в коем случае нельзя стремиться к восстановлению старого « капитализма », который уже — пройденный этап и на Западе. Но нельзя и оставить нынешний государственный капитализм, или « социализм » в ленинско-сталинской концепции.

Короче — нужна экономическая доктрина, которая может, и должна, прийти на смену нынешней действительности, нужен новый творческий синтез, как его ни назвать : « экономикой смешанного типа », « третьей экономикой » или иначе.

В России уже циркулируют термины « нравственный социализм » (автор — Солженицын *), « гуманистический социализм » (русский перевод термина, предложенного Дубчеком, « социализм с человеческим лицом »). Во Франции голлисты и другие предлагают « *socialisme par la participation* ». Однако, *participation* с необходимостью будет иметь различную форму (вначале) в странах с уже огосударствленной промышленностью и в странах с частным предпринимательством (вульгарно — в странах с « капиталистической » экономикой).

Тема экономического переустройства России — тема огромная и тема огромной важности, и не только для России, но и для всего мира. Как это ни странно может показаться, здесь, и именно здесь, может проявиться и русский мессианизм. Ведь в России впервые (хотя и страшной ценой — ценой крови, нищеты и страданий) была сделана попытка создания *новой экономической системы*. Не хочу ее никак называть, так как все традиционные названия оказались *ложными* (социалистическая система, коммунистическая, марксистская и так далее). Я говорю *новая система*, потому что новой она была. Мессианизм России в этой, в социально-экономической, области может сказаться в том, что она снова же впервые создаст *новую более справедливую и эффективную систему, новую модель, новый синтез*, которые послужат и всему миру. Систему эту я пока условно назову « третьей экономикой » или лучше — « экономикой смешанного типа ». И тут должен с радостью отметить : в моих прогнозах и в моих « пожеланиях » у меня есть мощный союзник, академик А. Д. Сахаров.

*) См. дискуссию по меморандуму академика А.Д. Сахарова, в брошюре, посвященной меморандуму, изданной « Посевом » в 1970 году.

4. Экономические мысли акад. Сахарова.

В своем нашумевшем Меморандуме 1968 года Сахаров затронул и основные проблемы экономики, как в России, так и в США и на Западе, в свободном мире вообще.

Я лично поражаюсь и преклоняюсь перед глубоким мыслителем и выдающимся ученым, каков несомненно акад. А.Д. Сахаров. Он подходит к проблеме, ко всем проблемам человечества, именно не только как ученый, но и как мыслитель.

Конечно, у него лишь наметки, общие принципы и тенденции. Но о них только и может быть речь в таком меморандуме и только о них и может быть речь в обще-программных установках.

Я не могу сейчас подробно анализировать даже только той части меморандума, которая относится к моей (социально-экономической) теме. Отсылаю читателей к заключительной части (характерно, что экономикой и завершил Сахаров свой общий меморандум), озаглавленной «ОСНОВА НАДЕЖДЫ». Приведу лишь самые основные идеи автора, которые касаются самой общей и решающей *характеристики* того экономического строя, к которому ведет, как будто, даже научный прогресс. К этому строю надо и сознательно толкать, звать и вести. Вот, словами Сахарова, характеристика будущего строя как *смешанной экономики* :

«И капиталистический, и социалистический строй имеют возможность длительно развиваться, *черпая друг от друга положительные черты (и фактически сближаясь в существенных отношениях)*». (Подчеркнуто мною). В другом месте меморандума Сахаров сам называет такое сближение *конвергенцией*.

А вот как Сахаров сам характеризует положительные стороны как социализма, так и «капитализма» :

«1) Доказана жизнеспособность социалистического пути, который принес народу огромные материальные, культурные и социальные достижения, как никакой другой строй возвысил *нравственное значение труда*. (Подчеркнуто мною, Л. З.)

«2) Нет основания утверждать (как это часто делают по догматической традиции), что капиталистический способ производства приводит в тупик производительные силы, является несомненно худшим с точки зрения производительности общественного труда, чем социалистический способ производства, и тем более нельзя утверждать, что капитализм всегда приводит к абсолютному обнищанию рабочего класса».

В другом месте Сахаров именно признает, что производительность американской промышленности, например, далеко опередила советскую и что расстояние лишь увеличивается, а не уменьшается. Но вот его заключение не только о желательности, но и о неизбежности *конвергенции* двух систем :

« А самое главное, факты говорят, что на любом другом пути, кроме всё углубляющегося сосуществования и сотрудничества двух систем и двух сфер, со сглаживанием противоречий и взаимной помощью, — что на любом другом пути человечество ожидает гибель. Выбора нет ».

Не надо забывать и того, что Сахарова называют на Западе в ученых кругах « отцом советской водородной бомбы ». Поэтому его слова нельзя принимать, как « легкомысленное, обывательское запугивание ».

К сожалению, на этом я принужден закончить выдержки и комментарии к меморандуму Сахарова. Принужден пока закончить и анализ и прогнозы, касающиеся советской экономической действительности. Как я уже отметил, тема экономической (точнее — социально-экономической) реформации в России огромна. Тема эта едва лишь затронута. Но *основные пути* реформации и даже — переустройства, как будто, намечаются *).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Уже после того, как настоящая статья была написана и сдана в редакцию, в « Русской Мысли » появился полный текст призыва к забастовкам и демонстрациям « Гражданского Комитета ». Сам текст, как указано редакцией « Р.М. », относится к июню этого года.

Тексту листовки, самому факту появления такой листовки, следует, я думаю, приписать чрезвычайное значение. Ведь появление такого призыва и *таких* требований доказывает правильность прогнозов, указанных в настоящей статье. Должно уточнить. В развитии чуть ли не всех революций XIX и даже

*) Могу указать, что о конвергенции и о сближении систем и именно в том же духе, что и Сахаров, я писал уже неоднократно до опубликования Меморандума и в частности в № 75 « Нового Журнала » (в 1964 году), назвав свою статью « О "третьей экономике" ». Я счастлив отметить свою « конвергенцию » с маститым академиком. Конвергенция не обозначает, однако, полного совпадения взглядов.

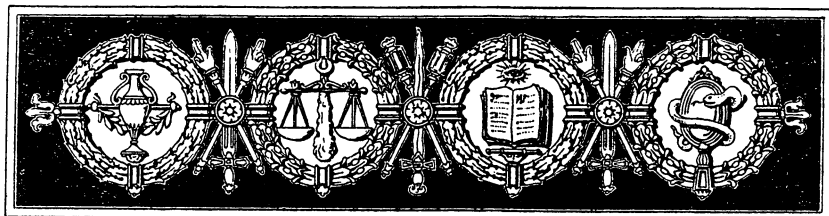
конца XVIII века брожение, как теперь сказали бы — контестационное движение, начиналось с писателей, философов, позднее — журналистов, студентов-«интеллектуалов». Затем оно перекидывалось в «массы», принимало социальный и наконец экономический характер. Немалую роль играло именно *повышение цен*, недостаток продуктов и так далее. Забыли о том, что *последней* каплей, переполнившей чашу в 1789 году, был тоже недостаток хлеба в Париже и резкое повышение цен. Вспомним хотя бы действительную или приписываемую королеве Марии-Антуанетте фразу: «Нет хлеба, так пусть они едят бриош» (булку). По-французски это звучит иначе и это не было насмешкой, а — наивностью.

Нечего напоминать 17-ый год, «когда краюшка хлеба погрозила Александрийскому столпу» (Агнивцев).

Интересно и важно с моей точки зрения и то, что авторы листовки приводят пример Польши (который привожу и я).

Не буду повторять своих аргументов. Они развиты в статье. Скажу лишь, что именно против *экономических* требований будет труднее всего изворачиваться партии, проповедующей «примат экономики», и обещавшей золотые горы трудящимся.

Лев Закутин

Среди книг и журналов

« НОВЫЙ КОЛОКОЛ »

Лондон, 1972 г.

Редакционная статья 1-го номера этого журнала, — отдельных представителей новейшей эмиграции (« иммиграции » в транскрипции « Н.К. ») и « ученых и журналистов Запада », — разъясняет нам, что он « задуман не как декларация единомышленников, а как высказывания свободных людей, которые могут не соглашаться друг с другом ». Этим разнообразием и объясняется своеобразие его « колокольного » звона.

« Колокол » Герцена, как бы к нему ни относиться, бил в набат, « Новый Колокол » — « советских оппозиционеров » — тельнякает: « В настоящее время революционной ситуации в СССР нет », но редакция надеется « что "Новый Колокол" станет одним из звеньев в системе связи двух разделенных миров ». Да полно! Стоит-ли из-за этого огород городить? — для этой цели, при советских посольствах, существуют обширные кадры специалистов.

А несколькими строками ниже, от лица тех-же « несоглашающихся друг с другом » авторов, редакция предлагает советским властям ряд мер (о нет! не требований — это было бы революционным актом), а именно, — дарование гражданам гражданских свобод, некоторые из которых перечисляются.

Язык редакции не всегда досаточно ясен. Ратуя за « сохранение русского культурного наследства », она утверждает « право на ЭКСПЕРИМЕНТ (курсив мой Н.В.С.), как единственную возможность вернуть русское искусство в русло мировой культуры ». Что понимать, в данном случае, под термином « эксперимент », остается загадкой. Может быть, украсить Екатерининский зал советов стенными фресками Марка Шагала, сроднив его, таким образом, с парижской оперой?

Таково несколько сбивчивое впечатление от декларативного вступления журнала.

Оставляя отдельные высказывания на личной ответственности их авторов, « Новый Колокол » выступает разобщенным строем.

Между тем, не в пример зачастую nereодолимым трудностям многих русских журналистов и писателей, новоприбывшие подчеркивают, что они сейчас же нашли поддержку в известных иностранных и староэмигрантских кругах и по-

лучили возможность публично высказываться, не прибегая к дорогому предприятию создания своего органа.

Но если этого всё же оказалось недостаточно, то что же объединяет сотрудников « Нового Колокола » ? — Постараемся найти ответ на этот вопрос в их высказываниях.

« Письмо из России » анонимного « читателя », непосредственно следующее за редакционной статьей, несколько смелее : он призывает журнал стать « голосом думающей и БОРЮЩЕЙСЯ (курсив мой, — Н.В.С.) России », тогда как редакция отрицает существование « революционной ситуации в СССР » и упорно избегает употребления исторического имени нашей страны.

Мы увидим, при рассмотрении других статей сборника, что это не случайно.

Письмо, датированное августом 1970 года, утверждает, что в России « уже довольно хорошо определены некоторые направления и движения », однако в сборнике, вышедшем через два года, мы ничего, кроме общих мест, не находим. И можно успокоить надеющегося на « Новый Колокол » анонимного россиянина : он не рискует получить от журнала некую политическую « указку », а тем более « руководство », которые ему — запальчиво восклицает советский гражданин — « осточертели » !

Да, впрочем, этот аноним из России и сам дальше повторения « демократического » заклинания не идет. Восставая против « уничтожения режимом » — « национальной культуры России » и скорбя о том, что « целые периоды в истории страны — и какие периоды ! — перестали существовать », он, в то же время, ни слова не говорит о поругании религии, скорбя о разрушенных « памятниках культуры, архитектуры, исторических городах », он забывает упомянуть о храмах и монастырях — в которых эта архитектура, главным образом, выразилась. Характерное умолчание.

« Побег » Аркадия Белинкова — автобиографическое повествование, из которого мы узнаем, почему он бежал из России. Его жизненный путь таков : он родился в Москве в 1921 году, там же получил среднее и высшее образование, во время второй мировой войны пристроился в « совинформбюро », но не повезло, был и контужен, а в 1944 году арестован.

В числе многих, распустивших на войне свой язык и перо, Белинков познал «соцреальность» лагерей, тюрем и даже побоев, формирующих социалистическое сознание. В 1956 году, после 20-го съезда КПСС, когда, — как «с мукою», но и предельной диалектической точностью, объявил «кум» — начальник лагеря — политическим заключенным — «зекам» :

« Оказался наш отец
Не отцом, а сукою » *)

— Белинков был освобожден и, мало того, получил право возвратиться в Москву и тут же приступил к чтению лекций и к литературной деятельности, иными словами, был признан начальством прекрасно «перекованным».

За книгу «Юрий Тынянов» кандидатура А. Белинкова была выдвинута «на соискание Ленинской премии; но вышестоящими инстанциями выдвижение было приостановлено», — с горечью замечает автор биографии, а вскоре затем он почувствовал, что волна «неосталинизма» начинает его захлестывать: его принуждают к молчанию и новый арест не за горами...

Нельзя не понять его разочарования и озлобления, но неужели же этого достаточно чтобы прощаясь со страной, которую он называет своею родиной, изругать ее — назвав «смердящей ямой» и присовокупив, что это сквернословие отвергнуть «полковник в отставке, народный артист, токарь-лауреат, доярка-герой, академик выживший из ума, эмигрант-патриот»?

Не берусь судить о доярке, но позволительно спросить, чувствовал ли так Аркадий Белинков, когда еще надеялся получить Ленинскую премию?

Впрочем, его антипатия распространяется не только на советский период русской истории.

Коммунистическое государство, «превратившее жизнь в ад», всего-навсего сменило «глубоко реакционную монархию откровенно преступной диктатурой», утверждает первый редактор «Нового Колокола», воспитанный на истории России по Покровскому.

«Меня интересует», — замечает интеллигент Белинков, — «история беспросветной, сохранившейся навсегда и неиз-

*) Строчки из книги «Поэма России» — вероятно, Александра Галича.

менной при всех исторических обстоятельствах, традиционной подлости русского интеллигентного общества » (не в бровь, а, самому себе, прямо в глаз ?).

Он не поцеремонился даже с Пушкиным : « Пушкин написал обесчестившие его СТИШКИ (курсив мой, — Н.В.С.) « Клеветникам России », за которые его горько осуждал Вяземский, ставший через двадцать пять лет после этого ПОГАНЫМ (курсив мой, — Н.В.С.) царским цензором ».

« В те годы », — говорится о годах последовавших за восстанием Декабристов, — « еще не всё народонаселение России состояло из рабов, льстецов, дрожащих от страха прохвостов и звероподобных душителей, хотя уже многое свидетельствовало о том, что в процессе вековой эволюции народонаселение под благотворным воздействием абсолютистской идеи превратится в стадо предателей, доносчиков, палачей и свободоненавистников ». И, наконец, вывод : « В такой стране, как Россия, где образованное общество и народ испорчены и развращены потомственным рабством и рабовладением, страхом, национальной традицией и исторической наследственностью, свобода никогда не была нужна. Образованное общество, то есть рабовладельцы, пользовалось необходимой ему свободой, а народу нужна была свобода не в форме бесцензурного книгопечатания, а в форме хлеба. Образ правления — абсолютная монархия, конституционная монархия, демократическая республика, республиканская диктатура — его не интересовали ».

Роясь в архивах времен восстания Декабристов, Белинков выписывает всё отрицательное, что, при известной ловкости рук, всегда возможно, и заключает : декабристы — низкие предатели своих друзей и прекрасных идей, аристократы — растленные лизоблюды, купечество — дикая свора псов терзающих побежденных, народ — темное болото, словом — Россия всегда была, есть и будет « страной рабов, страной господ »...

Это зная ненависти к исторической и современной России скончавшийся первый редактор « Нового Колокола » передал в руки своей супруги, для которой был « учителем жизни ».

Испуганная весьма и весьма относительным смягчением, в СССР огульного хуления всего дореволюционного прошлого нашей страны, она негодует : « Русская история фальсифицируется в лестном для русского человека духе, русскому народу приписываются особые качества, воспитывается чувство национальной исключительности, внедряются народные вышивки и даже разрешена мода на иконы »... Боже... оговорился — Карл Маркс, — какой ужас !

Трудно поверить, что искренне нами уважаемый Г.П.

Струве действительно ознакомился со всеми этими писаниями своих протеже.

Итак, убедившись в исконной порочности своей физической родины, Арк. Белинков бежит, как до него «из этой страны-тюрьмы пытался бежать Пушкин и бежал Герцен... Прощай, немытая Россия. Прощай, рабская, прощай господская страна. Страна рабов, страна господ»...

Он скончался в Америке, а «в Израиле, — сообщает автор некролога, — на исторической родине Аркадия Белинкова было посажено четыре оливковых деревца»...

Читатель успокаивается, углубляясь в, чуждую истерике, статью-исследование А. Якушева «Либерально-демократические настроения советской интеллигенции». Несмотря на сложнейшие социально-экономические вопросы, о которых она трактует, основываясь на научном фундаменте, автор обладает редким даром выделить главное и показать не имеющему специальной подготовки читателю глубокие причины расхождения между упорствующей на своих сектантских позициях властью и творческой интеллигенцией.

Якушев объясняет почему обращения к партии и правительству академика А.Д. Сахарова так тревожат коллективного диктатора — верхушку партии. Из-за отсутствия свободы печати и собраний, при стихии страха, унаследованной от сталинского периода, коммунистической диктатуре казалось, что в стране вытравлена самая возможность возникновения общественного мнения — первой стадии организации оппозиции. Но вот выяснилось, что полный контроль, еще достаточно эффективный в других социальных группах, стал невозможен в среде научно-технической элиты. Потому что, чтобы держаться на высоте современной, идущей гигантскими шагами, науки, совершенно необходимо общение русских ученых с культурными центрами стран где свободная мысль ничем не ограничена. Это общение, да и сам, единственно возможный, критический метод научного мышления с неизбежностью приводит русских ученых к выводу о негодности псевдонаучного марксизма.

Правда, утверждает автор, диктатура еще достаточно сильна, чтобы сместить с руководящих постов смелых мыслителей и поставить на их место своих «Лысенко», но это повлечет еще более трагическое отставание экономической мощи страны, на что власть, ради самосохранения, пойти не может. Ведь единственное оправдание существующей бесчеловечной системы заключается в том, что она позволяет сделать огромный прыжок и обратить отсталую страну в передовую.

Это оправдание, при котором все социально-моральные соображения сознательно отбрасываются, — великая цель оправдывает любые средства! — констатирует Якушев, до какого-то времени, советская власть имела. Однако, затем этот рост замедлился, а в последние годы наблюдается некое топтание на месте и даже регресс. Это объясняется многими причинами: усталостью, от постоянного перенапряжения, рабочей силы, ее текучестью и, в отношении гигантских новостроек, ее малочисленностью.

Помимо уже упомянутой «роли крупных ученых как ходоатаев... общественного мнения перед лицом высших представителей власти», диктатуру беспокоит необходимость, в основных решениях, прибегать к участию «экспертов». «Этот "осмос" односторонний», — пишет Якушев, — «происходит проникновение научно-технической интеллигенции в аппарат власти. Кроме того, следует отметить и усиливающуюся в научной среде тенденцию использовать право выборности в общественные организации, в том числе и в партийные. Процесс насаждения «своих людей» в общественные организации становится довольно частым. Под всякими предложениями вышестоящие партийные органы стараются убрать подобных людей с их постов, но на их место «массы» снова выбирают представителей своей среды».

Последовательно придавая первостепенное значение фактору экономики в советском обществе, автор утверждает, что руководящие группы научно-технической интеллигенции, без сговора между собой, но опираясь на те же факты экономической практики власти, приходят к одинаковым выводам.

«Мировоззрение (этих групп) можно определить как демократический позитивизм, или минимализм, резко противустоящий коммунистическому идеологическому профетизму и нравственному максимализму... Прогресс и совершенствование человеческого общества переносится полностью в область экономики и техники».

Но автор оговаривается, что не только материальные интересы вызывают недовольство действительностью у Сахарова (ну еще-бы! — Н.В.С.), и даже и у рабочих, — «речь идет лишь о преобладании мотивов» материального характера.

Ограничиваясь расстановкой шахматных фигур, осторожный автор предоставляет будущему разыграть партию.

По прочтении этого серьезнейшего исследования всё же остается впечатление какой-то недоговоренности. Представляется маловероятным, чтобы такая умница, вырвавшись на свободу, не попытался продолжить программу-минимум Сахарова, принужденного соблюдать некий советский декорум.

*Аноним — « трактат о прелестях кнута » *)*

Звездочка заканчивающая название этой статьи соответствует редакционной выноске внизу страницы : « Эта статья получена нами из Советского Союза и печатается без ведома и согласия автора, без изменений ».

Перифразируя анонимную желчную старуху и мы спросим у редакции « Нового Колокола » : « Всё понятно, кроме одного. Почему эта статья напечатана в « Новом Колоколе », а не в одном из многочисленных « самостийных », щедро субсидируемых иностранными аппаратами расчленения России, органов ? » (стр. 74).

Старуха эта стоит перед моими глазами как живая, — скинь с ее плеч полстолетие и перед вами иступленная, брыжжущая слюной Петербургская « курсиха »... Теперь таких хоть под стеклянный колпак ставь : вымерли или, вдоволь испивши ленинского социализма, отвернулись от своего прошлого. А вот эта — нет ! Зато и честь « Трактату о прелестях кнута »...

В своем « Трактате », анонимная старуха обрушивается на статью некоего С. Семанова, напечатанную в « органе Центрального Комитета Всесоюзного Ленинского Комсомола *Молодая гвардия* », ей чудится, что автор проявляет подозрительную склонность к реабилитации дореволюционной России и сомнение в научной ценности книги первого историка-коммуниста Покровского — « Русская история в самом сжатом очерке ».

Как !? — когда у « ученого » (титул « корифея наук » для Ильича еще не придумали, — Н.В.С.), « право же знавшего русскую историю, — Владимира Ильича Ленина », в его письме к историку стоит :

« Тов. М.Н. Покровскому 5 Декабря 1920 г. Москва

Тов. М.Н. !... чрезвычайно понравилась мне ваша книга... Читается с громадным интересом. Надо будет перевести на иностранные языки... она должна стать... учебником »...

И на эту трактовку русской истории покусились ! Ревизионизм, отступничество !

Вот несколько образцов политической веры « анонима » : « ...советское правительство с первых шагов своей деятельности приняло меры к охране памятников » искусства, но что поделаешь ? грабанаули... и как не понять « злобу народных масс... к предметам обихода царей и помещиков и контрреволюционной деятельности духовенства » ?

Покровский, при поддержке « ученого » Ленина, поносил деятелей тысячелетней русской истории, « они... ни Петр I, ни

Суворов, ни Кутузов, ни даже декабристы, народовольцы... не были для него иконами », — признает анонимная старуха.

« Чем, скажите на милость, священен для нас Александр Васильевич Суворов », или « Петр... при всех своих талантах ? ... Войной против французской революции ? Покорением Польши ? Пленением Пугачева ? Должны ли они быть « святыней » для социалистической страны ? » Для анонима тут нет вопроса.

Обидно только, что светлая коммунистическая эра ознаменовалась не разделом даже, а фактическим присоединением всей Польши к советской империи, Польши обезглавленной Катинским уничтожением офицерского корпуса...

« Почему », тычет правоверная ленинка пальцем в глаз Семанову, « во всей истории русского многострадального крестьянства (слава партии, очастливленного теперь колхозной крепостной зависимостью, — Н.В.С.) он нашел одного героя, который должен остаться для нас « вечной святыней » — Ивана Сусанина ? » И не воспел « Степана Разина, Степана Халтурина, Тимофея Михайлова ? »...

Патриотизм, поучает читателей « Нового Колокола » аноним, « понятие относительное ». « Кто, например, был более верен своей родине — раскаявшийся Достоевский или нераскаявшийся эмигрант Герцен ? ...Достоевский, подписавшийся под формулой « православие, самодержавие, народность » или — Герцен ? По-моему Герцен. А по-вашему ? »

Чей патриотизм является « высоким достоинством человеческой души — пораженца Ленина или оборонца Милюкова ? » — Вот тут старушка несколько зарпортовалась : « пораженец », после Второй Отечественной Войны, звучит неважно. К этой коллекции можно бы прибавить и многое другое, но, как будто, и этого достаточно. Переполненная клеветой, ложью и переливающейся через край ненавистью к исторической России, статья « Анонима », стремящегося вернуть Россию к до-сталинскому, ленинскому коммунизму, — вряд ли найдет на родине тот отклик, на который, видимо, рассчитывает редакция журнала.

Леонид Владимиров — *Восход* (глава из книги — « Советский космический блеф »)

Тема этого повествования слишком специальна, чтобы передать ее в нескольких фразах. На ту же тему пишет Виктор Лавров.

Ограничимся выводом этого последнего, с которым согла-

сится всякий непредубежденный человек : « Советская космонавтика задыхается в рамках партийной мафии. Существует только один действительно конструктивный путь для советской космонавтики — сбросить путы партийной верхушки и соединиться в американской космонавтикой в единую земную космонавтику. Перед лицом космоса, в преддверии огромных затрат на всё усложняющиеся космические полеты, мы должны предстать единым и, главное, свободным человеческим обществом ».

Интересны воспоминания Джеральда Брука о лагерях, но такого рода литература настолько обширна, что еще неизвестного мы в них не обнаружили. Однако, большая наблюдательность и живость изложения приятно отличает его статью и читается с большим интересом. Некоторые ее положения безусловно войдут в капитальный труд о советских тюрьмах, который еще ждет своего автора.

Аноним — Литература о войне в современной критике

Чтобы читатель, прочтя уже « Анонима », не пропустил этой статьи, предполагая, что она принадлежит перу всё той же злостной старушки, редакции следовало бы обозначить его « Анонимом вторым » или « Анонимом приятным во всех отношениях », если же, паче чаяния, обе статьи принадлежат одному автору, то старая ленинка обладает даром перевоплощения...

Несомненно одно : автор этой статьи добросовестно старается показать путь, по которому, со времени войны, идет военная литература в России. Мысль его сводится к тому, что современный писатель по иному, глубже и шире раскрывает проблему ЧЕЛОВЕКА НА ВОЙНЕ, в противовес произведениям военного и близкого к войне времени, когда, по заданию власти, литераторы пытались, в каждом образе, воплотить какого-то собирательного советского патриота, невыносимо ходульного и художественно фальшивого — не отдельного человека, но СОВЕТСКИЙ НАРОД НА ВОЙНЕ в целом. Автор подробно разбирает как писателей обеих групп, так и критику, сугубо казенную или эволюционировавшую параллельно с современными прозаиками.

На стороне этой последней, заканчивает свое исследование

автор, «положительный опыт по-настоящему живой, по-настоящему современной, правдивой и талантливой литературы».

Специальная статья Михаила Гольдштейна о «Музыке в тисках цензуры» — рассказ о невозможном положении русских композиторов состоящих под надзором и, более того, принужденных следовать указаниям казенных критиков. Он находит хлесткие строчки Маяковского, характеризующие это подневольное творчество —

« Разнообразны
души наши,
для боя
гром,
для кровати —
шопот,
А у нас
для любви и для боя —
марши,
Извольте
под марш
к любимой шлепать ! »

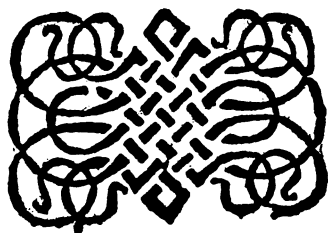
«Государственная советская музыкальная политика стремится любыми способами подавить творческое свободомыслие, оградить художника от размышлений, принудить его к сделке с совестью».

Ограниченность места не позволяет нам, в этом номере, рассмотреть литературную часть журнала, да нас и интересовала более общественно-политическая позиция нового издания на русском языке. Но нельзя не отметить комедии Ю. Кроткова — «Наполеон и акула», хотя, чтобы по настоящему оценить эту пьесу, ее надо видеть на сцене, а не читать. Вещь эта производит впечатление такого реализма, за которым чувствуется близкое знакомство автора со средой чекистов, им живописуемой. Тюремь, лагеря, как уже отмечалось, породили богатую литературу представленную и в данном журнале, но наблюдатель всегда принадлежал к стану заключенных, а Ю. Кроткову удастся показать советскую действительность

глазами чекистов, что расширяет понимание системы террора и подавления воли, как граждан, так и их опытных укротителей. Задача достойная пристального внимания.

В заключение надо сказать, что участие некоторых авторов в «Новом Колоколе» кажется случайным, но ведущая его группа та, характерное произведение которой, а именно статью Арк. Белинкова о декабристах, даже широко смотрящий на политические позиции и на право их публичного выражения Р. Гуль в редактируемом им «Новом журнале» опубликовать отказался, ввиду ее явного руссофобства. «Он опубликовал свое письмо, в котором полемизировал с Н. Белинковой, в «Новом Русском Слове», в статье *Кое-что об инсинуациях и руссофобии*», отмечает редакция «Нового Колокола» (стр. 365). «Статья эта предназначалась собственно для советской оппозиции», разъясняет редакция, но точнее было бы сказать — для ненавистников России и в ее историческом, и в советском образе. Повидимому, «Новый Колокол» и издается для старушки — «Анонима №1» и нескольких ее сверстников. Молодые побеги русского патриотизма, как обнаружила старая ленинка, пробиваются повсюду, даже на страницах органа комсомола — «Молодая гвардия»...

Николай Вл. Станюкович

Права наций

Нам уже приходилось, на страницах этого журнала, касаться национального вопроса. До сих пор мы подходили к нему с той его стороны, с которой он непосредственно переплетается с общей темой, поставленной в нашем журнале — темой освобождения нашей родины от коммунистического ига. Естественно, что рассматривая этот вопрос под этим углом, мы в первую очередь касались тех его проявлений, без правильной оценки которых это освободительное дело становится в тупик: центробежных тенденций невеликоросских национальностей нашей родины, порождаемых их стремлением избавиться от «красной» Москвы, необходимости полного удовлетворения законных чаяний этих национальностей. Но это только одна сторона национального вопроса. Он шире даже в русских рамках. Один русский эмигрант, преданный русской исторической традиции и безусловно отрицательно относящийся к коммунизму, сказал однажды автору этих строк: «В нагнетании шовинизма я вижу даже большую опасность, чем в продолжающемся существовании коммунизма». Приравнение национального чувства к шовинизму заметно и в некоторых кругах подполья внутри России.

Опасение «национализма», а иногда и открытая враждебность к нему, проявляющиеся среди некоторых русских людей по обе стороны рубежа, приобретают еще более широкий размах в мировом масштабе, где бытует идеология, враждебная не только «национализму», но и дальнейшему существованию наций как таковых. Постановка вопроса примерно следующая: все бедствия человечества, в первую очередь войны, при современном развитии науки грозящие самому существованию человечества, а вслед за ними расовые конфликты, проистекают из существования в мире различных народов с различным физическим обликом, самобытными навыками и предрассудками, народов, ревниво отстаивающих свой образ жизни от посягательств со стороны других народов. Пока эти различные народы существуют, вражда между ними будет продолжаться, она неизбежно будет приводить к войнам, что в современных условиях значит к гибели человечества. Стало быть, единственный выход — слияние всех народов, всех рас — в одну общечеловеческую расу. Такого рода идеология существует не только в теории. В некоторых стра-

нах мира она оказывает определенное влияние на ход событий. И хотя число людей, сознательно придерживающихся этой идеологии в той радикальной форме, в которой мы ее охарактеризовали, быть может и не так велико, ее отпечаток тем не менее часто заметен в подходе к национальному вопросу в различных кругах на Западе, и не только на Западе.

Здравомыслящие люди, ценящие то духовное и культурное наследие и тот облик, которые они унаследовали от своих отцов и с интересом и уважением относящиеся к духовному и культурному наследию и облику своих близких и далеких соседей, испытывают инстинктивное отвращение от картины такого будущего, в котором все эти драгоценные наследия будут обезличены в одном общем плавильном котле. Одного отвращения, однако, мало. Его надо осмыслить. В большинстве случаев отвращение порождается ощущением лжи. Эту ложь надо вскрыть.

Рассматривая национальный вопрос в его глубинной сущности, мы вступаем в область философии истории. А первое что надо помнить вступая в эту область это то, что в философии истории нет общего мерил, что в ней нельзя «объять необъятное». Истолкование хода исторических событий, поведения отдельных человеческих личностей и больших и малых группировок людей всегда будет зависеть от подхода данного истолкователя к коренным вопросам мироздания — в конечном итоге, к его приятию или неприятию божественного начала.

У атеиста-гуманиста философия истории основана на перфекционизме, на вере в то, что человеческая природа может, научным путем и в результате развития человеческих познаний, быть «вылечена» от пороков, порожденных несовершенством среды. Понятия добра и зла заменяются понятиями правильности и ошибочности. Исторические события зависят от «закономерностей» развития человеческого общества, при которых проявления свободной воли сводятся на-нет. Под этим же углом рассматривается развитие человеческого общества в будущем. По мере совершенствования человеческой природы и устранения всех калечащих ее пороков, власти, как органы принуждения, станут отмирать за ненужностью и человеческое общество заживет своей полноценной, самостоятельной жизнью.

В противоположность этой радужной картине, у верующего человека философия истории основана на первородном грехе. Исторические события он всегда рассматривает с точки зрения борьбы добра со злом, борьбы, которой в исторических рамках никогда не будет конца. Он рассматривает власть как

начало «удерживающее» от зла и в этом он видит ее назначение. Разумеется, что в практическом плане и в условиях данного исторического момента, взгляды атеиста-гуманиста и верующего будут по ряду текущих вопросов соприкасаться и иногда даже совпадать. И тот и другой стремятся улучшить условия жизни, бороться против болезней и стихийных бедствий, против войн и иных конфликтов. И тот и другой по-своему верят в человеческий прогресс и стремятся к нему. В настоящее время можно указать на множество примеров сотрудничества атеистов-гуманистов и верующих в проведении целого ряда назревших мер по улучшению жизненных условий и борьбы со всевозможными бедствиями. Поскольку, однако, вопрос переходит к идейному обоснованию проводимых мер и приобретает более перспективный характер, различие в подходе становится всё более очевидным.

На первый взгляд «научный» подход атеиста-гуманиста кажется разумным и гуманным, а подход верующего примитивным и жестоким. Атеист-гуманист обосновывает историческое развитие на «закономерностях», а верующий утверждает о кознях лукавого. «Научность» подхода атеиста-гуманиста, однако, сразу попадает под сомнение когда историческое развитие рассматривается в его практическом преломлении, в особенности в современную нам эпоху. Тогда мы видим, что когда власть придерживалась своей роли «удерживающего» от зла, действительно удерживалось гораздо больше зла, чем тогда, когда власть, под давлением «научных» концепций о совершенствовании человеческой природы, открывает настежь двери «обществу дозволения», с его безудержным ростом преступности и морального, а вслед за ним и физического, разложения. У атеиста-гуманиста стелено мягко. Жизненный опыт, однако, показывает, что спастись от этого становится жестче.

Если анализ прошлых и современных событий, предлагаемый сторонниками «научной» теории развития человеческого общества, на практике оказывается несостоятельным, не более внушительны и их прогнозы о будущем развитии общества, основанные на предпосылке, что существование эксплуататорских классов — корень всех экономических и общественных зол прошлого и настоящего, которые будут устранены только в бесклассовом обществе. Советский строй существует на нашей родине уже больше полувека. Допустим, что в историческом плане это срок небольшой, что войны задержали развитие бесклассового общества и что рано еще судить об его обещаемых плодах. Тем не менее, можно было бы ожидать каких-то признаков, каких-то ростков этого бес-

классового общества, тем более, что партийные руководители, по крайней мере на протяжении прошлого десятилетия, неустанно твердили, что эти признаки и эти ростки уже налицо. Их утверждения совершенно голословны и основаны на рекламировании социально-экономического прогресса в СССР, мизерного по сравнению с тем, что достигнуто в «странах капитала» и что было бы достигнуто в России, если не было бы революции. А старые «эксплуататорские» классы только заменены новыми, с той лишь разницею, что старые создали русскую культуру, а новые только водворили царство хама. Это сознают многие «революционеры» за пределами Советского Союза, и многие из них уже отрещиваются от «советского опыта» как от не подлинно «революционного». Фактом остается, что это единственный опыт, проведенный на практике на одной шестой земной суши в продолжение полувека, на основании той же самой теории, которой придерживаются эти «революционеры». Нет никаких оснований предполагать, что они достигли бы иных практических результатов.

В свете этого мы можем вернуться к современным модным теориям о неизбежном отмирании отдельных наций. Хотя среди их приверженцев бывают и верующие, эти теории исходят из предпосылок, характерных для идеологии атеистов-гуманистов, и именно этих их предпосылок мы будем касаться в последующих строках. В этих теориях нация занимает то же место, которое занимают классы в «научных» социальных теориях, как корень человеческих конфликтов, которые могут быть устранены только тогда, когда все нации, все расы сольются в одну.

Начнем с конца: какое основание имеем мы утверждать, что если все расы сольются в одну, все поводы к конфликтам будут устранены? Ровно никакого. По аналогии возникновения новых эксплуататорских классов в Советском Союзе, можно предполагать, что новые разделения произошли бы в этой общечеловеческой расе, которые привели бы к новым конфликтам, по всей вероятности более уродливым, чем современные национальные конфликты.

Несостоятельны также и утверждения о неизбежности слияния всех человеческих рас в одну. Авторами таких утверждений обычно бывают жители больших городов — столиц, портов, промышленных центров — где действительно происходит большое скопление самых разнообразных этнических элементов, и это скопление им представляется чем-то исторически новым, предвещающим общее направление будущего развития. При этом часто ссылаются на легкость пере-

движения в современном мире. Исторически нового в этом нет ничего. Еще в первом столетии нашей эры, озабоченный наплывом в Рим пришельцев из азиатских провинций Римской Империи, Ювенал восклицал: *In Tiberim defluxit Orontes* — потоки Оронта наводнили Тибр. В то время не было воздушного сообщения. Правда, в то время не было и попыток со стороны некоторых кругов римского общества использовать этот приток пришельцев в целях, ничего общего не имеющих ни с интересами этих пришельцев, ни с интересами римского общества, подобных попыткам, которые сейчас можно наблюдать в некоторых странах Запада. К этой теме мы вернемся ниже.

Наконец, мы приходим к исходному положению приверженцев теории о неизбежности появления единой общечеловеческой расы, к их утверждению, что нации как таковые, сами собою, неизбежно порождают национальную рознь и конфликты. Здесь опять проявляется различие между подходом атеиста-гуманиста и подходом верующего. Там где атеист-гуманист видит порок, который должен быть устранен хирургически, верующий видит соблазн, присущий всему земному. Каждый человек, каждая семья, каждая нация не порочны по своему существу. Как всё земное, всё человеческое, они подвержены соблазнам, как будут всегда и в будущем им подвержены все люди, все семьи, все человеческие сообщества, все вновь возникающие народности и даже — если таковая когда-либо возникнет — единая всечеловеческая народность. Говорить, что отдельные нации должны быть ликвидированы потому что их существование порождает национальную рознь, столь же нелепо, как сказать, что каждый человек должен быть уничтожен, потому что его существование порождает рознь и вражду между ним и его соседями.

В своем подходе к национальному вопросу, верующий человек идет дальше. Он знает, что в мире нет ничего случайного, что все стороны домостроительства человеческого общежития предусмотрены Провидением и имеют свое назначение. Такой подход, конечно, шокирует современного прогрессивного гуманиста, усматривающего в нем пережитки средневековья. Но как и во всех других случаях расхождений между атеистом-гуманистом и верующим, проверка практики всегда бывает в пользу последнего. Так же как есть свое назначение у семьи, роль которой не может быть выполнена никаким другим человеческим учреждением, особое место в человеческом домостроительстве принадлежит народу, нации. Все культурные ценности человечества имеют свою национальную почву, и ее источниками пользуются даже те, которые назы-

вают себя космополитами, « гражданами мира ». Национальное самосознание каждого народа пробуждалось по-своему, в различных условиях, питаясь разнородными источниками. В большинстве случаев малые народности сливались в более крупные национальные образования, но иногда происходил и обратный процесс. Из сплава восточнославянских племен, с примесью финских и варяжских элементов, образовался великоросский народ. От латинизированного населения европейских провинций Римской империи произошли, пошедшие по самостоятельным путям развития, современные французы, испанцы, португальцы, итальянцы и румыны. Все эти народы внесли свое жертвоприношение в сокровищницу мировой культуры как нации, питаясь своими национальными источниками. Иначе они этого сделать не могли, и нет никаких конкретных признаков появления каких-то иных путей развития в будущем.

Мы, русские, имеем то преимущество в подходе к национальному вопросу, что наше историческое наследие имеет свои основы в Православии, в котором место и назначение каждого народа имеет наиболее полное признание и обоснование. Православные народы имеют не только свое мирское, государственное бытие. Они духовно объединены в своих Поместных Церквях. Каждый православный христианин одновременно и член своей национальной Поместной Церкви и, через Нее, член Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Национальное бытие таким образом признано и поставлено на свое место, в гармонии с бытием интернациональным, вселенским. В этих условиях национальная вражда становится не только порочной, но и греховной. Тот факт, что национальная вражда неоднократно пробуждалась как между православными и неправославными народами, так и между самими православными народами, этого положения не меняет, так как люди всегда грешили и всегда будут грешить. Если, однако, когда они грешат, они сознают, что грешат, а не поступают по каким-то закономерностям общественного развития, то все шансы на то, что они будут грешить меньше.

На Западе, благодаря особенностям исторического развития западного христианства, возник конфликт между национальными потребностями отдельных народов и наднациональными притязаниями Католической Церкви. Появление там во время реформации национальных Церквей носило характер бунта против Рима, и эти Церкви поэтому оказались вне общения как с Римом, так и между собою. Это имело свое влияние и на развитие политических воззрений на Западе. Наднациональное положение Ватикана побудило возникнове-

ние и развитие интернационализма; а обособленное положение национальных протестантских Церквей, попавших в полное подчинение своим государственным властям, породило узкие национальные тенденции и устремления и искаженное понимание отношений между Церковью и Государством. В наши дни это породило свою реакцию, и поэтому именно на Западе нам приходится сейчас встречаться с отрицанием нации как явления законного и самодовлеющего и с отрицанием самого понятия христианского государства.

Было бы преувеличением, однако, утверждать, что здоровое чутье назначения нации, осененной благодатью своей Церкви, сейчас полностью утеряно на Западе. И в католических и в англиканских и протестантских странах оно продолжает существовать. В наши дни наглядным примером того, какое влияние религиозное сознание народа может иметь на сохранение им своего подлинного облика при посягательствах на него со стороны чуждой ему власти, может послужить Польша.

С другой стороны, среди православных народов иногда можно наблюдать искажение национального начала. Причины этому можно найти в их историческом развитии. Трудно переоценить ту спасительную роль, которую Православная Церковь сыграла в сохранении самобытности балканских православных народов в течение столетий турецкого ига, в первую очередь великого греческого народа, перед которым все православные народы всегда будут в долгу. Эта вековая упорная борьба не могла не привести к некоторой односторонности в подходе к национальному вопросу, и автору этих строк пришлось раз слышать проповедь на Кипре, в которой архиерей проводил знак равенства между понятиями «греческий» и «христианский». Примером подобного ущерба подлинного национального чутья могут послужить и попытки полной «эллинизации» Святой Горы Афона, столь нелепые со стороны преемников Византии, родины просветителей славян Святых Кирилла и Мефодия. Другой вариант национальной исключительности можно наблюдать и среди некоторых наших соотечественников, считающих, что в наши дни весь мир и все народы лежат во зле за исключением одного лишь русского народа, и притом только части его.

Укажем здесь опять, что с точки зрения верующего, эти примеры служат не доказательством несостоятельности и иллюзорности его подхода к национальному вопросу, а указанием тех соблазнов, которые лежат на его пути и должны быть преодолены. Это позволяет нам подвести некоторые итоги выдвинутым нами выше соображениям.

Главное, что необходимо подчеркнуть, это то, что нация имеет свое место в человеческом домостроительстве, что она выполняет функции, без которых человеческое общежитие, так, как мы его себе представляем, не может обойтись, и что нет никакого другого учреждения, доступного нашему пониманию, которое могло бы заменить нацию в этом ее назначении; что те учреждения, которыми противники «национализма» хотели бы заменить нацию, всегда сводятся лишь к вариантам нации, притом вариантам весьма непривлекательным. Стало быть, нация, для того, чтобы исправно выполнять свои надлежащие функции, имеет право на самозащиту от посягательств на ее существование. В этом нет никакого «шовинизма» или «расизма». «Шовинизм» и «расизм» вступают на сцену тогда, когда нация не довольствуется защитой своих прав, а начинает посягать на права других наций. В этом смысле шовинизм и расизм несомненно порочны. Однако, сторонники теорий «отмирания» наций часто пускают в ход термины «шовинизм» и «расизм» для того, чтобы очернить всякое проявление национального чувства, всякое стремление оградить любую нацию от посягательств на ее облик и уклад жизни.

«Шовинизм» — это агрессивный национализм, преувеличенное представление о превосходстве своего народа над всеми другими, которых он всегда может «шапками закидать». Этимологически, этот термин происходит от собственного имени человека, считавшегося прототипом этих пороков. Стало быть, значение его самоочевидно и в дальнейших комментариях не нуждается. Иначе обстоит дело с термином «расизм». Сам по себе, это термин нейтральный. Это просто отвлеченное имя существительное, связанное с определенным фактором человеческого бытия — расой, ничего не говорящее об этом факторе, а лишь констатирующее его существование. Априорно отрицательным этот термин может быть только для тех, кто считает само существование рас самодовлеющим злом. Для тех же, кто считает, что расы имеют свое законное место, положительный или отрицательный характер термина «расизм» будет зависеть от того дальнейшего условного содержания, которое будет в него вложено. Ввиду того, что этот термин общепринято считать отрицательным, попытаемся определить, какие именно представления о расе подлежат отрицанию.

Начнем с самоочевидного. Расизм проявляется в самой уродливой его форме в стремлении одной расы физически уничтожить другую — в стремлении белой расы уничтожить черную, в стремлении черной или желтой расы уничтожить

белую, и т. д. Так же неприемлемо стремление одной расы держать другую в закабалении, лишать ее прав. По аналогии с шовинизмом — агрессивным национализмом, мы имеем здесь дело с агрессивным расизмом.

Вопрос осложняется, когда мы переходим к расизму обороняющемуся, к стремлению «сохранить чистоту» расы. Сложность состоит в том, что мы имеем здесь дело одновременно и с вполне законными инстинктами народов, с их стремлением сохранить свое я и не быть поглощенными и обезличенными в общем плавильном котле; и со всевозможными вздорными теориями, совершенно необоснованными анализом исторического развития народов, теориями, способными иногда принести колоссальный вред. Каждый крупный народ, при своем образовании, обычно имел основное расовое ядро с примесями некоторых других расовых элементов, и это сочетание имело свое влияние на формирование его облика и национального характера. В течение своего дальнейшего исторического развития, будучи уже национально оформленным, каждый крупный народ всегда проявлял способность время от времени поглощать некоторый приток новых пришлых элементов без существенного изменения своего специфического облика, а также уживаться с национальными меньшинствами, поселившимися на его территории. Путь здесь был неровным, происходили бедствия неисчислимого масштаба, и нельзя сказать, что в наше время горизонт безоблачен. Тем не менее, можно сказать что, при доброй воле, все вопросы этого порядка могут быть благополучно разрешены.

Положение меняется, когда этот естественный процесс притока различных этнических групп из одной части земного шара в другую, происходивший в течение всей истории человечества и продолжающийся поныне, пытаются использовать доктринеры отнюдь не в интересах переселенцев, а для достижения своих лелеянных целей. Мы сослались выше на сетования Ювенала на приток азиатских пришельцев в Рим в начале нашей эры, как на пример того, что исторически нет ничего нового в наше время в появлении пришельцев из Азии и Африки в крупных городах Западной Европы. Действительно, ничего нового в этом нет. Надо полагать, однако, что во времена Ювенала, какой-нибудь уроженец Сирии, попавший в Рим как раб, ставил своей первой целью получить свободу и, как римский гражданин, обосноваться на каком-нибудь полезном и выгодном поприще. Усваивая уклад и культуру Рима, он считал себя учеником, и благодарным учеником.

Таковыми же благодарными учениками несомненно считали

бы себя сегодня и многие пришельцы из Азии и Африки в Западной Европе, если бы некоторые коренные жители приютивших их стран не внушали им мыслей совершенно противоположного порядка. В Англии, например, сейчас, как о совершившемся факте, говорят о том, что страна переходит в стадию «многорасового общества». Никто не запрашивал английского народа, желает-ли он такого коренного изменения в своем укладе жизни. Никакого опроса мнений по этому поводу проведено не было, и ни одна из партий не включала его в свою программу. А что представляет собою это «много-расовое общество», можно судить, например, по жалобе одного из периферийных работников учреждений расовых взаимоотношений на то, что в иллюстрациях к детским книгам в Англии по-прежнему изображаются белые дети англосаксонского типа. Когда мы упоминаем о таких фактах, нас могут обвинить в том, что мы проводим какую-то «теорию заговора». Но если есть заговор, то заговорщики никакого секрета из него не делают, а говорят и пишут о своих целях открыто, как о чем-то общепринятом. Тревога же среди населения Англии растет, и по понятным причинам. В течение своей истории Англия неоднократно поглощала в свой организм пришельцев извне — гугенотов, голландцев, цыган, евреев, итальянцев, греков, а после второй мировой войны поляков, украинцев и сербов. Приток этой новой крови не угрожал изменить облик английского народа, потому что источники его были ограничены. В настоящее время перед Англией стоит проблема совершенно иного характера. В результате приобретения независимости рядом колониальных народов Британской Империи и связанных с этим законодательных мер английского парламента — в оценку которых мы сейчас не будем вдаваться, — а также благодаря притягательной силе «государства благосостояния», в Англию нахлынула волна уроженцев Азии и Африки. Источник этого притока во много раз превышает численность населения и так уже густо заселенных Британских островов, и тревога их населения вызвана не столько расовым характером этого нового притока, сколько его масштабом и его бессрочностью.

Решение этой проблемы — дело английских властей и английского народа, и мы не станем здесь преподавать каких либо советов или рецептов. Мы привели ее лишь как пример расизма в обратном действии. Но есть еще один урок, который мы можем извлечь из анализа создавшегося положения. Кризис иммиграции в Англии в настоящее время усугубился политикой негритянского расизма диктатора Уганды Амина, решившего выселить из своей страны проживающих в ней

людей азиатского происхождения. В первую очередь этой угрозе подлежат те из угандских азиатов, которые сохранили свои британские паспорта, но не исключена возможность, что эта угроза нависнет и над всеми проживающими там азиатами. Амин намерен применить к ним ту же политику «вывода», которую Сталин применил к чеченам, ингушам, калмыкам, крымским татарам и немцам Поволжья. Казалось бы, это вопрос, который можно было бы поднять в организации Объединенных Наций. Шансы на успех такого шага, однако, весьма сомнительны.

В связи с этим возникает вопрос: не поспешили ли колониальные державы с дарованием независимости своим подчиненным народам, без гарантий на то, что, получив независимость, эти народы будут придерживаться норм международного права и общежития? Мы уже говорили о праве каждого народа на свою самобытность, на свое я, и это право безусловно и не подлежит никаким ущемлениям. Вытекает ли из него, однако, право на политическую независимость, в той-же безусловной форме? Скажем мимоходом, что если это право существует, его не всегда соблюдают на своих территориях некоторые рьяные поборники прав малых народов, например, Индия.

Но поставим этот вопрос принципиально. Политическая независимость означает политическую власть, а всякая власть должна быть способной выполнять свое назначение. Назначение власти — удерживать от зла. В момент дарования независимости подчиненному народу, власть находится в руках государства, дарующего эту независимость. Как власть преобладающая, в этот момент это государство должно задать себе два вопроса: первый, способствует ли дарование независимости этому народу удерживанию от зла, например, в международных отношениях? Второй: способен ли будет этот народ, получив свою независимость, удерживать от зла в рамках своей юрисдикции? Только в том случае, на наш взгляд, если оба ответа будут положительными, это государство имеет право даровать независимость.

Такая постановка этого вопроса несомненно идет вразрез с международными нормами, установившимися со времен президента Уилсона. Она идет вразрез и с высказываниями нынешнего генерального секретаря организации Объединенных Наций Вальдхейма, возложившего свои надежды на малые нации, как на более надежных поборников дела всеобщего мира, чем великие державы. Но «самоопределение народов» во времена Уилсона не решило старых проблем и лишь создало новые, а коллективная роль малых наций в поддержании все-

общего мира принадлежит к категории неиспробованных на практике гипотез, вроде бесклассового общества или общечеловеческой расы. Единственной осязаемой практической формой функционирования коллективной роли малых наций было бы превращение Объединенных Наций в мировое государство, обладающее силами принуждения. Судя по тому, чего этой организации удалось достигнуть до сих пор, эта перспектива мало привлекательна.

Оплотом всеобщего мира, гораздо более надежным чем эти надуманные гипотезы, представляют собой уже существующие государственные системы, состоящие из исторически сложившихся составных единиц, спаянных общей традицией и общими интересами. Главнейшим препятствием мировому согласию служит то обстоятельство, что одна из крупнейших таких систем, наше государство, находится сейчас в оковах чуждой ему власти, мешающей ему вносить свой ценный вклад в мировое согласие и равновесие. Освобождение от этой чуждой власти позволит всем народам Российской Империи развить свои наследия до полного расцвета, явить всему миру и другим государственным образованиям пример многонационального государства, в котором дан полный простор самостоятельному существованию всех входящих в него народов, и тем самым способствовать укреплению взаимопонимания и мира во всем мире.

И. И. Билибин

Быть или не быть

Чрезвычайная бледность и бессодержательность сентябрьской сессии Верховного Совета СССР поразила иностранных наблюдателей. Речь на нем шла почти только о защите природы, — вопросе важном и запущенном, как всё запущено в настоящее время в Советском Союзе, но всётаки далеко не единственном и далеко не самом наболевшем из тех вопросов, которые, казалось бы, требовали по меньшей мере какого-то разъяснения в «советском парламенте».

Каковы размеры тяжелой неудачи, постигшей в этом году советское сельское хозяйство? Как отзывается она на общем состоянии страны? Каков действительный смысл тех перемен, которые, в несомненной связи с внутренним положением, происходят во внешней политике Советского Союза? Ровно ничего обо всем этом сказано не было и даже экологическая тема становилась расплывчатой, как только дело доходило до конкретных, практических мер, предусматриваемых правительством для борьбы с «загрязнением» природы. Все эти умолчания, конечно, не случайны. Из-за чрезвычайной запутанности всего положения, а может быть и из-за разногласий, вызываемых этим на верхах, сами держатели власти как будто не имеют возможности определить скольконибудь ясную «линию» на ближайшее будущее.

Непредвзятый взгляд на события последних месяцев заставляет признать, что партийная власть попросту не имеет больше средств вести ту политику, которую она вела до сих пор. Об этом жалеть нам никак не приходится, так как та политика была превратной по существу. Но плохо то, что перемены, поскольку они происходят, вытекают не из какого либо нового творческого замысла, которого у этой власти явным образом нет, а из голой необходимости, порождаемой усиливающимся внутренним истощением страны.

Последний визит Киссинджера в Москву не оставляет сомнений: экономическая необходимость — возрастающее расстройство советского народного хозяйства — заставила власть всеми возможными способами добиваться экономического сближения с Соединенными Штатами. В этом есть два очень положительных элемента: во-первых то, что власть уже не может позволить себе, как в сталинские времена, посадить население на голодный паек; и во-вторых то, что сближение обеих величайших мировых держав само по себе

желательно и необходимо. Но и для того, чтобы действительно вывести народное хозяйство страны из маразма, и для создания прочных основ русско-американского сотрудничества требуется — тут и там одновременно — качественно новый, свежий подход, хотя бы тот, приблизительно, за который уже годами ратует А.Д. Сахаров. Вместо этого, для преодоления внутреннего маразма, даже экономического, власть практически не делает ничего, никаких «структурных» перемен не предпринимается, и вся ее надежда теперь как будто на то, что с американской поддержкой удастся в течение какого-то времени сводить кое как концы с концами. А чтобы заручиться этой поддержкой, Советский Союз в своей внешней политике «сбрасывает балласт», там, где тащить его на себе перестает быть возможным, и делает это постольку, поскольку без этой операции обойтись нельзя.

Так пришлось бросить, по окрику Садата, годами возводившуюся военно-политическую позицию в Египте. Из-за необходимости сблизиться с Соединенными Штатами Советский Союз в самом деле не мог поощрять египетский реваншизм, и когда это стало совершенно ясным, Садат вполне естественно предпочел отделаться от советского присутствия, ставшего для него уже только обузой. Воспрепятствовать этому в Москве не могли, могли только сделать вид, будто ничего не случилось, но всё-таки попытались, насколько возможно, «отыгаться» усилением своего «присутствия» в Сирии и в Ираке: провал в Египте мог бы дать повод начать совсем новую политику на Ближнем Востоке, но в Кремле и на этот раз предпочли продолжать старую, только в урезанном виде. Более чем вероятно, что она и в этом урезанном виде упрется снова в тупик, — рисковать «конфронтацией» с США невозможно и при какомнибудь очередном обострении из Сирии и из Ирака тоже придется уходить. Несмотря на сугубую засекреченность, есть очень много шансов за то, что «сбрасывание балласта» по необходимости подготавливается и в Индокитае.

До поры, до времени, всё это скрывается, в особенности от собственного населения, тем более тщательно, что свертывание старой политики не компенсируется никаким новым проектом. Прежнее просто хиреет, а ничего нового не дается взамен. И несмотря на всё секретничанье, в самой России людям более проницательным, и притом настроенным патриотически, становится ясно, что страна попросту начинает терять свое положение великой державы. Вместо того чтобы быть полноценным партнером Америки и объединяющейся Европы, творчески участвующим в построении нового и лучшего мира, Россия подвергается опасности превратиться в какое-то захолустье,

коснеющее в давно уже опровергнутой жизнью догматике партийного строя и обреченное жить всё больше подачками эволюционирующих западных стран.

Опасность эту можно было предвидеть, и ее предвидели, — чтобы в этом убедиться, достаточно перечесть хотя бы предостережения А.Д. Сахарова. Между тем партийная власть единственную возможность «компенсировать» свертывание своей внешней политики находит — в своей «идеологической непримиримости», выражающейся усилением внутреннего гнёта. Этим она может только усилить моральную опустошенность нации, которая и приводит страну в состояние паралича.

Иссякание творческих сил, давно уже очевидное в области официальной советской культуры, сорок с лишним лет уже парализующее подневольное советское сельское хозяйство, расползается наконец и на все без исключения отрасли жизненной деятельности. Серость и жестокость, бесперспективность и безобразность строя, созданного по материалистическому проекту прошлого века, разрушают жизненные силы людей и лишают их воли делать что бы то ни было.

Насильственная позитивистская революция, впервые в России доведенная до своего логического завершения, кончается глубоким надломом народной энергии и, как видно, ни к чему другому она привести не могла. Вопрос теперь в том, можно ли еще исправить этот надлом и что для этого нужно. В иностранном мире, никто, или почти никто, не в состоянии ответить на этот вопрос, потому именно, что опыт сделан в России и в ней доведен до конца; наоборот, сам не пройдя через этот опыт, западный мир, как нам приходилось уже не раз отмечать, подвержен искушению повторять те же роковые ошибки. Но всё яснее становится, что урок усвоен в России, ее лучшими людьми, от которых, как всегда, зависит в конечном итоге национальное будущее. Всё чаще и чаще мы теперь из России слышим именно то, что мы надеялись оттуда услышать.

Чтобы исцелиться от последствий случившегося, надо проникнуться сознанием того, что произошло. Говоря о характернейших чертах строя, созданного в России по проекту позитивистской революции, я сознательно упомянул его «безобразность» (предоставляя читателю делать ударение на втором слого этого слова или на третьем, что лишь слегка подчеркивает тот или другой оттенок его смысла). Строй, лишенный «образа» или коверкающий всякий «образ», — это

нечто полярно противоположное тому качеству: *благообразию*, которое именно в России всегда ценилось особенно высоко. Может быть, ценилось так высоко и оттого, что в нашем национальном характере имеется склонность «безобразничать». Советую читателю с этою мыслью прочесть в этом номере те страницы статьи В. Маркадэ, где говорится о соответствующих чертах нашего Смутного времени XVII века и о некотором их постоянстве, несомненно облегчившем осуществление революционного проекта у нас в XX веке. Только тут безобразность стала уже совершенно бесовской, потому что она была возведена в норму, в закон. Конечный результат — тот, который в своем «Крестном ходе» описал Солженицын: глумящиеся над церковным благообразием безобразники, несомненно опасные даже для тех, кто их прислал, и уж вовсе ни к чему не пригодные, пока их не удастся перевоспитать, — но с другой стороны и полностью сохранившееся благообразие тех, кто не обращая внимания на безобразников идет с зажженными свечами.

Россия будет благообразной, или ее не будет совсем и сам народ ее обратится в безобразную человечину. Наше спасение в том, что это становится до такой степени ясным, и сознается. Мы можем теперь перевернуть ленинский вопрос: «Кто — кого?» Безобразность соприкасается с небытием, она стремится к самоупразднению (что уже и происходит в Советском Союзе теперь). Благообразие причастно вечному бытию и в самых невероятных условиях ее стойкость уже проявилась в России.

Здесь следует сказать несколько слов о прямой связи, которая существует между двумя темами Достоевского, использованными Солженицыным в его «Нобелевской лекции». С одной стороны это — тема «Бесов» с их «расползанием по всему миру»: «казалось, провинциальная кошмарная фантазия прошлого века», но вот эта «фантазия» утвердилась в России, а на Западе молодежь — слава Богу, конечно, не вся, но увы, далеко и не только одна молодежь — «с верхоглядным непониманием извечной человеческой сути» «восторженно повторяет наши русские опороченные зады XIX века». Но что такое эти усмотренные уже Достоевским «Бесы» в их общемировом метафизическом значении? «Деградация до ничтожества», говорит Солженицын. А ведь это и означает потерю всякого образа, безобразность и безобразие, устремленные к небытию. В самом уже мистическом смысле, это именно то, что о демонах, бесах сказал «видавший» их преп. Серафим Саровский: «они гнусны». Полная противоположность всякому благолепию и благообразию.

Но отсюда и становится совершенно понятным, ясным, как день, «не обмолвка, но пророчество» Достоевского, о котором Солженицын напомнил с совершенно особой настойчивостью: «*Мир спасет красота*». В самом деле, чем же и изгонять бесов, как не их полной противоположностью? Эта полная противоположность видна и из того, что красоту, так сказать, принципиально отвергала «наша (т. е. русская радикально-интеллигентская) самонадеянная материалистическая юность», о чем Солженицын также не преминул упомянуть, без сомнения имея в виду всяких писаревых, ткачевых и прочих первобесов.

Таковы и условие, и цель нашего русского, а затем, вероятно, и мирового исцеления: восстановить благообразие, благолепие, — красоту. В своей лекции Солженицын, естественно, развил эту тему в области ему непосредственно открытой — он говорил о роли искусства. Но совершенно ясно, что красота, благолепие, благообразие должны сменить уродство, безобразность во всей нашей жизни.

**

Одно из применений этого общего правила относится к вопросу, который Солженицын в своей лекции затронул мельком: к вопросу наций, обсуждаемому в этом нашем номере И.И. Билибиным. Интернациональная нивелировка — это всё та же безвидность, бесформенность, отрицание и стирание определенного образа. «Самая малая (из наций) несет особые краски, таит в себе особую грань Божьего замысла», говорит Солженицын, и в этом и есть красота. Отнюдь не всякий русский облик благолепен (еще бы!); но благолепными в России могут быть только русские, вернее и шире — российские облики, при всем их естественном разнообразии.

А если в нации признается и утверждается «особая грань Божьего замысла», то благолепными должны быть (должны стать) и все ее проявления: государственные, общественные, даже экономические.

Вспоминается крошечный случай, об оценке которого придется поспорить с одним из ближайших наших друзей и единомышленников, его рассказавшим. Юный эмигрантский отпрыск, быв спрошен о причинах своих монархических настроений, отвечал: «Монархия — это красота!», а наш друг, находящийся уже в годах, счел этот ответ поверхностным и как бы сказать — примитивным. Мне же сдается, в связи со всем вышесказанным, что наш юный зарубежник интуитивно сумел попасть в самую точку, — заметил нечто вообще очень существенное, а в наше время и совсем первостепенно

важное. По-иному, трагически, в обстановке концлагеря, но по существу то же самое думал Петров-Агатов, не мирясь с мыслью о том, что «люди могут за стихи послать в крацер»:

«Лермонтова за открытое подстрекательство к мятежу царь послал развлекаться в Пятигорск, Пушкина — за призыв к свержению самодержавия — в ссылку. Вспомнилась Екатерина, ее разговор с видным художником: не под монархическим управлением угнетаются высокие, благородные движения души, не там презираются и преследуются творения ума, поэзии и художеств. Напротив, одни монархи бывали их покровителями. Шекспир и Мольеры процветали под их великодушной защитой, между тем как Данте не мог найти угла в своей республиканской родине; истинные гении возникали во время блеска и могущества государей и государств, а не во время безобразных (подчеркнуто мною — С.О.) политических явлений и террора, которые не подарили миру ни одного поэта» (опубликовано в «Гранях» № 84, 1972).

Здесь — прямое выражение уже существующего в России сознания, что всякая красота расцветает при монархии потому, что сама монархия — строй благолепный по своему существу. Споры нет, бывали и исключения; у нас кощунствовал Грозный, по всей вероятности душевно заболел, и сам Великий Петр порой отдавал дань, уже упомянутой выше, национальной нашей склонности побезобразничать, что не прошло без вредного следа в соборном подсознании нации; но исключения подтверждают правило, которое в общем действовало на протяжении веков, а если взять всемирную историю, то тысячелетий. И на нынешнем совершенно переломном этапе истории, монархическая верховная власть, как никакая иная, способна обеспечить благообразие нашего народа и благолепие российской страны.

Красота внешних форм отражает, конечно, благообразие внутреннее. Существует определенная монархическая этика, основанная на взаимной любви между Царем и народом, — прямая противоположность тому культу ненависти, который у нас насадили с нелегкой руки — весьма второсортных, но революционных — европейских поэтов (о чем тоже можно с пользой прочесть у Солженицына).

И если верно, что научившись на страшном эксперименте Россия в лице своих лучших сынов переворачивает теперь знаменитый стих и говорит: «Wir haben lang genug gehasst, wir wollen endlich lieben» *), то это значит, что монархическое

*) «Мы ненавидели достаточно долго, наконец мы хотим любить».

решение созревает в России, еще подсознательно для одних, а для других, как мы знаем, уже совершенно сознательно.

Все отношения между людьми, в селе, на заводе, повсюду, безобразные ныне, могут и должны быть облагорожены силой того благолепия, которое присуще внешнему « образу » и самой этике монархии. Это должно найти свое отражение и в деталях тех программ, которые понадобятся для социального и экономического строительства России. Но это уже — дальнейший вопрос.

Хотел было еще сказать несколько слов о выпадах, кое где в эмигрантской печати вызванных нашими последними выпусками. Да стоит ли заниматься пересудами, напоминающими сплетни провинциальной прислуги в средней руки буржуазных домах? Диалог с живой современной Россией мы, слава Богу, имеем возможность вести уже на совсем ином уровне и не надо от этого отвлекаться.

Кн. С. Оболенский

Стороннее сообщение

По поводу публикации произведений А. Галича

Настоящим доводится до сведения всех зарубежных русских книгоиздателей, редакций газет и журналов, а также всех иностранных издательств, что публикация произведений поэта А. Галича (или их переводов), будь то по самиздатовским публикациям их, будь то по записям с магнитофонных лент, может происходить только с разрешения находящегося за границей полномочного представителя автора. То же относится к производству пластинок с песнями А. Галича и использованию этих песен в радио- и телепередачах.

Полномочный представитель поэта А. Галича просит всех, кто печатал произведения поэта А. Галича или переводы этих произведений, будь то отдельными книжками, будь то в сборниках и периодических изданиях, а также всех, кто использовал радиозаписи песен А. Галича в радио- или телепередачах, сообщить, когда, где и какие произведения были опубликованы или переданы в эфир, а также указать сумму авторского гонорара.

Писать по адресу :

Agence Hoffman; 77, Bld. St. Michel; F. 75005 — Paris.

Литературное агентство Hoffman

ПОЛУЧЕНО ДЛЯ ОТЗЫВА

Архиепископ Иоанн С.Ф. (Шаховской). Московский разговор о бессмертии. Изд. Ихтис, Нью-Йорк, 1972.

Вячеслав Иванов. Собрание сочинений, 1. Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Изд. «Foyer Oriental Chrétien», Брюссель, 1971.

Эммануил Светлов. Магизм и единобожие. Изд. «Жизнь с Богом». Брюссель, 1971.

Владимир Варшавский. Ожидание. Изд. УМСА-Press, Париж, 1972.

Святослав Малевский-Малевич. СССР сегодня и завтра. Введение Д-ра полит. наук А. Авторханова. Париж, 1972.

Uncensored Russia. The Human Rights Movement in the Soviet Union. Edited, introduced and translated by *Peter Reddaway*. Jonathan Cape, London, 1972.

В. Максимов. 7 дней творения. Изд. «Посев», Франкфурт/М., 1971.

А. Гладилин. Прогноз на завтра. Роман. Изд. «Посев», Франкфурт/М., 1972.

И. Русланов.. Молодежь в русской истории. Изд. «Посев», Франкфурт/М., 1972.

Роман Редлих. Советское общество. Изд. «Посев», Франкфурт/М., 1972.

А. Краснов. Строматы. Изд. «Посев», Франкфурт/М., 1972.

Г.М. Солдатов. Арсений Мацеевич Митрополит Ростовский 1696-1772. Предисл. Е.Л. Магеровского. St. Paul, Minnesota, 1971.

Vladimir Samarin. The triumphant Cain. An outline of the calvary of the Russian Church. New York, 1972.

Наши представители за-границей:

АВСТРИЯ : Frau Kira Wolff, Bartensteingasse 8, Wien I.

АРГЕНТИНА : A. Plischtschenko, Batalla de Pago Largo 2480
Boulogne-s/Mer, Pcia Bs. As. Tel. : 796-3577.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ : Mr. Andrew Struve, 21, Kidmore Rd., Caversham
Heights, Reading, Berks.

ГОЛЛАНДИЯ : N. V. Martinus Nijhoff-Librairie. B. P. 269, 9, Lange Voor-
hout. La Haye. Pays-Bas.

ЗАП. ГЕРМАНИЯ : Dipl.-Ing. N. Alimov. München 22. Liebigstrasse 16/II.

США : « Slavonic Bazaar », 31 Middle Street, Bridgeport, Conn. — 06603,
Mrs. M. S. Kingston. Russian Book Store « Russ », 443, Balboa Street.
San-Francisco, 18. Calif. 94118, U.S.A.

ВЕНЕЦУЭЛА : Mme G. Balitzky Sur 5, № 83. Caracas.

БРАЗИЛИЯ : Mr. L. Rubanov. Livraria « KNIGA ». Rua Quintino Bocaiuva,
22 - 2.º - S/8 — Caixa Postal 8405. Sao-Paulo.

АВСТРАЛИЯ : « Unification », 497 Collins St., Melbourne, C. I., Australie.

«РУССКАЯ МЫСЛЬ»

« LA PENSÉE RUSSE »

Главный Редактор : Зинаида ШАХОВСКАЯ

«Русская Мысль» — самая большая русская ежене-
дельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каж-
дый четверг на 12-ти страницах большого формата и
предлагает своим читателям широкий обзор междуна-
родных событий, статьи о вопросах религии и филосо-
фии, о науке, литературе и искусстве, интересные ар-
хивные материалы, документы о жизни в СССР.

Все, кто интересуется русским вопросом, читают

«Русскую Мысль»

Адрес РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ :

LA « PENSÉE RUSSE », 91, rue du Faubourg-Saint-Denis, Paris 10°

Tél. : 824-83-16

C.C.P. 5883-44 Paris

Прием по делам редакции и конторы ежедневно от 10
до 18 ч., кроме суббот и воскресений.

В экстренных случаях звонить в типографию: 636-01-29

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА : 3 мес. — 28 фр.

6 мес. — 52 фр.

12 мес. — 98 фр.

ДЛЯ ЗАГРАНИЦЫ : 3 мес. — 6,50 долл.

6 мес. — 11,50 долл.

12 мес. — 22,50 долл.

Цена отдельного номера 2,50 фр.

НЕЗАВИСИМЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВОЗРОЖДЕНИЕ

c/o. Mr. Serge Obolensky,
Chemin de la Côte-du-Moulin, L'Etang-la-Ville, 78 — France
C.C.P. 21148 15 — Paris.

Принимается подписка на второе полугодие 1972 года

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА 4 НОМЕРА :

Во Франции 37 фр.

В США и Канаде 10 долл.

Во всех других странах 50 фр. фр.

Цена отдельного номера :

Во Франции 10 франков.

В США и Канаде 3 долл.

Во всех других странах 13 фр. фр.

Старые номера (кроме некоторых уже совершенно распроданных) можно приобретать по единообразной цене 2 долл. за границей или 8 фр. во Франции. При заказах на целые серии номеров цена по соглашению.

Почтовые чеки и переводы должны быть выписаны обязательно на имя M. Serge Obolensky с пометкой
« для **Возрождения** ».

Спрашивайте « Возрождение » во всех русских книжных магазинах